

Экономика и управление:

научно-практический журнал

Выходит с 1994 года

*Актуальные проблемы экономики
и общества*

Региональная экономика

Финансы

Менеджмент

Социальная сфера

Правовые и политические процессы

1/2018

Редакционный совет

Н.З. Арабаджийски, профессор департамента Администрации и управления Нового болгарского университета, д-р экономики, профессор

Р.Р. Ахунов, проректор по стратегическому развитию Башкирского государственного университета (БашГУ), канд. экон. наук, доцент, DBA

М.А. Аюпов, член-корреспондент Академии наук Республики Башкортостан, д-р полит. наук, профессор

В.И. Буренко, профессор кафедры философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета, д-р полит. наук, профессор

В.М. Валиев, директор НИИ экономических реформ Министерства экономического развития Азербайджана, д-р экон. наук, профессор

Д.А. Гайнанов, директор Института социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, д-р экон. наук, профессор

А.М. Ганиев, руководитель Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан

М.Н. Грачев, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права Российского государственного гуманитарного университета, д-р полит. наук, профессор

А.Н. Дегтярев, и.о. вице-президента Академии наук Республики Башкортостан, д-р экон. наук, профессор

О.И. Зазнаев, заведующий кафедрой политологии Казанского федерального университета, д-р юрид. наук, профессор

Л.Е. Ильичева, директор программ Центра государственно-частного партнерства Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), д-р полит. наук, профессор

Ю.Г. Коргунок, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, д-р полит. наук

И.Р. Кызыргулов, ректор Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан (БАГСУ) (председатель Совета), д-р физ.-мат. наук, доцент

А.В. Кынев, доцент департамента политических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», канд. полит. наук, доцент

Т.Б. Лейберт, директор Института нефтегазового бизнеса Уфимского государственного нефтяного технического университета, д-р экон. наук, профессор

Р.Х. Марданов, Премьер-министр Правительства Республики Башкортостан, канд. экон. наук, доцент

А.Х. Махмутов, действительный член Академии наук Республики Башкортостан, научный консультант редакции журнала, д-р экон. наук, профессор

А.В. Павроз, доцент кафедры политического управления факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета, д-р полит. наук, доцент

П.В. Панов, ведущий научный сотрудник Пермского научного центра Уральского Отделения РАН, д-р полит. наук, профессор

О.Б. Подвицнев, директор Пермского филиала Института философии и права Уральского Отделения РАН по исследованию политических институтов и процессов, д-р полит. наук, профессор

А.А. Пороховский, заведующий кафедрой политической экономии экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, д-р экон. наук, профессор

А.В. Скиперских, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Перми, д-р полит. наук, профессор

А.А. Солиев, ректор Финансово-экономического института Таджикистана, канд. экон. наук, доцент

Л.Н. Тимофеева, профессор кафедры политологии и политического управления РАНХиГС, д-р полит. наук, профессор

К.Б. Толкачев, председатель Государственного Собрания — Курултая Республики Башкортостан, д-р юрид. наук, профессор

В.И. Трубников, вице-президент Российского совета по международным делам, член дирекции Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН

О.Ф. Шабров, заведующий кафедрой политологии и политического управления РАНХиГС, д-р полит. наук, профессор

А.В. Янгиров, директор Института экономики, финансов и бизнеса БашГУ, д-р экон. наук, доцент

ПРАВИЛА

направления статей для опубликования в издании
«Экономика и управление: научно-практический журнал»

1. Статья, представляемая в редакцию, должна соответствовать профилю журнала, быть подписана автором (соавторами) с указанием фамилии, имени и отчества, ученой степени и звания (если есть), места работы и занимаемой должности, телефонов, почтового и электронного адреса автора (соавторов).

2. Статья объемом от 6 страниц (шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал — 1,5, абзацный отступ — 1 см, поля — 2 см со всех сторон) сдается в редакцию в одном экземпляре с приложением информации (файла) на электронном носителе (желательно использовать Word) либо направляется на электронный адрес редакции: ekonuprav@ufanet.ru. Заголовок статьи — не более 8 слов. Страницы нумеруются. Таблицы и графические изображения (рисунки, схемы) даются в черно-белом варианте. Список литературы дается в конце статьи в алфавитном порядке; источники нумеруются, ссылки на них приводятся в тексте статьи в квадратных скобках.

3. В краткой аннотации (до 5 строк) необходимо отметить то новое, что содержится в статье, и реальные возможности практического применения рекомендаций. Также приводятся 5—8 ключевых слов (опорных терминов). Аннотации и ключевые слова представляются на русском и английском языках.

4. Автор статьи несет ответственность за подбор, правильность и точность приводимых фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий и прочих сведений.

Также о Правилах оформления см. здесь: <http://bagsurb.ru/about/journal/information.php>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ №ФС77-69035 от 07.03.2017 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по группам научных специальностей: 08.00.00 — экономические науки; 23.00.00 — политология.

Журнал распространяется по подписке на территории Российской Федерации. Подписной индекс в Каталоге российской прессы (Межрегиональное агентство подписки): 11487 (годовая подписка).

Башкирская академия государственной службы
и управления при Главе Республики Башкортостан
Башкирский государственный университет
Уфимский государственный нефтяной
технический университет

Экономика и управление:

научно-практический журнал

№ 1 (139)

Издается с 1994 года

СОДЕРЖАНИЕ

Актуальные проблемы экономики и общества

Д. ПЕСКОВА, Г. РОССИНСКАЯ. Модель взаимосвязи теневой экономики и домохозяйств	4
Ш. ШАРИПОВ. Энергетическое равновесие «азиатского» и «европейского» векторов	9
С. НАСЫРОВА. Основные аспекты Концепции человеческого развития	15
Е. СЕРГИЕНКО. Малое предпринимательство как система	19
А. РАБЦЕВИЧ. Концепции понимания рынка труда в современной экономической науке	24

Региональная экономика

Р. АХУНОВ, В. ГАРИФУЛЛИН, И. ЗУЛЬКАРНАЙ. Вопросы реализации концепции счастливого образа жизни в муниципальных образованиях Республики Башкортостан	29
Р. АХМЕТЬЯНОВА, Н. ФИЛИППОВА. Инициативное бюджетирование в Республике Башкортостан: возможности и ограничения	33
Г. ГАЛИМОВА. Налоговые стимулы экономики	39
С. ХАРИТОНОВ, Д. МУСИНА, А. ТЮРГАНОВ. Мягкое рыночное управление экономикой региона в контексте цифровой экономики	43
Н. РОЗЕ. Модель эффективного взаимодействия структурных компонентов интеллектуального капитала на региональном уровне	46
А. КУДАКАЕВА. Тенденции развития туристской отрасли в Республике Башкортостан	52

Финансы

А. АХМАДЕЕВ. Формы инвестиционной деятельности коммерческих банков	56
З. МАКСИМЕНКО, И. ЛАКМАН, А. АСКАРОВА, А. АГАПИТОВ. Особенности построения моделей кредитного скоринга для p2p-кредитования	61
А. АСКАРОВА, А. КАРАБЕКОВА. Развитие лизинга в Кыргызской Республике в ретроспективе	68
Я. ТРОФИМОВА. Экологическое страхование в системе рыночных отношений	73

Менеджмент

Р. АГЗАМОВ, Л. АГЗАМОВА. Проектное управление: причины для внедрения и тенденции развития	77
Е. ТЕРЕЛЕЦКОВА, И. ЯГАФАРОВА. Вопросы подготовки кадров в условиях становления цифровой среды современной экономики	82
Н. СИМОНОВИЧ, П. КУРДАНОВА. Метод взаимных исключений психофизиологической экспертизы в управлении персоналом	86
М. ГАЙФУЛЛИНА, Г. НИЗАМОВА. Сопротивление персонала инновационным преобразованиям в компании и способы его преодоления	91
Г. БРИЧКИНА, А. КИЛЬМАМЕТОВА. Внедрение эффективного контракта как средство повышения трудового потенциала	97

Социальная сфера

Г. БИГЛОВА, Р. ХАЙРУТДИНОВ. Социальное инвестирование – перспективный инструмент развития социализации экономики	100
Р. САЛАХУТДИНОВА. Социальная помощь сельским семьям как специфическое направление социальной политики	105
Э. НИЗАМОВА, Ф. МУСИНА, И. ГАФАРОВ, Р. ДАНИЛОВ. Репродуктивный потенциал России и пути его улучшения	110
Н. ВИШНЕВСКАЯ, К. АПОКИНА. Профессиональный союз как институт молодежного сегмента рынка труда	113

Правовые и политические и процессы

А. КУРМАНОВ. О конституционном праве граждан на свободу передвижения, выбора места пребывания и жительства	117
А. МАРКОВ. Трансформация российского политического процесса: структура социокультурного базиса	121
З. МИНГАЗОВА, А. ВАЛИЕВА. Деловая репутация работника государственного аппарата: анализ правовой институционализации	125
А. ОСИПОВ. Система обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь: институционально-правовой аспект	129

CONTENTS

Actual Problems of Economy and Society

D. PESKOVA, G. ROSSINSKAYA. The Model of Relation between the Shadow Economy and Households	4
Sh. SHARIPOV. Energy Balance «Asian» and «European» Vectors	9
S. NASYROVA. The Main Aspects of the Human Development Concept	15
E. SERGIENKO. Small Business as a System	19
A. RABCEVICH. Concepts of Understanding the Labor Market in Modern Economic Science	24

Regional Economy

R. AKHUNOV, V. GARIFULLIN, I. ZULKARNAI. The Problems of Implementation of the Happy Life Concept at the Local Level in the Republic of Bashkortostan	29
R. AHMETJANOVA, N. FILIPPOVA. Proactive Budgeting in the Republic of Bashkortostan: Possibilities and Limitations	33
G. GALIMOVA. Tax Stimulations of Economy	39
S. KHARITONOV, D. MUSINA, A. TYURGANOV. Soft Market Management of the Economy of the Region in the Context of the Digital Economy	43

N. ROZE. Model of Effective Interaction of Structural Components of Intellectual Capital at the Regional Level	46
A. KUDAKAYEVA. Trends of Tourism Industry Development in the Republic of Bashkortostan	52
Finance	
A. AKHMADEEV. Forms of Investment Activity of Commercial Banks	56
Z. MAKSIMENKO, I. LAKMAN, A. ASKAROVA, A. AGAPITOV. Features of Building Models of Credit Scoring for P2p-Crediting	61
A. ASKAROVA, A. KARABEKOVA. Development of Leasing in the Kyrgyz Republic in Retrospect	68
Ya. TROFIMOVA. Environmental Insurance in the System of Market Relations	73
Management	
R. AGZAMOV, L. AGZAMOVA. Project Management: Reasons for Implementation and Development Trends	77
E. TERELETSKOVA, I.YAGAFAROVA. Formation of the Human Resource in the New Economic Reality	82
N. SIMONOVICH, P. KURDANOVA. The Method of Mutual Exclusions Physiological Examination in Personnel Management	86
M. GAIFULLINA, G. NIZAMOVA. Staff Resistance to Innovative Transformations in the Company and the Ways of its Overcoming	91
G. BRICHKINA, A. KILMAMETOVA. Implementation of an Effective Contract as a Means of Increasing Labor Potential	97
Social Sphere	
G. BIGLOVA, R. KHAIRUTDINOV. Social Investing is a Promising Tool for the Development of Socialization of the Economy	100
R. SALAKHUTDINOVA. Social Assistance to Rural Families as a Specific Direction of Social Policy	105
E. NIZAMOVA, F. MUSINA, I. GAFAROV, R. DANILOV. Russia's Reproductive Potential and Ways to Its Improving	110
N. VISHNEVSKAYA, K. APOKINA. Professional Union as the Institute of the Youth Segment of the Labor Market	113
Legal and Political Processes	
A. KURMANOV. On the Constitutional Right of Citizens to Freedom of Movement, Choice of Place of Stay and Residence	117
A. MARKOV. Transformation of the Russian Political Process: Structure of Socio-Cultural Basis	121
Z. MINGAZOVA, A. VALIEVA. Business Reputation of an Employee of the Government: the Analysis of the Legal Institutionalization	125
A. OSIPOV. System of Ensuring National Security of Republic of Belarus: Institutional and Legal Aspect	129

Редакционная коллегия

Р.Ф. Латыпов (главный редактор), И.В. Буренина, Л.С. Валинурова,
И.В. Дегтярева, Ю.Н. Дорожкин, В.В. Еникеев (заместитель главного редактора),
Г.А. Колобова, С.Н. Лаврентьев, А.В. Морозова (ответственный секретарь),
Д.Р. Пескова, Г.М. Россинская, Н.З. Солодилова, И.В. Фролова, С.Н. Шкель

Публикуемые материалы могут отражать точку зрения авторов, которая не совпадает с мнением редколлегии журнала.

Редакция не вступает в переписку с читателями и не возвращает рукописи.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

© «Экономика и управление: научно-практический журнал», 2018

Модель взаимосвязи теневой экономики и домохозяйств

The Model of Relation between the Shadow Economy and Households

Д. ПЕСКОВА, Г. РОССИНСКАЯ

Пескова Динара Рустемовна, д-р экон. наук, заведующий кафедрой экономической теории Уфимского государственного нефтяного технического университета, доцент департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. E-mail: peskovaD@yandex.ru

Россинская Галина Михайловна, д-р экон. наук, заведующий кафедрой общей экономической теории Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета. E-mail: g-ross@mail.ru

Происходящие в современном мире изменения социально-экономических условий хозяйствования в полной мере затрагивают всех экономических агентов, в том числе и домохозяйства как основных потребителей товаров и услуг в экономике и поставщиков ресурсов. Современные экономические реалии (экономическая и социальная нестабильность, снижение общественного благосостояния, политические потрясения и др.) способствуют активизации теневой экономической деятельности, что не может не иметь воздействия на эффективность реализации домохозяйствами своих экономических функций. Под влиянием теневой экономики происходит деформация основных функций домохозяйств, что выражается в изменении конечной формы их деятельности, промежуточных фаз реализации хозяйственных процессов, качественных и количественных характеристик воспроизводственного потенциала общества. Предложенная в статье модель влияния теневой экономики на домохозяйства показывает, как искажаются функции домохозяйств в условиях теневой экономики.

Ключевые слова: теневая экономика, домохозяйства, экономическое поведение, функции домохозяйств.

The ongoing changes of social and economic terms of modern economic situation deliberately touches all economic agents including the households which fulfill the functions of main consumers of goods and services in economy as well as the major suppliers of resources. The modern economic reality (economic and social instability, public welfare reduction, political shocks and others) contribute to the intensification of shadow economic activity. Shadow economy destructively influences the economic functioning of the households. Under the influence of shadow economy the deformation of basic functions of households happens. This is being expressed in distraction of final form of their activity, intermediate phases of fulfillment, qualitative and quantitative parameters of reproductive potential of society. The presented model of relations between the shadow economy and households shows how the functions of households get distorted in terms of shadow practices.

Key words: shadow economy, households, economic behavior, households' functions.

Потребление, воспроизводство рабочей силы, ретрансляция знаний и традиций о наилучших способах производства – это лишь часть экономических функций, эффективное выполнение которых всецело зависит от семьи, домохозяйств и в меньшей степени – от отдельных индивидов. Теневая экономика как сфера преломления базовых установок и функций домохозяйств достигла столь высокого уровня, что ее игнорирование приводит, с одной стороны, к искажению экономических индикаторов, как на макро-, так и на микроуровне, а с другой, не позволяя построить адекватную картину социально-экономического благополучия населения, снижает эффективность социальной политики государства, искажает трудовую мотивацию работников, деформирует морально-этические ценности и ориентации. В связи с этим важно подвергнуть научному осмыслению направления влияния теневой экономики на домохозяйства, а также изучить возможные последствия этого взаимодействия.

Мы рассматриваем домохозяйство как экономическую систему, функционирующую на микроуровне и создающую необходимые условия для реализации социально-экономических функций семьи. Домохозяйство, как известно, играет весьма значимую роль в процессе

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Республики Башкортостан в рамках научного проекта № 17-12-02004 «Экономическое поведение домохозяйств в условиях теневой экономики: современные особенности и пути повышения эффективности государственного воздействия на региональном уровне».

функционирования макроэкономической системы: оно, во-первых, выступает источником ресурсов для производителей товаров и услуг, а во-вторых, генерирует спрос, в определяющей степени воздействующий на структуру общественного производства. Кроме того, сбережения домохозяйств, при условии их связи с рынком капитала [3, 8], обеспечивают решение проблемы его накопления.

Теневая экономика представляет собой совокупность отношений между отдельными индивидами, группами индивидов и институциональными единицами по поводу производства, распределения, перераспределения, обмена и потребления материальных благ и услуг, результаты которых по тем или иным причинам не учитываются официальной статистикой, нарушают законодательство, противоречат интересам общества. Два основных вида институциональных единиц, участвующих в теневой экономике, – это юридические лица и домашние хозяйства. Очевидно, в основе теневой экономики лежат стихийные рыночные экономические отношения. В этой среде действует только рынок, нет ни государственного, ни корпоративного, ни иного регулирования. При этом возможна некоторая кооперация легального и теневого секторов экономики, несомненно, такие отношения имеют нелегальный характер [1, 32].

Социально-экономические деформации являются прямым следствием теневой экономики.

Теневая экономическая деятельность имеет ряд негативных социально-экономических последствий. Особой деформации подвергаются условия конкурентного равновесия, структуры производства и распределения занятости, потребительское поведение и экология. Следует упомянуть и наличие значимых неэкономических последствий.

1. Сокращение доходной части бюджетов всех уровней вследствие деформации налогового поведения лиц, занятых в теневой экономике, перераспределении налогового бремени, что снижает стимулы для добросовестной уплаты налогов и обязательных платежей законопослушными гражданами.

2. Теневые деформации могут оказывать влияние и на возникновение ошибок в сфере государственного регулирования экономики. На это оказывают влияние недостоверные статистические оценки неучтенной и скрытой хозяйственной активности. И они могут проявляться следующим образом:

а) в том случае, если теневая экономическая деятельность развивается более интенсивно, чем официальная, государство, базируясь на неверных статистических оценках, продолжая или иницируя расширительную политику, стимулирующую экономический рост, может спровоцировать «перегрев экономики», неоптимальный рост денежной массы, повышение уровня цен. Теневая экономика растет более быстрыми темпами, чем легальная [8];

б) значимое деструктивное влияние оказывается на политику в сфере труда и занятости. Завышение показателей безработицы, что могло стать следствием учета «теневи́ков» в числе безработных, снижает эффективность государственных мер поддержки лиц, потерявших работу и источник дохода. Это ведет к нецелевому и малорезультативному перераспределению бюджетных средств;

в) существуют и другие просчеты и отклонения при разработке макроэкономической политики вследствие деформированных статистических данных. Это и недостоверный платежный баланс, искажения которого вызваны неучитываемым реальным состоянием движения капиталов из страны и в страну, завышенные индикаторы общего налогового бремени, так как они исчисляются исходя из заниженного ВВП, без учета производства и доходов теневой экономики.

Коррупция, незаконная лоббистская деятельность как факторы неэффективного распределения бюджетных средств существенно снижают эффективность макроэкономической политики государства.

3. Искажения экономической структуры. Эскалация инвестиционных рисков, вызванная теневой экономикой, ведет к замедлению инвестиционной активности, что негативно влияет на спрос на инвестиционные ресурсы.

К подобным искажениям относится деформация пропорциональности развития реального производства, искаженного искусственно завышенным ростом сферы услуг, торго-

посреднического и спекулятивного сектора экономики, наиболее интенсивно взаимодействовавшими с теневыми капиталами.

Отвлечение государственных средств от направления поддержки экономики на противодействие негативным последствиям теневой экономики ведет к неэффективному расходованию бюджетных средств и, как следствие, недофинансированию других сфер, которые могли бы ускорить экономический рост или стимулировать социально-экономическое развитие.

4. Негативная природоохранная ситуация. Повсеместные нарушения экологических норм, несоблюдение правил природоохранных ведомств, возможные в отсутствие государственного регулирования и контроля, наносит существенный урон экологии территорий, на которых расположены теневые производства, также это ведет к ущербу для жителей и негативно влияет на человеческий капитал региона и страны в целом.

5. Усиление социально-экономического неравенства. Распространение рынка теневых товаров, а также деформированное перераспределение факторных доходов оказывает влияние на структуру потребления, поведение потребителя и, как следствие, производителя. Получает интенсивное развитие так называемое «паразитическое потребление», перераспределение доходов в пользу узкого круга людей, ориентирование структуры потребления на товары роскоши, не доступные для большей части населения. Это вызывает усиление имущественного расслоения, наращивает социальную нестабильность [7].

Под влиянием теневой экономики происходит деформация основных функций домохозяйств, что выражается в изменении конечной формы их деятельности, промежуточных фаз реализации, качественных и количественных характеристик воспроизводственного потенциала общества.

В этой связи рассмотрим функции семьи, включающие и экономические функции – функции домохозяйства как такового.

1. Прежде всего, необходимо отметить, что семья выполняет важнейшие функции, связанные с *процессом воспроизводства населения*. Это так называемые *экзистенциальные функции* семьи, в рамках реализации которых происходят рождение, воспитание и социализация детей.

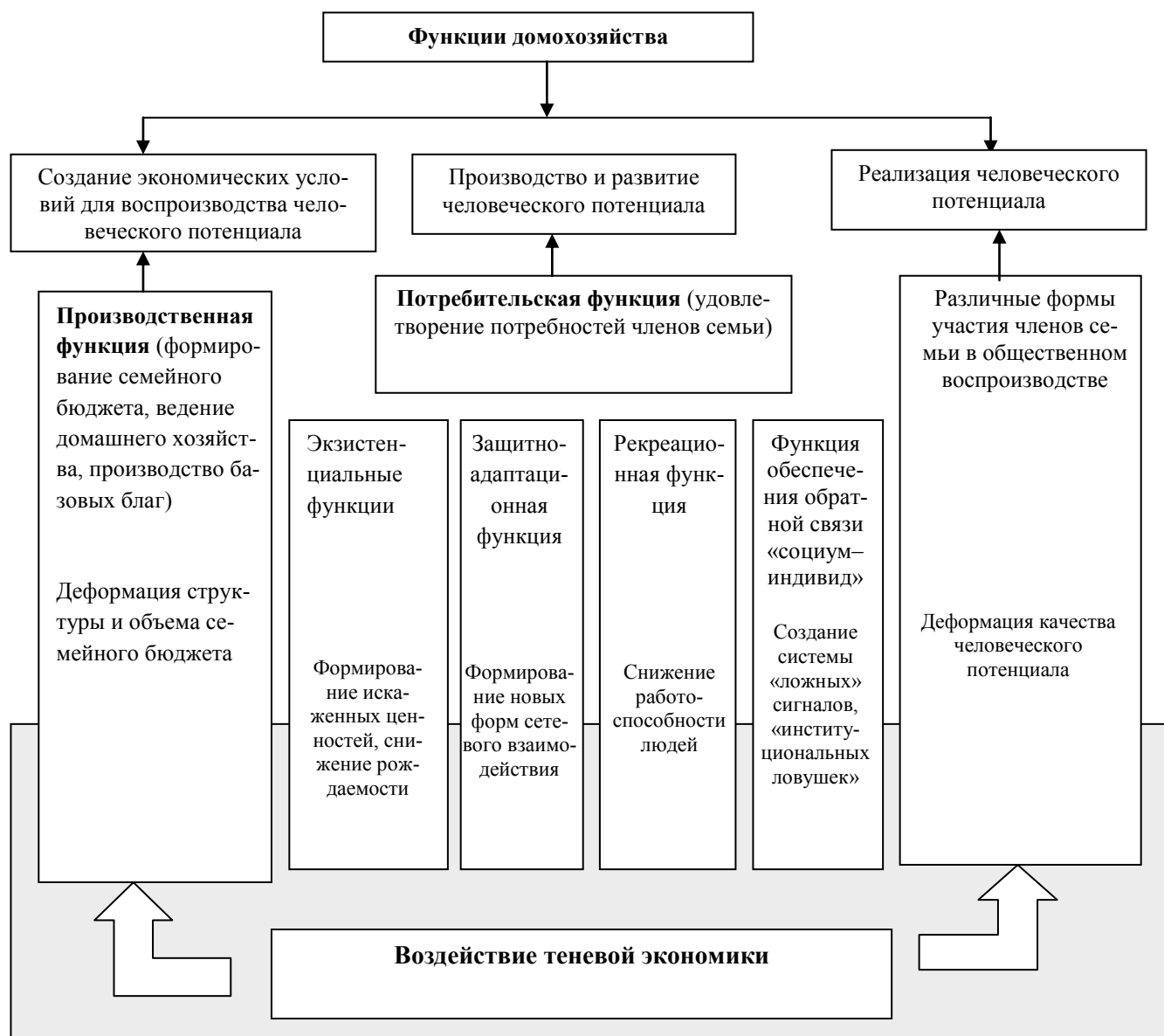
2. Важнейшей функцией семьи является так называемая производственная функция, реализуемая посредством *хозяйственно-экономической деятельности семьи*. Эта деятельность связана с тем, что именно в рамках семьи формируется материально-экономическая основа, обеспечивающая возможности для потребления членов семьи.

Отметим, что существуют различные подходы к интерпретации производственной функции семьи. Так, домохозяйство может рассматриваться как открытая система, связанная с «внешней» по отношению к ней экономикой, и как замкнутая система. Рассмотрим влияние теневой экономики на обе эти формы. В первом случае совокупный доход домохозяйства может рассчитываться как *общий доход семьи*, включающий доход, получаемый собственно домохозяйством в результате своей деятельности, плюс пенсии, пособия и все виды социальной поддержки, получаемые членами семьи (официальный внешний доход), а также возможные неофициальные заработки, получаемые в теневой экономике (неофициальный внешний доход); во втором случае более узко – *только как доход, получаемый собственно домохозяйством за счет производимых продуктов и услуг*, которые могут потребляться им самим (внутренний доход на потребление) или реализовываться как товары на официальный рынок и/или серую теневую (неофициальный внешний доход) [2, 43].

По-видимому, правомерно полагать, что *«расширительный» подход* базируется на понимании роли семьи как *поставщика трудовых ресурсов* «вовне», для нужд «внешней» по отношению к ней экономики.

Более узкий подход предполагает рассмотрение семьи как своеобразной производственной ячейки макроэкономической системы, «фирмы» особого рода, использующей определенные ресурсы (а именно – труд внутри семьи, время и приобретаемые товары) в процессе производства благ для удовлетворения потребностей семьи. При этом, как любая фирма, семья руководствуется своей целевой функцией (на что также оказывает влияние теневая экономика), а ограничениями для нее

выступают ресурсы и нормы (формальные и неформальные). Целевая функция и ограничения определяют экономическое поведение семьи. Семья, как любая фирма, инвестирует время и другие ресурсы в свои активы с целью получения отдачи в будущем [10].

Модель взаимосвязи теневой экономики и домохозяйств

3. Семья реализует *потребительскую* функцию. Через данную функцию фактически реализуются все основные функции семьи, в этом смысле данная функция выступает для семьи базовой. Вместе с тем по сути это – промежуточная функция, она опосредует реализацию других функций – экзистенциальных, рекреационной и др. Деформация потребительской функции под влиянием теневой экономики выражается в искажении структуры потребления домохозяйств, в приобретении благ, произведенных в том числе в теневой экономике, что является фактором, стимулирующим ее развитие. Потребительская функция домохозяйств в условиях теневой экономики институционально обусловлена общественными нормами и ценностями. В свою очередь общественные нормы формируются под влиянием поведения совокупности домохозяйств.

4. Особо рельефно проявляется воздействие теневой экономики на функцию семьи «как посредника между обществом и индивидом» [4, 28]. На уровне семьи происходит корректировка

поведения личности в соответствии с ценностями общества и самой семьи. *Ценности и нормы социума, семьи и индивида приводятся здесь «к единому знаменателю».*

Но, кроме этой, вполне очевидной *посреднической функции*, осуществляемой «в пространстве» социума сегодня, семья выступает также «*посредником во времени*»: она передает ценности (в том числе ценности потребительской культуры, моральные ориентиры) от одного поколения к другому. «Родители инструктируют детей относительно покупок и потребления товаров, интерпретируют информацию, адресованную потребителям (например, рекламу), служат детям моделью для подражания в отношении проведения досуга, питания, употребления алкоголя, коррупционного поведения и т.д. Станет ли ребенок впоследствии потребителем книг, спорттоваров, услуг театров, концертных залов, музеев или потребителем наркотиков, алкоголя, отупляющих и агрессивных компьютерных игр – зависит в первую очередь от семьи» [9, 97]. В этой части посредническая функция семьи и ее теневая детерминанта тесно связаны с экзистенциальной функцией, в рамках которой происходит воспитание, социализация детей.

5. *Защитно-адаптационная функция семьи.* В сложные (и в экономическом, и в психологическом отношениях) периоды именно в семье (домохозяйстве) реализуются адаптационно-защитные механизмы, позволяющие людям выжить, приспособиться к кризисной ситуации. Это, в частности, ярко проявилось в России в период кризиса первой половины 1990-х годов, когда стремительное снижение уровня жизни основной массы населения вызвало резкое повышение активности экономического поведения домохозяйств в сферах индивидуально-трудовой и предпринимательской, аграрной, торговой деятельности. «Домохозяйства в полной мере продемонстрировали в этих условиях свою серьезную функциональную экономическую роль, свое значение как *наиболее стабильной и способной к адаптации ячейки общества*, которая может обеспечить выживание населения в трудных условиях» [5, 19]. Здесь необходимо отметить и возможные положительные аспекты теневой экономики. В кризисные моменты теневая экономика как более гибкая система по сравнению с официальной дает возможность многим домохозяйствам найти средства к выживанию, занимаясь неофициальным предпринимательством, уклоняясь от уплаты налогов, участвуя в серых экономических схемах.

Защитная функция семьи базируется на формальных и неформальных нормах взаимопомощи и оказания материальной поддержки членов семьи [6, 377]. Участие теневой экономики в реализации этой функции проявляется в прочности сетевого взаимодействия участников теневых сделок, когда при выборе потенциальных контрагентов по множеству критериев предпочтение отдается членам семьи, «клана» как наиболее надежным партнерам.

Рекреационная функция семьи. Человек должен иметь возможности для отдыха, восстановления работоспособности, сил, израсходованных в процессе труда. Особенностью теневой занятости является сверхэксплуатация работников, их социальная незащищенность. Вторичная и третичная формы теневой занятости лишают людей возможности полноценного отдыха и восстановления сил. В этом проявляется негативное влияние теневой экономики на рекреационную функцию домохозяйств.

Необходимо особо подчеркнуть тесную взаимосвязь, взаимообусловленность практически всех основных функций семьи. Например, результаты выполнения производственной функции во многом определяют особенности реализации экзистенциальных функций; потребительская функция прямо связана с уровнем реализации репродуктивной функции (от числа детей серьезно зависит уровень потребления семьи) и т.д. Влияние теневой экономики деформирует все функции домохозяйств. Это проявляется, в частности, в том, что воспроизводство населения, а значит, и трудового потенциала подвергается качественному и количественному сужению, деградации, в результате в лучшем случае в экономике возможно лишь простое воспроизводство.

Литература

1. Буньковский Д.В. Противодействие теневым экономическим отношениям в СССР // Исторические традиции правоохранительной системы России. Иркутск, 2016. С. 31–37.

2. Жеребин В. Классификация, функции и значение деятельности домашних хозяйств // Вопросы статистики. 1997. № 2. С. 42–50.
3. Жеребин В., Красильникова Т. Домашние хозяйства в переходной экономике // Вопросы статистики. 1998. № 1. С. 3–12.
4. Иванова Р. Институт семьи для России // Вестник Института экономики Российской академии наук. № 1. 2009. С. 63–79.
5. Качество экономического роста: теория и практика оценки и управления. М.: ЗАО «Издательство «Экономика». 2007. 218 с.
6. Олейник А. Институциональная экономика. М.: ИНФРА-М, 2013. 416 с.
7. Пескова Д.Р. Теневая составляющая экономического роста. Уфа, РИО БашГУ, 2008. 176 с.
8. Пескова Д.Р., Шавлуков А.М. Критический анализ методов измерения теневой экономики // Методологические проблемы моделирования социально-экономических процессов: сб. ст. II Всерос. конф. с междунар. участием, 2014. 274 с.
9. Ростовцева Л. Потребительская культура: между гедонизмом и аскетизмом // Вестник Московского ун-та. Сер.18. Социология и политология. 2002. № 4. 374 с.
10. Peskova D., Rossinskaya G. Peculiarities of household economic behavior in terms of shadow economy // Journal L'Association 1901 «SEPIKE». 2013. № 3. P. 191–196.

Энергетическое равновесие «азиатского» и «европейского» векторов

Energy Balance «Asian» and «European» Vectors

Ш. ШАРИПОВ

Шарипов Шамиль Гусманович, канд. экон. наук, генеральный директор ООО «Газпром трансгаз Уфа». E-mail: prservice@ufa-tr.gazprom.ru

В исследовании анализируются тенденции продвижения Россией глобального экономического тренда – достижения энергетического равновесия на евразийском пространстве с учетом изменяющихся геополитических контекстов. В связи с этим принципиальным является как партнерское взаимодействие с национальными правительствами государств, так и их объединениями, что позволяет не только принимать тактические решения, но и очерчивать стратегические параметры взаимовыгодного международного сотрудничества в союзном формате на перспективу.

Ключевые слова: евразийское пространство, энергетическое равновесие, стратегирование, союз, партнерство, прогнозирование, газохимия.

The study analyzes trends in Russia's progress towards a global economic trend – achieving energy balance in the Eurasian space, taking into account changing geopolitical contexts. In this connection, both partnering with national governments of states and their associations is fundamental, which allows not only to make tactical decisions, but also to outline the strategic parameters of mutually beneficial international cooperation in the Union format for the future.

Key words: Eurasian space, energy balance, strategy, union, partnership, forecasting, gas chemistry.

Факторы формирования современной энергетической реальности. Радикальная трансформация глобального энергетического рынка происходит под влиянием совокупности геополитической, макроэкономической, технологической реальностей, комбинация которых приводит к фундаментальным изменениям мирового порядка в развитии газового сегмента. Наступление «золотого века газа», согласно прогнозу Международного энергетического агентства (МЭА), ожидается к 2035 году, когда объемы мирового потребления газа возрастут в полтора раза. Параллельно происходящие расширение номенклатуры газовых ресурсов и модернизация структуры газовой

отрасли, формирование новейшей евразийской энергетической архитектуры в условиях нарастания конкуренции на международных рынках обуславливают необходимость усиления передовых позиций России на глобальном газовом рынке.

Согласно базовому сценарию МЭА, к 2040 году глобальное потребление первичной энергии вырастет на треть. Около двух третей дополнительного спроса обеспечат страны Азии. Китай сохранит статус крупнейшего потребителя энергии, но наибольший дополнительный спрос на энергоресурсы обеспечит Индия, потребности которой возрастут более чем в два раза, в том числе по причине бурного демографического роста. Также прогнозируется увеличение потребности в энергоресурсах в ряде стран Азии, Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки [5, 14]. Вполне вероятно, что для развития растущих экономик этих стран потребуются не только углеводородное сырье, но и высокие технологические переделы, которые способна обеспечить Россия.

В условиях трансформации газового рынка Россия способна не только остаться поставщиком энергетического сырья (как трубопроводным транспортом, так и в формате сжижения природного газа – СПГ), но и стать международным центром газохимического производства, развивающим инновационные технологии многоступенчатой переработки сырья. Максимизация деятельности российских энергетических компаний, нефтегазохимических кластеров, производителей импортозамещающего оборудования, инжиниринговой индустрии, рассчитанная на концентрированную синергию внутренних экономических эффектов, безусловно, может быть результативной. Однако для наращивания потенциала одновременного конкурентоспособного присутствия в двух основных энергопотребляющих регионах – Европе и Азиатско-Тихоокеанском регионе с предоставлением широкой номенклатуры углеводородной продукции, включая высокие переделы, необходима международная кооперация, предполагающая оптимальное рассредоточение по территории России и ее стран-партнеров газовых хабов, заводов СПГ, газохимических производств.

Стратегически значимая позиция России по укреплению и модернизации европейского вектора в качестве ключевого приоритета дипломатических и торговых отношений четко прослеживается в энергетической сфере, особенно в вопросах выстраивания партнерства с ЕС и Турцией.

В то же время высокие риски политизации экономического сотрудничества в этой сфере, в том числе проявившееся в определении энергетических констант, диктуют необходимость сосредоточить усилия на модернизации «экономики трубы» с выходом на иные варианты формирования энергетического каркаса.

Развертывание крупных инфраструктурных проектов, предполагающих смещение экспортных потоков в Европу через «Турецкий поток» и «Северный поток–2», строительство газопровода «Сила Сибири», «Азиатского энергетического суперкольца», сети заводов СПГ от Балтики до Дальнего Востока, создает конкурентные преимущества России на европейском и азиатских рынках.

Прокладывание новых транзитных магистралей, согласование добычи энергоресурсов актуализировали проблему формирования эффективных международных стратегических регуляторов. Можно прогнозировать, что уже в ближайшем будущем переговоры по этим и другим вопросам мирового газового рынка будут гораздо результативнее происходить не между национальными государствами, а между международными объединениями.

Таким образом, эффект мультипликации инвестиций в технологии добычи и эксплуатации месторождений, строительства заводов высокотехнологичной переработки природного газа (например, от выпуска метано-водородной топливной смеси для нужд автотранспорта до комплексной переработки природного газа в этилен и пропилен с полимеризацией олефинов для мировой промышленности) приведет к восстановлению потенциала отечественных энергетических производств.

Многовидовая логистически оправданная геометрия энергетических магистралей, прокладываемых через территории разных стран на евразийском пространстве, приобретает совершенно новую конфигурацию, обусловленную как заинтересованностью многих государств Европы в получении свободного доступа к российским энергетическим ресурсам, так и барьерами, искусственно создаваемыми Еврокомиссией, доводы которой нередко противоречат собственным

европейским интересам. Отстаивание на дипломатическом поприще отечественных интересов целесообразно выводить на взаимовыгодные долгосрочные соглашения и решения.

Россия, оставаясь ключевым экспортером энергоресурсов и отрабатывая балансировку азиатского вектора, в долгосрочной перспективе будет по-прежнему заинтересована в рынках Евросоюза и, скорее всего, наладит конструктивный энергетический диалог в рамках стратегии комплексной евразийской энергетической безопасности.

Однако ведущие эксперты считают, что «геополитическое несовпадение, а временами и расхождение интересов и целей ЕС и России усилилось в процессе изменений политической и экономической конструкции ЕС». «Накопившаяся усталость и взаимное разочарование в целях другой стороны и мерах по их достижению, часто неправильно понимаемых, снижение доверия друг к другу до критического уровня и нередко взаимоисключающие выводы из анализа развивающихся ситуаций в полной мере сказываются на энергетических отношениях между ними» [4, 148].

На формирование современной энергетической картины мира значительное влияние оказывает смена глобальных энергетических полюсов, при которой США из главного потребителя углеводородов превращается в их крупнейшего производителя и экспортера. Тем самым формируются жесткие конкурентные условия на европейском и азиатском направлениях, что ведет к ускоренным темпам реализации политики диверсификации маршрутов доставки нефтегазового сырья.

Это касается и динамики производства сжиженного природного газа, развития новых международных каналов его транспортировки, сети терминалов по приему СПГ, его регазификации с последующей подачей в газораспределительные системы. При этом переход к технологическому апгрейду принципиально изменяет форсайт-прогнозы потребления энергетических ресурсов. Появление вариантов гибридной комбинации углеводородных, преимущественно газовых и возобновляемых источников энергии (ВИЭ), становится возможным за счет внедрения инновационных решений, цифровизации и интеллектуализации управления энергетическими потоками. Усиление тенденции роста выпуска автотранспорта, работающего на сжатом природном газе, метано-водородной топливной смеси, использующих инновационные аккумуляторные батареи, развитие сетей многотопливных заправок ведет к значительному сокращению доли всех типов транспортных средств, работающих на бензине и дизельном топливе.

Каждое десятилетие появляются новые перспективные способы генерации энергетики, наращиваются компетенции для их скорого применения и даже отложенного на относительно далекое будущее форсайта. Азиатский феномен имато-перехода государств вслед за японским экономическим чудом в весьма сжатый период времени из когорты бедных в развивающиеся, а затем в процветающие позволяет предположить, что в ближайшие пятьдесят лет Азия превратится в крупнейшую энергетическую субцивилизацию, формирующуюся в условиях оптимального баланса – традиционного и инновационного, включая энергетическую сферу.

Наивно полагать, что западные страны смирятся с возрастающей в глобальном масштабе экономической и промышленной мощью России, несмотря на понимание того, что разговор с ней в сфере геополитики на языке санкций является деструктивным. И попытки сдерживать этот рост являются глобальным вызовом не только России, но и всему многополярному миру. Разворот в сторону Азии означает не только расширение рынков сбыта энергоресурсов, но и сотрудничество в высокотехнологичных секторах, интенсификация которых позволяет части стран этого мегарегиона претендовать на высокие позиции в международных экономических рейтингах.

В силу этого одним из эффективных инструментов преодоления санкционного прессинга в отношении России должна стать политика импортозамещения, предполагающая непрерывное совершенствование отечественных технологических компетенций. Важно решить задачу скорейшего и максимально полного перехода на российские оборудование и технологии как стратегическую линию собственного инновационного и научно-технологического прогресса, которую, как нам представляется, целесообразно реализовать как самостоятельно, так и в продуктивном сотрудничестве с зарубежными партнерами на основе долгосрочных соглашений в этой сфере.

В этом вопросе принципиально важной является опора на потенциал ШОС и БРИКС с привлечением финансовых структур и промышленных групп стран – членов этих организаций, что позволит не только компенсировать определенные пробелы в насыщении российских энергетических предприятий собственными инновационными технологиями, но и придать им конкурентоспособность на международном уровне.

Не только вовлечение сопредельных стран в процесс реализации концепции партнерского регионализма, но и включение в границы «пояса добрососедства» государств БРИКС, параллельное развитие бинарных систем «Россия–Китай», «Россия–Турция», «Россия–Сирия», «Россия–Иран», «Россия–Ливия», «Россия–Пакистан», «Россия–Вьетнам», имеющих особое перспективное значение для развития глобальной энергетики, несмотря на все известные геополитические сложности и неопределенности, актуализируют тему создания с позиции форсайта новых институтов энергетики в Азиатско-Тихоокеанском регионе. При этом новые институты должны сочетаться с сохранением и наращиванием достигнутых преимуществ сотрудничества и накопленного конструктивного опыта партнерства, позволяющих своевременно преодолевать риски возникновения негативных сценариев при развитии газотранспортной сферы, обеспечить наращивание объемов торговли энергетическим сырьем – не только трубопроводным, но и сжиженным природным газом.

Российский поиск энергетического равновесия в условиях новой геополитической реальности. «Энергетическое равновесие» можно рассматривать как достижение оптимального баланса между европейской и азиатской частями глобального мира. Актуальность решения этой задачи связана с расширением географии внешнеэкономических связей России и ряда других стран в энергетической сфере. Это означает обеспечение роста добычи и транспортировки газа, производства и реализации на внутреннем, европейском и азиатских рынках газовой продукции с высокой добавленной стоимостью, что требует консолидации экономического и политического потенциала.

Страны, испытывающие постоянный энергетический дефицит, стремятся влиять на конъюнктуру мировых рынков для формирования наилучших условий для бесперебойного приобретения энергоресурсов, формирования возможностей для диверсификации источников энергии. В свою очередь, формирование собственной энергетической инфраструктуры сегодня требует кооперации ресурсных возможностей технологически продвинутых стран, что подтверждает создание на разных платформах евразийского континента устойчивых геополитических образований региональных объединений, клубов и союзов.

В Евразии добыча и последующая транспортировка энергоресурсов сухопутным и морским путем предполагает формирование разветвленного энергетического каркаса, интегрирующего каждое конкретное месторождение во внутриконтинентальные пространства. Геополитическая консолидация евразийской архитектуры газопроводов и нефтепроводов, соединяющих российские, центральноазиатские, ближневосточные и кавказские месторождения со странами Европы и АТЭС интегрированной воедино трансконтинентальной сетью, позволит состыковать евразийские нефтегазовые конструкции, преодолеть имеющиеся недопонимание и серьезные противоречия через конструктивный диалог союзов прийти к формированию общего энергетического пространства.

Сущность евразийского стратегирования к освоению минерально-природных ресурсов состоит в создании сбалансированного и взаимосвязанного геоэкономического оптимума, включающего ресурсодобывающую, ресурсоперерабатывающую и ресурсно-инновационную сферы развития. Формирование единого энергетического каркаса позволит объединить территориальную архитектуру Евразии. Ее интеграция определяет параметры структурирования энергетических коммуникаций – размещения транспортных сетей, газопроводов, хабов, инфраструктурное и логистическое развитие центров добычи и газохимической переработки, способы транспортировки продукции.

Таким образом, в условиях глобализации страны и целые региональные объединения способны воспроизводить эффективные ассоциативные субъекты энергетической политики.

Геополитическая трансформация Евразии с их участием без вовлечения в этот процесс атлантических партнерств открывает большие возможности для реализации сопряженных планов инфраструктурного строительства и параллельного развития энергетических систем. Кроме того, полицентрический уклад торгово-экономического сотрудничества не допустит искаженного понимания и манипулирования международными правилами.

Развитие интеграционных связей становится доминантой цивилизационного диалога России с Восточной Азией, и достижение паритета в энергетическом сотрудничестве с КНР создает геоэкономические преимущества, большие, чем экспорт нефтегазовых ресурсов. И.Р. Томберг, руководитель Центра энергетических и транспортных исследований Института востоковедения РАН, исследуя акценты энергетической политики Китая, обоснованно считает, что бенефициарами выхода КНР на доминантные позиции в глобальном торговом обороте можно считать страны-экспортеры углеводородных ресурсов. «Исходя из геополитических и экономических интересов, наиболее значимой точкой соприкосновения экономик России и Китая является гармонизация энергетических стратегий двух стран. Россия заинтересована в переориентации части потоков нефти и газа со сжимающегося европейского рынка на перспективные рынки АТР. КНР, в свою очередь, необходимо для обеспечения безопасности, надежности энергоснабжения и стабильного развития национальной экономики расширять импорт нефти и природного газа из России» [6, 221].

Восстановление же геополитического статуса России на евразийском континентальном пространстве, ее активизация в международных повестках, в единстве с трансформацией самого института союзничества, побуждает страны к поиску моделей сопряжения региональных проектов, в первую очередь транспортно-логистического и энергетического значения.

Естественно, что эти независимые от американского влияния тенденции вызывают внешний прессинг в адрес их локомотивов – России и Китая. Возрастающему геоэкономическому влиянию Китая противостоят международные коалиционные блоки. Они способны нести серьезные риски для формирования его энергетической безопасности, компенсировать которые Поднебесная способна главным образом через активизацию своего участия в межгосударственных форматах ШОС и БРИКС, реализацию форсайт-стратегии евразийских континентальных проектов, в том числе через сопряжение «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП) и Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Глобальная экономическая парадигма Пекина формируется путем форсирования участия своих политических активов и национального капитала в странах-партнерах, объединенных международными институтами, заключения многочисленных двусторонних преференциальных соглашений с государствами, входящими в орбиту интересов КНР.

Академик Б.В. Базаров, исследуя аспекты стратегического взаимодействия России и КНР в рамках реализации трансконтинентальных геополитических проектов, подчеркивает принципиальную важность евразийского сотрудничества, которое в настоящее время испытывает определенный прессинг: «Вопреки американскому варианту Нового шелкового пути, призванному упрочить позиции США в Евразии, реализация стратегии Шелкового пути приведет к смещению центров экономической активности на Восток. Это, в свою очередь, неминуемо приведет к укреплению геополитического центра силы в Азии. В данном контексте усиление санкций против России, с одной стороны, может расцениваться как противодействие реализации проекта “Экономический пояс Шелкового пути”, а, следовательно, глобальным геополитическим изменениям, с другой – детерминирует изменение ориентации России с Запада на Восток» [1, 10].

В свою очередь, известный российский востоковед, эксперт по международным отношениям в Восточной Азии С.Г. Лузянин указывает на необходимость поиска вариантов совмещения интересов стран в геополитическом фокусе: «...Проблема сопряжения ЭПШП + ЕАЭС при возможном посредничестве ШОС напрямую связана с более глобальным процессом – радикальной перестройкой межгосударственных отношений в Евразии, обновлением стратегической оси “Россия–Китай”, а также треугольника “Россия–Китай–Индия” (с учетом вхождения ее в ШОС)» [4; 7].

Среди российских ученых-политологов, специализирующихся на исследовании будущего евразийской энергетической цивилизации, «растет понимание и того, что в мировой энергетической

сфере отсутствует универсальный, признанный на международном уровне орган, в компетенцию которого входило бы обсуждение и поиск решения самых различных энергетических проблем, в том числе – и проблемы обеспечения глобальной энергетической безопасности» [3, 73].

Таким образом, создаются методологические предпосылки для образования межгосударственных энергетических союзов. Их возникновение обусловливается формированием новейшей карты мирового энергетического пространства, страны-участники которого начинают образовывать конфигурации (США–КНР, США – Саудовская Аравия, США – Россия – Ближний Восток, Россия – Центральная Азия – КНР), для которых в разные периоды времени характерны роли «притяжения» и «отторжения».

Геополитика союзов в энергетическом контексте. Практически при каждом региональном интеграционном объединении действуют совещательные структуры – штаб-квартиры, клубы, ассоциации и др. В условиях постоянных соприкосновений геополитических интересов наличие таких интегративных конфигураций является закономерным явлением.

Синонимами термина «союз» выступают понятия «альянс», «коалиция», «партнерство», «объединение», образуемые группой стран в большей степени на определенный период для решения тактических задач. Эти наднациональные институты, исходя из совместных долговременных интересов, нацелены на сбалансированное нормативно-унификационное регулирование политических, экономических, энергетических, коммуникационных, научно-технологических, образовательных систем.

В силу этого формирование единого энергетического пространства становится такой же объективной необходимостью, как и синергия экономического взаимодействия, в рамках которого будут реализованы приоритеты многовекторного сотрудничества, стратегии развития национальных экономик, в дальнейшем встроенные в общие линии развития интеграционных союзов (ЕАЭС, ШОС, ЕС и др.).

Современная геостратегия становится определяющей линией в реализации последовательно следующих компонентов взаимосвязанной системы «энергетическая политика России – геополитические интересы ШОС – формирование Большого евразийского партнерства», имеющей контексты как собственно национальных государств, так и партнерского взаимодействия целой группы региональных интеграционных объединений.

Т.В. Бордачев, директор Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ «Высшая школа экономики», указывает на тенденцию движения к формированию «Сообщества Большой Евразии», которое в перспективе включит в себя не только ЕАЭС и Китай, но и других региональных игроков – Индию, Иран, Пакистан, выполняющих цивилизационную миссию формирования многополярного мира. Стержневой основой, запускающей это движение, является взаимное притяжение Китая и России, оказывающее позитивное воздействие на конструирование глобальной полицентричной реальности: «У политического руководства двух стран, а также у их партнеров сформировалось принципиальное понимание того, что реализация любых масштабных экономических и транспортно-логистических проектов в Евразии возможна только в рамках широких форматов многостороннего сотрудничества» [2, 158].

Безусловно, каждая страна – участница интеграции стремится реализовать через членство в союзе свои национальные экономические интересы и геополитические амбиции. Важно, чтобы не было разительных расхождений, противоречащих духу этого союза, партнерство должно строиться на основе реализации принципа ответственной солидарности. Поэтому в устоявшиеся международные объединения предпочитают преимущественно принимать государства с уже разрешенными острыми экономическими и энергетическими проблемами, политическими противоречиями, желательно одного стратификационного уровня.

Национальные правительства все более нуждаются в систематическом использовании геополитических каналов коммуникации со специализированными интеграционными образованиями, особенно энергетической сферы. В этой общей парадигме политический опыт дальнейшего конструирования ШОС и БРИКС всецело вписывается в общую тенденцию, поскольку

значимость этих структур одновременно растет и в Европе, и в Азии, и в других регионах мира, где системы наднациональных органов координации в большей степени развиты.

Извлечение пользы из суммы геополитических эффектов, которые обнаруживает реализация перспективной стратегии Большого Евразийского партнерства, позволяет найти среди существующих глобальных универсалий свой уникальный вектор дальнейшего движения.

В целом взаимодействующие между собой конфигурации энергетических кластеров, интегрирующих газохимические, электроэнергетические, энергомашиностроительные, инжиниринговые и проектировочные компании, а также предприятия, генерирующие возобновляемые источники энергии, могут эффективно способствовать успешному сотрудничеству в формате евразийских региональных союзов.

Таким образом, достижение всеобъемлющего евразийского партнерства является одним из приоритетов энергетического взаимодействия, в том числе с применением геополитических и геоэкономических инструментов институциональными органами стран ЕАЭС и ШОС, их стремлением выйти на широкий евразийский простор. При этом участники этих альянсов исходят из целесообразности равноправных взаимоотношений и укрепления союзных образований в этой сфере.

Литература

1. Базаров Б.В. «Новый Шелковый путь»: К постановке проблемы стратегического взаимодействия России и Китая // Власть. 2017. № 11. С. 7–12.
2. Бордачев Т.В. Сотрудничество в Центральной Евразии // Поворот на Восток: Развитие Сибири и Дальнего Востока в условиях усиления азиатского вектора внешней политики России / отв. ред. И.А. Макаров. М.: Международные отношения, 2016. 448 с.
3. Бушуев В.В., Мастепанов А.М., Первухин В.В., Шафраник Ю.К. Евразийская энергетическая цивилизация. К вопросу об «энергии будущего». М.: ИЦ «Энергия», 2017. 208 с.
4. Лузянин С.Г. Поглощение, сопряжение или конфликт? ШОС, китайский проект «Шелкового Пути» и ЕАЭС: варианты взаимодействия в Евразии». Часть 1. 2016. 41 с.
5. Новые прогнозы мировой энергетики и место России в ней // Энергетический бюллетень. № 54. М.: Аналитический центр при Правительстве РФ, 2017. 28 с.
6. Томберг И.Р. Формирование энергетической политики КНР в начале XXI века: внутренние ресурсы и мирохозяйственные перспективы: дис. ... д-ра экон. наук. М., 2017. 333 с.

Основные аспекты Концепции человеческого развития

The Main Aspects of the Human Development Concept

С. НАСЫРОВА

Насырова Светлана Ирековна, канд. экон. наук, доцент кафедры менеджмента и маркетинга Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета. E-mail: svtland1@rambler.ru

В статье раскрываются причины смены приоритетов развития страны, перехода от теории экономического роста к Концепции человеческого развития. Обосновывается идея необходимости изучения основных положений Докладов о человеческом развитии с целью формирования приоритетов дальнейших действий государства и регионов.

Ключевые слова: человеческое развитие, экономический рост, Концепция человеческого развития.

The article reveals the reasons for changing the priorities of the country's development, the transition from the theory of economic growth to the human development concept. The idea of the necessity of studying the main provisions of the Human Development Reports with the purpose of forming priorities for further actions of the state and regions is substantiated.

Key words: human development, economic growth, human development concept.

В каждой научной области развитие понимается по-разному. Как правило, это определяется критерием, который принимается за основу прогресса. В рамках человеческого развития не допускается рассмотрение только отдельных научных направлений, поскольку данная тематика предполагает применение междисциплинарного подхода.

Четкое представление о том, что обозначает понятие «человеческое развитие», способствует определению ключевых приоритетов и последовательной реализации государственных программ с целью достижения оптимальной аллокации ресурсов и усилий.

В рамках данного исследования сосредоточим свое внимание на процессе формирования Концепции человеческого развития и ключевых аспектах ее современной интерпретации.

Длительное время приоритетом развития различных стран выступала концепция экономического роста, ключевыми критериями которой были валовой внутренний продукт, среднедушевой доход населения, темпы экономического роста и производительности труда. Считалось, что именно экономический рост способствует уменьшению масштабов бедности населения и повышению его благосостояния. Акцентировалось внимание именно на достижении экономического роста как цели развития. Как правило, социальные проблемы рассматривались как второстепенные цели. Экономическое развитие являлось базисом, а социальное – надстройкой. Несмотря на то, что данная концепция достаточно освещена в литературе и получила широкое применение на практике, на рубеже XXI века многочисленные труды зарубежных авторов подтверждают мысль смены приоритетов относительного развития страны.

Еще в античности философы (например, Аристотель) осознавали, что само по себе богатство выступает лишь средством достижения более существенных целей. При этом базой для научного понимания критериев развития общества с точки зрения расширения возможностей выбора экономических агентов стали ряд условий [5, 3]:

- глобализация;
- международное сотрудничество;
- развитие научно-технического прогресса;
- увеличение человеческого потенциала;
- развитие демократии и рыночной экономики.

В целом в новом видении развития прослеживалась четкая идея, согласно которой экономический рост – это не основная цель [3; 4], доходы экономических агентов – это лишь средство, поскольку качество жизни населения не всегда согласуется с уровнем среднедушевых доходов. Это положение подтверждалось тем, что ряд стран демонстрировал достаточно хорошие темпы экономического роста при сохранении неравенства населения, больших масштабов бедности и т.п., и наоборот.

Таким образом, подтверждалась идея, что необходимы целенаправленные меры правительства в социальной сфере, чтобы урегулировать данные проблемы. В результате этого произошло смещение акцентов, что способствовало формированию Концепции человеческого развития.

Еще в 1955 г. Артур Льюис в своей работе «Теория экономического роста» представил цель развития как «расширение выбора человека» и в целом анализировал экономический рост в широком смысле, включая и экономическое, и социальное развитие. Однако в его понимании экономический рост неизбежно должен вести к развитию человека.

Последующие исследования в данной области (концепция «перераспределения за счет роста», «концепция базовых нужд») отличались негласным делением экономических и социальных аспектов развития. Четкой взаимосвязи последних не прослеживалось.

Лишь в начале 1980-х представители ЮНИСЕФ в рамках политики структурных перестроек предложили необходимость взаимоувязывания структурных экономических преобразований с социальными программами [1].

Среди основоположников современной Концепции человеческого развития следует выделить индийского экономиста, лауреата Нобелевской премии по экономике (1998 г.) Амартья Кумар Сена и представителя пакистанской экономической науки Махбуба уль-Хака.

В своей работе «Развитие как расширение возможностей» А. Сен акцентирует внимание на том, что развитие человека должно рассматриваться с точки зрения увеличения возможностей последнего вести такую жизнь, которую индивид воспринимает как достойную [1]. Именно труды А. Сена позволили сформулировать определение развития как процесса, где ключевой целью является человек.

В дальнейшем значительный вклад в исследование данной тематики внесли и отечественные ученые, такие как М. Агранович, С. Бобылев, А. Докторович, Н. Зубаревич, Р. Иссинский, В. Колесов, О. Кузнецова, Н. Покровский, А. Разумов, А. Саградов, Л. Якобсон и др.

Концепция человеческого развития не вступает в противоречие с теориями экономического развития, разница лишь в том, что последние рассматривали развитие сквозь призму увеличения дохода, а Концепция человеческого развития – через увеличение выбора человека в разных аспектах (экономический, социальный, культурный, политический).

Основные идеи А. Сена и других вышеназванных авторов легли в основу Концепции человеческого развития, разработанной группой экспертов ПРООН, впервые представленной в виде Доклада в 1990 г.

В соответствии с этим докладом «человеческое развитие – это процесс обеспечения людям более широкого выбора. Этот выбор может быть бесконечным и изменяться со временем. Но на всех уровнях развития главными аспектами человеческого развития являются возможность прожить долгую и здоровую жизнь, приобрести знания и иметь доступ к ресурсам, необходимым для достойного уровня жизни. Если нет доступа к этим возможностям, то у человека не будет доступа и к другим возможностям» [7].

«Основная цель развития общества, – писал Махбуб уль-Хак в первом “Докладе о развитии человека” в 1990 г., – создать среду, благоприятствующую тому, чтобы люди могли наслаждаться долгой, здоровой и созидательной жизнью» [7].

Ежегодные доклады о человеческом развитии аккумулируют не просто огромные объемы статистических данных, они отражают общие тенденции мировой, страновой и региональной стратегии в области человеческого развития с выделением приоритетов для дальнейших действий. Причем каждая страна, регион, основываясь на приведенных Докладах, вырабатывает план действий для создания механизма преодоления социальных проблем, а также формируют индивидуальные задачи развития, исходя из конкретных условий [6, 124].

Концепция человеческого развития представляет собой комплексную модель развития общества, когда основным показателем развития общества стало расширение возможностей выбора для человека, а в центре развития общества находится сам человек.

В целом Концепция человеческого развития основывается на трех основных целях (эффективность, справедливость и свобода) и предполагает наличие следующих основных характеристик:

- развивающаяся парадигма (незаконченная теория в силу новизны Концепции и наличия многочисленных неоднозначных вопросов, требующих решения);
- многомерная парадигма (Концепция человеческого развития предполагает наличие нескольких ценностей);
- «критическая» парадигма (Концепция не дает понимания мира, а лишь дает основы человеческого развития);
- междисциплинарная парадигма (интегрирование в рамках данной Концепции идей нескольких дисциплин, что формирует определенные трудности и ряд преимуществ);
- парадигма, ориентированная на действия (Концепция имеет практический характер с точки зрения нацеленности на конкретные действия при решении определенных задач).

Поскольку наблюдаются существенные различия в менталитете, культуре, ценностях различных народов, стран, для более объективного понимания уровня человеческого развития оценка должна производиться по четырем основным компонентам.

Во-первых, экономический рост и повышение производительности. Отметим, что в рамках данной Концепции приводятся два ключевых довода относительно ошибочного видения развития только за счет материальной составляющей: материальное богатство не является обязательным условием удовлетворения всех человеческих потребностей (например, демократия, гендерное равенство); желания экономических агентов простираются дальше экономического благосостояния (например, здоровье, долголетие, сохранность природной среды). Однако исключение экономических показателей не даст полноценной картины человеческого развития. При этом следует учесть тот факт, что социальные и экономические показатели не должны рассматриваться обособленно, они должны быть увязаны со следующими компонентами.

Во-вторых, равенство возможностей, которое предполагает отсутствие дискриминации по различным признакам, устранение барьеров, препятствующих предоставлению равных возможностей.

В-третьих, устойчивый характер развития. В данном случае предполагается долгосрочный прогресс, который также выражается в необходимости сохранения физического, человеческого капитала, природы, окружающей среды для будущих поколений.

В-четвертых, расширение возможностей удовлетворения материальных и духовных потребностей. Данный компонент рассматривается в контексте того, что человек является не только объектом, но и субъектом развития.

Рассматривая человеческое развитие, целесообразно выделить иерархические уровни его обеспечения [2, 47]:

- семейный (формирование условий, в которых обеспечивается возможность получения образования, надлежащего уровня жизни, здоровья за счет семейного и местного бюджетов);
- микроэкономический (предпринимательский уровень, на котором формируются условия обеспечения для наемных работников возможности получения специального образования, роста конкурентоспособности, поддержания уровня жизни и здоровья за счет доходов, полученных от предприятий);
- мезоэкономический (региональный уровень, на котором формируются условия для получения возможностей населением отдельных субъектов для полноценной жизнедеятельности в сравнении с другими регионами с целью устранения региональных диспропорций в области человеческого развития);
- макроэкономический (формирование условий государством за счет общественных финансовых ресурсов, в которых обеспечивается расширение возможностей для населения путем формирования конкурентных преимуществ страны в целом).

Подводя итог вышесказанному, отметим, что несмотря на многочисленные исследования в данной области ряд стран по-прежнему ориентируется исключительно на экономические показатели. При этом в настоящее время формируется тенденция, проявляющаяся в том, что стабильный экономический рост создает объективные условия для увеличения социальной результативности экономики, и в целом это способствует устойчивому человеческому развитию. Регулирующая роль государства в ключевых сферах человеческого развития в настоящее время возрастает. Однако современное состояние регулятивной политики не в полной мере отвечает требованиям, что предопределяет объективную потребность в формировании необходимых и совершенствовании существующих государственных механизмов и инструментов повышения человеческого развития.

Многочисленные исследования, направленные на формирование современной Концепции человеческого развития, предполагают не просто констатацию фактов, а создание концепции дальнейших действий в области человеческого развития. Информационная среда, характеризующая состояние и динамику основных показателей человеческого развития, проблемы и ограничения конкретных групп экономических агентов, служит основой эффективной стратегии в области человеческого развития.

Литература

1. Докторович А.Б. Генезис концепций и теорий человеческого развития // Электронное научное издание «Альманах. Пространство и время». 2014. Т. 7. № 1.
2. Еремина Т.А. Управление человеческим развитием как высшей фазой человеческого капитала в инновационном обществе // ФЭС: Финансы. Экономика. 2011. № 4. С. 45–48.
3. Литвинов В.А. О концепции человеческого развития // Уровень жизни населения регионов России. 2015. № 2. С. 130–137.
4. Насырова С.И. Теоретические аспекты взаимосвязи человеческого развития и экономического роста // Актуальные вопросы экономической теории: развитие и применение в практике российских преобразований: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 2016. С. 99–103.
5. Сафаев С. О концепции человеческого развития [Электронный ресурс]. URL: http://www.undp.org/content/dam/uzbekistan/docs/Publications/human-development/bulletin-on-human-development-for-parliamentarians/UNDP_rus.pdf
6. Таиров С.О. Концепция и измерение человеческого развития // Наука в современном мире: приоритеты развития. 2016. № 1. С. 121–124.
7. United Nations Development Programme. 1990. Human Development Report 1990. New York: Oxford University Press.

Малое предпринимательство как система

Small Business as a System

Е. СЕРГИЕНКО

Сергиенко Елена Евгеньевна, преподаватель факультета среднего профессионального образования (Хабаровский техникум железнодорожного транспорта) Дальневосточного государственного университета путей сообщения. E-mail: selinasergienko@mail.ru

Современная экономика представляет собой комбинацию различных по масштабу производств. Малое предпринимательство – важная часть хозяйственной структуры мировой экономической системы. Но для того, чтобы определить верное направление развития малого предпринимательства, необходимо более детально изучить сущность данного явления. Ведь в научных трудах на сегодняшний день нет единого и точного определения термина «малое предпринимательство». Рассмотрение малого предпринимательства с точки зрения системы, а также детальное изучение компонентов данной системы поможет выявить проблемы, тормозящие развитие малого бизнеса.

Ключевые слова: малое предпринимательство, малый бизнес.

Modern economy is a combination of different in scale production. Small business is an important part of the economic structure of the world economic system. But in order to determine the right direction of small business development, it is necessary to study in more detail the essence of this phenomenon. After all, in scientific works today there is no single and precise definition of the term «small business». Considering the small business from the point of view of the system, as well as a detailed study of the components of this system, will help to identify problems that hamper the development of small business.

Key words: small business.

Современная экономика представляет собой комбинацию различных по масштабу производств. Малое предпринимательство (МП) – важная часть хозяйственной структуры мировой экономической системы. Значительный пласт малого предпринимательства, с одной стороны, повышает гибкость и адаптивность мировой глобальной системы, с другой – способствует укреплению стабильности, создавая рабочие места. МП во многих странах стало своеобразным катализатором промышленного развития, экспорта и особенно занятости. Роль малого предпринимательства в современной экономике раскрывают его функции. Самая первая из них – производство значимой

части ВВП. В странах ЕС малый бизнес производит 70 % ВВП, в Японии данный показатель составляет 61 %. В России данный показатель составляет только 20 %. Также малое предпринимательство активно участвует в создании рабочих мест. В странах ЕС в МП занято 72 % трудоспособного населения, в Японии – 78 %, в Южной Корее – 75 %. В российской экономике малое предпринимательство обеспечивает рабочими местами только 25 % трудоспособного населения. Еще одной несомненно важной функцией малого предпринимательства является осуществление большей части инноваций и содействие научно-техническому прогрессу. Следует отметить и такую функцию МП, как формирование в обществе «среднего класса» и обеспечение тем самым социальной и политической стабильности в обществе [4]. Данные статистики свидетельствуют о том, что малое предпринимательство присутствует во всех без исключения отраслях экономики России [6]. Таким образом видно, что в европейских и азиатских странах малое предпринимательство получило гораздо большее развитие по сравнению с РФ. И недостаточное развитие МП не позволяет в полной мере проявиться перечисленным выше важным функциям, а это, в свою очередь, тормозит развитие всей экономической системы государства. Дальнейшее развитие МП может стать одним из факторов самоподдерживающегося роста экономики. Но для того, чтобы определить верное направление развития малого предпринимательства, необходимо более детально изучить сущность малого предпринимательства как экономического явления. Данная работа посвящена исследованию малого предпринимательства с точки зрения системного подхода. Исследование актуально как для формирования региональных программ развития малого предпринимательства, так и для их реализации. Результаты подобных исследований позволяют корректирующим органам увидеть более точную картину данной сферы экономики и выстроить более гибкую политику поддержки и развития малого предпринимательства.

Термин «малое предпринимательство» довольно часто употребляется и в научной литературе, и в повседневной речи. Это многогранное социально-экономическое явление затрагивает все стороны экономической жизни страны и ее регионов. Но единой трактовки данного понятия на сегодняшний день не существует. В различных словарях и справочниках можно встретить шесть наиболее часто употребляемых определений данного термина:

1. Предпринимательская деятельность, осуществляемая субъектами рыночной экономики при определенных, установленных законами, критериях (показателях), конституирующих сущность этого понятия [2].
2. Сектор экономики, который определяется деятельностью субъектов малого предпринимательства на рынке товаров, работ и услуг [13].
3. Деятельность небольших фирм, малых предприятий, формально не входящих в объединения [16].
4. Мобильная совокупность юридических и физических лиц – малых предпринимателей, не являющихся составной частью монополистических структур и играющих по сравнению с ними второстепенную роль в экономике государства [7].
5. Коммерческое частное предприятие, отвечающее индивидуальным для каждого государства и отрасли критериям, прописанным в соответствующих регламентирующих документах государственной важности [7].
6. Совокупность независимых мелких и средних предприятий, выступающих в качестве экономических субъектов рынка [12].

Изучение представленных выше трактовок позволяет сделать вывод, что малое предпринимательство является некой общностью, состоящей из малых предприятий (совокупность юридических и физических лиц – малых предпринимателей, совокупность независимых мелких и средних предприятий, сектор экономики). Такая трактовка предполагает еще и наличие взаимосвязей между элементами общности. Близкую смысловую нагрузку несет понятие системы. Достаточно рассмотреть ключевые определения системы, предложенные основателями данного подхода. Л. Берталани рассматривал систему как комплекс элементов, находящихся во взаимодействии и единстве [1]. М.И. Сетров дал определение системы как объекта, целостность которого обеспечивается совокупностью связей и отношений между группами элементов, объединенных

развернутыми в пространстве и во времени структурами [15]. С точки зрения О. Ланге, система – это множество связанных действующих элементов [5]. Общим в рассмотренных определениях является то, что система предполагает сочетание важных элементов изучаемого объекта. Основные признаки, которыми должен обладать объект малого предпринимательства, чтобы его можно было называть системой, проанализированы в таблице 1.

Таблица 1

Наличие признаков системы у малого предпринимательства

Признак	Расшифровка признака	Наличие данного признака у МП
Множество составляющих элементов	В составе системы присутствуют разнообразные составляющие	Согласно третьему и четвертому определениям МП в случае малого предпринимательства элементами данной системы будут выступать небольшие фирмы – юридические и физические лица, формально не входящие в объединения и не являющиеся составной частью монополистических структур. Согласно российскому законодательству в систему МП входят малые, средние и микропредприятия (по размеру) [18].
Единство главной цели для всех элементов	Для всех элементов системы характерно наличие общей цели	В случае малого предпринимательства у средних, малых и микропредприятий главной целью является получение прибыли.
Наличие связей между элементами	Система состоит из взаимодействующих частей, часто разнокачественных, но одновременно совместимых	Малые, средние и микропредприятия прямо или косвенно взаимодействуют друг с другом в процессе осуществления хозяйственной деятельности. Они могут являться партнерами, выступать в роли поставщиков, потребителей или подрядчиков, а могут, наоборот, конкурировать между собой.
Целостность и единство элементов	Первичный признак. Система воспринимается как единое целое, состоящее из взаимодействующих частей, часто разнокачественных, но одновременно совместимых	Каждое среднее, малое или микропредприятие занимает определенное место в хозяйственной деятельности МП и взаимосвязано с другими. Так достигается целостность и единство элементов, составляющих малое предпринимательство.
Наличие структуры и иерархичности	Каждый элемент системы может рассматриваться как система; сама система также может рассматриваться как элемент некоторой надсистемы	Основой и стержнем хозяйственной системы должны являться немногочисленные крупные предприятия, обеспечивающие устойчивость и стабильность системы. Вокруг этой основы должны располагаться более многочисленные представители среднего и малого бизнеса, находящегося ближе к потребителю и более чувствительного к изменению спроса и быстрее реагирующего на появление инноваций.
Относительная самостоятельность и наличие управления этими элементами	С одной стороны, система – целостное образование, с другой – в ее составе отчетливо бывают выделены целостные объекты (элементы)	Каждое среднее, малое или микропредприятие является самостоятельно функционирующей целостной единицей, входящей в состав малого предпринимательства. Также следует отметить наличие управления элементами МП как внутри самих предприятий (руководство фирмы), так и со стороны внешней среды (государство и различные общественные контролирующие органы).

В первом определении малого предпринимательства подчеркивается необходимость соответствия предприятий определенным критериям для отнесения к той или иной категории. Существуют два критерия, по которым фирма может быть отнесена к разряду малых, средних или микропредприятий: среднесписочная численность сотрудников и выручка за календарный год. Причем в пятом определении МП подчеркивается, что данные критерии могут варьироваться в разных государствах.

Рассмотрим сложившуюся систему градации предприятий в странах Европейского Союза, Северо-Восточной Азии (на примере Японии, Китая и Южной Кореи), а также критерии, используемые в России для отнесения предприятий к рассматриваемой группе. Наглядно данная информация представлена ниже в таблице 2.

Таблица 2

Критерии градации предприятий в различных странах [9; 10; 11]

		Крупные предприятия	Малое предпринимательство		
			Средние предприятия	Малые предприятия	Микропредприятия
Среднесписочная численность сотрудников	ЕС	250 и выше	50–249	10–49	0–9
	Япония	Промышленность – более 300 Оптовая торговля – более 100 Торговля, услуги – более 50		Промышленность – до 300 Оптовая торговля – до 100 Торговля, услуги – до 50	
	Китай	1000 и выше	101–999	0–100	
	Респ. Корея	20 и выше		0–19	
	РФ	250 и выше	101–250	15–100	0–14
Выручка за год	ЕС (млн евро)	более 27		менее 27	
	Япония (млн иен)	Промышленность – более 100 Оптовая торговля – более 30 Торговля, услуги – более 10		Промышленность – до 100 Оптовая торговля – до 30 Торговля, услуги – до 10	
	Китай	Нет градации по данному признаку			
	Респ. Корея	Нет градации по данному признаку			
	РФ (млн руб)	2 000 и выше	800–1999	120–800	до 120

Данные таблицы 2 позволяют сделать вывод, что в российской практике на сегодняшний день используется трехступенчатая модель градации, близкая к европейской. Это позволяет выделить три элемента рассматриваемой системы малого предпринимательства: средние предприятия, малые предприятия и микропредприятия.

Но количество сотрудников для категории малых предприятий в российской практике выше, чем принято в ЕС, и ближе к тому, что принято в КНР. Главное отличие от моделей градации европейских и азиатских стран состоит в том, что в российской практике используется трехуровневая градация сразу по двум признакам: по количеству сотрудников и по размеру выручки за год, что не встречается в рассмотренных примерах. Согласно данным таблицы, наибольшие отличия от российской модели имеют японские предприятия крупного и малого бизнеса.

Признак иерархичности подразумевает, что каждый элемент системы может рассматриваться как система; сама система также может рассматриваться как элемент некоторой надсистемы (суперсистемы). Более высокий иерархический уровень оказывает воздействие на нижестоящий уровень и наоборот. В устойчивой системе должно быть обеспечено сбалансированное сочетание элементов на вышестоящих и нижестоящих иерархических уровнях. Причем, согласно принципу «золотого сечения», меньшие по размеру элементы находятся на нижестоящем уровне и их должно быть несколько больше по количеству, чем более крупных элементов на более высоком уровне [3]. Это касается и экономической системы, в которой должно быть обеспечено сочетание крупного, среднего, малого и микробизнеса. Малые, средние предприятия и микропредприятия взаимосвязаны не только друг с другом, но и с представителями крупного бизнеса, что увеличивает сложность рассматриваемой системы. Таким образом, выстраивается своеобразная иерархическая структура соотношения различных по масштабу деятельности предприятий.

В ходе исследования подтверждено наличие всех шести признаков у малого предпринимательства. Это позволяет рассматривать исследуемое явление как систему. Малое предпринимательство представляет собой систему средних, малых и микропредприятий, действующих в

различных отраслях экономики. Данная система предполагает группировку МП в соответствии с размерами и отраслевой принадлежностью.

Но любая иерархическая структура должна подчиняться определенным принципам формирования, с помощью которых достигается сбалансированность системы и обеспечивается ее жизнеспособность. Это касается пропорций соотношения элементов различных уровней системы. Чем крупнее сам элемент, тем более высокий уровень системы ему соответствует и тем меньше количество данных элементов должно присутствовать в системе. Данный аспект ранее не рассматривался ни отечественными, ни зарубежными авторами. Поэтому вопрос о том, в каких пропорциональных соотношениях должно находиться количество крупных, малых и средних предприятий, чтобы система оставалась сбалансированной и могла успешно развиваться, на сегодняшний день остается неразрешенным. Расчеты, основанные на использовании пропорций метода Парето и «золотого сечения», позволяют сделать вывод, что соотношение крупных, средних, малых и микропредприятий должно быть 11:17:27:45. Но состояние реальной экономической системы далеко от параметров предложенной идеальной модели. Это говорит о несбалансированности системы малого предпринимательства. Несбалансированная система неустойчива, она не может динамично развиваться, как было сказано выше. Это следует из принципа иерархичности. И пока сохраняется выявленная диспропорция, развитие малого предпринимательства будет идти замедленными темпами. Для успешного функционирования и дальнейшего развития экономики необходимо преодолеть выявленные диспропорции и приблизить реально существующее соотношение к параметрам идеальной модели [14].

Малое предпринимательство необходимо рассматривать именно как систему взаимосвязанных элементов, и меры воздействия на данное явление разрабатывать с учетом взаимосвязей элементов данной системы. При разработке государственной политики необходимо учитывать, что воздействие на один элемент системы вызовет изменение состояния и других элементов системы. Такой подход поможет увидеть точную и детальную картину процессов, происходящих в данной сфере, и выявить существующие проблемы. В итоге это поможет скорректировать в верном направлении государственную политику в области поддержки МП через выделение приоритетных направлений развития для средних, малых и микропредприятий в разных отраслях экономики. Таким образом, выстроится определенный план необходимых преобразований и в конечном итоге станет возможно преодоление существующих диспропорций.

В ходе исследования сущности малого предпринимательства выявлено, что МП является системой, состоящей из взаимосвязанных элементов: малых, средних и микропредприятий. Малое предпринимательство является неотъемлемой и важной частью экономики любой страны. Элементы малого предпринимательства присутствуют во всех отраслях экономики. Средние, малые и микропредприятия производят самые разнообразные виды продукции, выполняют множество работ и оказывают услуги населению, удовлетворяя возникающий спрос. Также малые предприятия создают рабочие места и вносят свой вклад в формирование ВРП. При должном развитии могут и должны стать основой для развития всей экономической системы, как на уровне страны, так и в регионах. А для развития самого малого предпринимательства необходимо устранение диспропорций, присутствующих в системе МП.

Литература

1. Бертаданфи Л. фон. Общая теория систем – Критический обзор // Исследования по общей теории систем: Сборник переводов / Общ. ред., вст. ст. В.Н. Садовского и Э.Г. Юдина. М.: Прогресс, 1969.
2. Власть. Политика. Государственная служба. Словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://politike.ru/slovari/vlast-politika-gosudarstvennaja-sluzhba-slovar.html>
3. Кириллова Л.Н., Зиянгулова А.Р. Использование принципа «золотого сечения» в гармонизации структуры баланса предприятия [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-printsipa-zolotogo-secheniya-v-garmonizatsii-struktury-balansa-predpriyatiya>

4. Кооперационное взаимодействие предпринимательских структур на региональном уровне: монография / Р.Г. Леонтьев, М.В. Радченко. Хабаровск: Издательство ДВГУПС, 2009. 254 с.
5. Ланге О. Оптимальные решения. М.: Прогресс, 1967.
6. Малое и среднее предпринимательство в России. 2015 г.: стат. сб. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139841601359
7. Малое предпринимательство: учебник / М.Г. Лапуста. М.: Инфра-М, 2011.
8. Малый бизнес по-японски [Электронный ресурс]. URL: http://www.openbusiness.ru/html_euro/Japan_open6.htm
9. Малый бизнес КНР [Электронный ресурс]. URL: http://www.worlds.ru/asia/china/history-malyjj_biznes_v_kitae.shtml
10. Малый бизнес в Корее. Господдержка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lawru.net/podd/podd26.html>
11. Малые и средние предприятия. Управление и организация / Под ред. Пихлера Й.Х., Пляйтнера Х.Й., Шмидта К.Х. Пер с нем. И.С. Алексеевой и Г.И. Токаревой. М.: Международные отношения, 2002. 280 с.
12. Малое предпринимательство и малый бизнес [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lawru.net/podd/podd22.html>
13. Политическая наука: словарь-справочник [Электронный ресурс]. URL: <http://politike.ru/slovari/politicheskaja-nauka-slovar-spravochnik.html>
14. Сергиенко Е.Е. Развитие малого бизнеса Хабаровского края в условиях глобализации // Научно-техническое и экономическое сотрудничество стран АТР в XXI веке // Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Хабаровск, ДВГУПС, 2016. С. 241–244.
15. Сетров М.И. Принцип системности и его основные понятия // Проблемы методологии системного исследования. М.: Мысль, 1970.
16. Толковый словарь демократического новояза и эвфемизмов [Электронный ресурс]. URL: <http://politike.ru/slovari/tolkovyi-slovar-demokraticeskogo-novojaza-i-evfemizmov.html>
17. Федеральный закон от 29.06.2015 № 156-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=181758#0>

Концепции понимания рынка труда в современной экономической науке

Concepts of Understanding the Labor Market in Modern Economic Science

А. РАБЦЕВИЧ

Рабцевич Андрей Александрович, канд. экон. наук, доцент кафедры макроэкономического развития и государственного управления Института экономики, финансов и бизнеса, начальник отдела программ и проектов развития Башкирского государственного университета. E-mail: cruiser333@yandex.ru

Обобщив различные точки зрения отечественных исследователей относительно содержания рынка труда, автор приходит к выводу о существовании как минимум трех вариантов его понимания: «внутреннего» рынка труда, а также «узкой» и «широкой» его трактовок. Автор формирует и предлагает концептуальную модель разграничения понимания различных концепций рынка труда, которая может послужить для целей конкретизации его содержания исследователями трудовых отношений.

Ключевые слова: рынок труда, работник, работодатель, внутренний рынок труда.

The author summarizes the different viewpoints of the labor market researchers and comes to the conclusion about the existence of three variants of it understanding. Also, the author proposes a conceptual model for the comparison of the labor market concepts, which can serve for the purpose of specifying its content by researchers of labor relations.

Key words: labor market, employee, employer, internal labor market.

Дискуссия о содержании рынка труда. В настоящее время в отечественной науке пока не сложилось единого мнения в отношении того, что такое «рынок труда» и что понимать под субъектами рынка труда. Вопрос о содержании категории «рынок труда» является одним из наиболее проблемных среди фундаментальных вопросов экономики труда как науки. Как справедливо отмечает Е.В. Нехода, именно «определение субъектов рынка труда» выступило самостоятельным предметом данной научной дискуссии, особенно обострившейся после изучения отечественным научным сообществом зарубежного опыта регулирования рынка труда и социально-трудовых отношений в целом. При этом ключевые разногласия находятся в плоскости отнесения к субъектам рынка труда населения, уже занятого работой по найму или осуществляющего поиск работы. По мнению большого числа ведущих отечественных ученых, «практически все экономически активное население, за исключением работающих на условиях самозанятости, являются субъектами рынка труда» [4, 140].

Аналогичным образом определяют его, например, авторы «Экономической энциклопедии» под редакцией Л.И. Абалкина. Рынок труда, по их мнению, – «сфера контактов продавцов и покупателей трудовых услуг, где противостоят друг другу те, кто желает работать (занятые и безработные), и те, кто нанимает работников для производства товаров и услуг» [7, 702].

В свою очередь, иной точки зрения придерживается другая, не менее весомая часть российских исследователей: с их точки зрения, интересы населения, определившегося с местом приложения труда, не представлены на соответствующем рынке, поскольку труд данных лиц уже задействован в производственной сфере и не может формировать предложение на рынке труда. Границей нахождения человека на рынке труда или в производственном процессе в данном случае является трудовой договор (контракт о найме). В момент его заключения происходит купля-продажа рабочей силы, и наемный работник на определенное время переходит из орбиты рынка труда в сферу производства.

Таким образом, рынок труда, согласно одной из точек зрения, охватывает не только определенное число безработных и незанятые рабочие места, но и включает весь спектр участников трудовых отношений. Следовательно, институт занятости является лишь одной из значимых частей рынка труда в данной трактовке, называемой в отечественной экономической науке «широкой» («расширительной»), – концепции, характерной для «западной» экономики труда. Однако, как указывает Е.В. Нехода, и среди зарубежных специалистов существуют «не разделяющие широкую трактовку рынка труда» [4, 140] авторы, строящие собственные предположения на фактах сделок по покупке и продаже труда в рамках рыночных отношений.

Среди отечественных исследователей также имеются противники включения всего экономического населения и функционирующих рабочих мест в категорию рынка труда.

А.В. Кашепов считает, что, несмотря на наличие различных вариантов и распространенность в отечественной литературе, посвященной экономике труда, «широкая» трактовка рынка труда уже не является актуальной для современной российской экономической науки. В настоящее время все чаще рынок труда понимается в узком смысле – как институт обеспечения занятости, сфера взаимодействия желающих трудиться граждан и хозяйствующих субъектов с вакантными рабочими местами.

Согласно А.В. Кашепову, наиболее «узкой» трактовки категории «рынок труда» придерживаются авторы, не приемлющие в его рамках иных отношений, кроме тех, которые складываются между гражданами, желающими или вынужденными занять какое-либо вакантное рабочее место, и работодателями–собственниками данных рабочих мест. Рынок труда выступает в данном случае лишь временным посредником между средствами производства и рабочей силой [3, 387].

В любом случае господствующая точка зрения оставляет основными субъектами рынка труда работодателей, работников (в том числе временно незанятых) и государство. Сфера трудоустройства в данном случае выступает основным компонентом рынка труда, и в процессе его анализа «работодателя следует определять как физическое либо юридическое лицо, которое предлагает незанятые (вакантные) рабочие места...» [3, 389].

В свою очередь, субъект «работник» в рамках сферы трудоустройства («узкой» трактовки рынка труда) включает граждан, желающих и способных трудиться на новом или дополнительном рабочем месте.

«Широкая» трактовка рынка труда. В данном случае представляется вполне логичной точка зрения С.В. Ореховой, которая утверждает, что определение принадлежности рынка труда к той или иной трактовке «зависит от широты или узости задания его границ» [6, 260]. Е.В. Нехода придерживается мнения, что «рынок труда не сводится к отношениям «безработные – вакансии», а охватывает всю сферу наемного труда, что имеет не только теоретическое, но и практическое значение», и делает вывод о том, что все участники трудовых отношений на самом деле должны выступать объектом государственной политики на рынке труда. При этом государство в вопросах регулирования рынка труда воздействует только на него в «узкой» трактовке, воспринимая его как институт занятости, что ограничивает системное понимание процессов, происходящих на нем.

В своих работах В.Е. Гимпельсон использует своеобразное понимание рынка труда в его «широкой» трактовке, который делится на сектора: занятые на малых предприятиях, в бюджетной сфере, работники государственных корпораций и др. [1].

Приоритетность использования «широкой» трактовки в экономической науке поддерживают Ю.Г. Одегов и Г.Г. Руденко: «Сужение границ рынка труда вряд ли оправдано, так как из обсуждения практически исключается проблема социально-трудовых отношений уже в рамках организации» [5, 107].

Лицо, осуществившее сделку по продаже рабочей силы и вступившее в трудовые отношения с работодателем, не является его собственностью. Рабочая сила выступает здесь как товар, ее цена зависит от «конкретных форм трудовой активности работника», и потому процесс ее продажи реализуется на рыночных принципах, а это значит, что работник, как и работодатель, относительно легко может отказаться продолжать трудовые отношения. Авторы обоснованно утверждают, что «товарность рабочей силы делает невозможной обеспечение в рыночной экономике стабильно гарантированной занятости» [5, 109].

В отношении вопросов государственного регулирования следует отметить, что принятие органами власти (в лице подразделений службы занятости) и бизнесом (службами управления персоналом) концепции «широкой» трактовки рынка труда как основной способствует «согласованию политики на рынке труда и политики занятости» [5, 109] как со стороны государства, так и со стороны корпораций.

Оригинальную интерпретацию содержания рынка труда предлагают А.П. Егоршин и А.К. Зайцев, разграничивая рынок рабочей силы и рынок трудовых ресурсов. В первый включаются социально-экономические отношения как занятых, так и незанятых работников, другими словами – всего экономически активного населения. Рынок трудовых ресурсов представляет собой «совокупность социально-экономических отношений по поводу найма, обучения и использования трудовых ресурсов (занятых, незанятых и учащихся)», то есть включает не только рынок рабочей силы, но и так называемый трудовой резерв [2, 7].

Придерживаясь «широкой» трактовки рынка труда, А.П. Егоршин и А.К. Зайцев предлагают использовать именно понятие «рынок трудовых ресурсов», объем, структура и пропорции совокупного спроса и совокупного предложения на рабочую силу формируются вследствие взаимодействия собственников средств производства – работодателей и продавцов рабочей силы – работников [2, 8]. В процессе конкурентного взаимодействия всех субъектов рынка трудовых ресурсов между собой устанавливается равновесная цена рабочей силы и определяются ее резервы.

Авторы указывают, что совокупное предложение рабочей силы охватывает все категории трудоспособного населения, претендующего на работу по найму, а также лиц, желающих трудиться не по найму, а на правах самозанятости или предпринимательства. В свою очередь, совокупный спрос на рабочую силу охватывает как занятые, так и вакантные рабочие места, «определяется числом и структурой рабочих мест, существующих в экономике и требующих заполнения» [2, 9].

Таким образом, А.П. Егоршин и А.К. Зайцев в своей работе в полной мере раскрывают концепцию широкого понимания рынка труда. Кроме того, они четко определяют, что малые формы предпринимательства относятся к стороне работника на рынке труда.

В рамках «широкой» трактовки С.В. Орехова также выделяет «рынок рабочих мест» и «рынок рабочей силы», составляющие вместе «рынок трудовых ресурсов», в противовес «рынку рабочей силы», аналогичному рынку труда в узкой трактовке [6, 257].

Внутренний рынок труда. Следовательно, принятие концепции «широкой» трактовки рынка труда и выделение в ней места «узкой» трактовки требует обозначения явления, составляющего разницу между этими понятиями. Таким экономическим феноменом выступает так называемый «внутренний» рынок труда, охватывающий внутрифирменное движение кадров, который отличен от «внешнего» (по отношению к производственному процессу).

Именно в исследовании «внутреннего» рынка труда, по мнению Е.В. Неходы, были бы достигнуты наиболее значимые для целей государственного управления и эффективности бизнеса результаты, поскольку на низовом уровне происходит подавляющая часть конфликтов в системе «работник–работодатель», реализуется трудовой потенциал работников, проявляются положительные социально-экономические эффекты трудовых отношений, и в целом микроуровень предоставляет более полезную информацию и позволяет глубже понять отношения «людей и социальных групп именно в процессе трудовой деятельности» [4, 140].

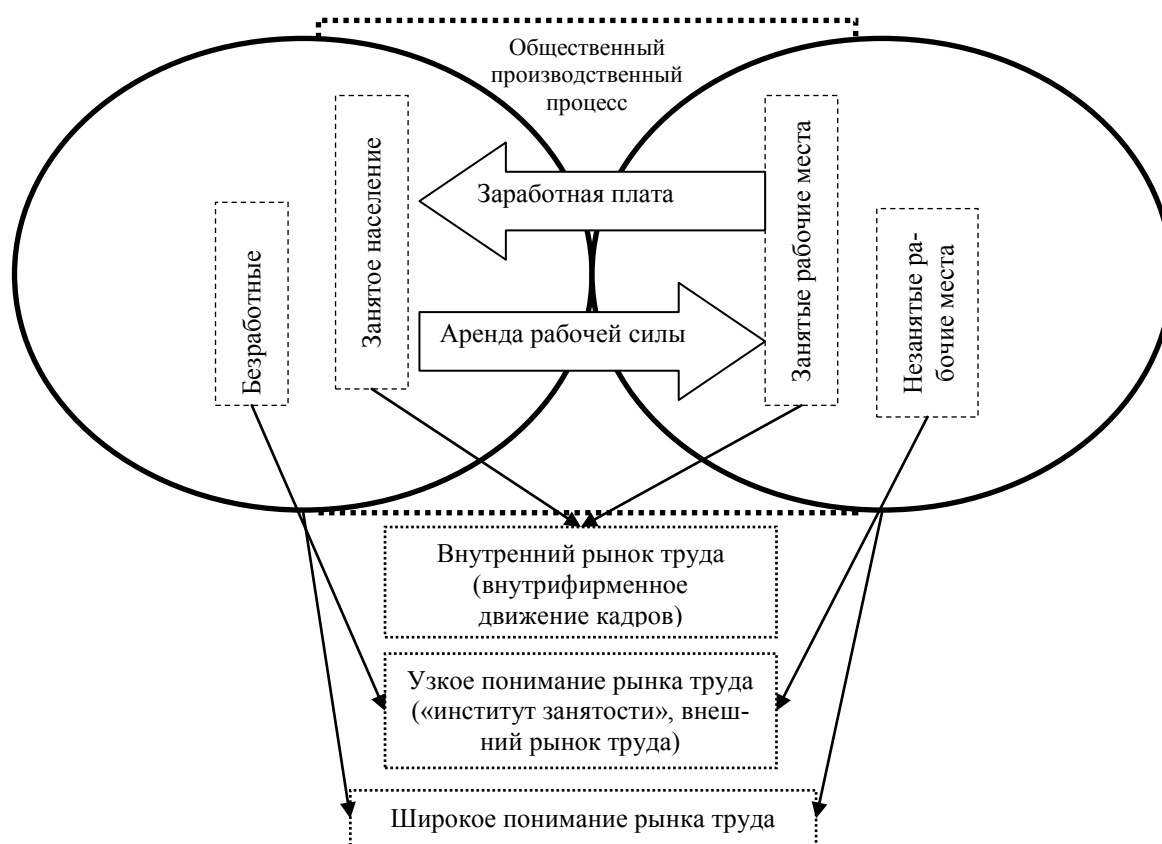
На основе сопоставления экономических теорий, затрагивающих вопросы сущности рынка труда, и признавая наличие как широкой, так и узкой трактовки, С.В. Орехова предлагает оригинальное определение «внутреннего» рынка труда с позиций неоклассического и неoinституционального синтеза. Так, «внутренний» рынок труда выступает как «система трудовых отношений, ограниченных рамками одной организации, при которых заработная плата и размещение работников определяются административными правилами и процедурами» [6, 257]. Однако С.В. Орехова указывает, что, поскольку в рамках фирмы механизмы регулирования взаимодействия работника и работодателя не соответствуют свободным рыночным отношениям, можно поставить под сомнение существование рынка труда в рамках отдельной организации.

В противовес вышесказанному Ю.Г. Одегов и Г.Г. Руденко указывают, что само появление безработных на рынке труда обусловлено регулированием контингента занятых в производственном процессе на основе «отношений между работодателем и наемным работником, которые носят явно выраженный рыночный характер» [5, 107]. Даже в случае постоянной занятости на одном и том же предприятии работник может перемещаться в системе должностей, проявлять вертикальную и горизонтальную трудовую мобильность, причем данные перемещения будут основаны на взаимовыгодных отношениях с работодателем, на спросе и предложении рабочей силы уже занятых работников, что, по мнению авторов, характеризует существование «внутреннего» рынка труда организации.

Ключевой задачей выделения «внутреннего» рынка труда из рынка труда в «широкой» трактовке, согласно Ю.Г. Одегову и Г.Г. Руденко, выступает необходимость понимания внутренних взаимосвязей между рынками труда разных уровней, а также разработка соответствующего механизма, усиливающего эти взаимосвязи. Государство в его отсутствие лишено возможностей реального и комплексного регулирования совокупного спроса и совокупного предложения рабочей силы в целях достижения высокой производительности труда и упорядочивания социально-трудовых отношений [5, 110].

Таким образом, обобщив существующие мнения относительно сущности и содержания рынка труда, можно предложить концептуальную модель различения понимания его трактовок (см. рис.).

Дальнейшее развитие исследований рынка труда может послужить для целей конкретизации его содержания исследователями трудовых отношений.

Концептуальная модель различия понимания различных трактовок рынка труда

Литература

1. Гимпельсон В.Е. Устройство общества и экономики с точки зрения рынков труда // Информационный портал «Полит.РУ», 12 марта 2010 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru/article/2010/03/12/trud/>
2. Егоршин А.П., Зайцев А.К. Организация труда персонала: учебник. М.: Инфра-М, 2008. 320 с.
3. Кашепов А.В. Развитие понятия «рынка труда» в отечественной литературе // Экономика и социум. 2015. № 4. С. 385–391.
4. Нехода Е.В. Факторный анализ формирования внутрифирменных рынков труда // Вестник ТомГУ. 2008. № 309. С. 140–144.
5. Одегов Ю.Г., Руденко Г.Г. Внутренний рынок труда в системе социально-трудовых отношений // Вопросы экономики. 2004. № 3. С. 105–114.
6. Орехова С.В. Управление внутренним рынком труда (на примере градообразующих предприятий Свердловской области) // Экономика региона. 2008. № S4. С. 256–270.
7. Экономическая энциклопедия / Институт экономики РАН; гл. ред.: Л.И. Абалкин. М.: Экономика, 1999. 1055 с.

Вопросы реализации концепции счастливого образа жизни в муниципальных образованиях Республики Башкортостан

The Problems of Implementation of the Happy Life Concept at the Local Level in the Republic of Bashkortostan

Р. АХУНОВ, В. ГАРИФУЛЛИН,
И. ЗУЛЬКАРНАЙ

Ахунов Рустем Ринатович, канд. экон. наук, проректор по стратегическому развитию Башкирского государственного университета (БашГУ). E-mail: akhunov@list.ru

Гарифуллин Виль Хабабутдинович, директор ООО «Научно-исследовательский институт счастливого образа жизни». E-mail: niuhl@mail.ru

Зулькарнай Ильдар Узбекович, д-р экон. наук, заведующий лабораторией исследований социально-экономических проблем регионов БашГУ. E-mail: zulkar@mail.ru

В статье анализируется концепция счастливого образа жизни, развивающаяся в последнее десятилетие в связи с тем, что эмпирические исследования показывают, что удовлетворенность народов разных стран жизнью не коррелирует с уровнем их экономического развития. Развитие этой концепции очень важно для России, где фиксируется низкое значение Международного индекса счастья, и для Республики Башкортостан, в муниципальных образованиях которой планируется развитие «территорий счастливого образа жизни».

Ключевые слова: концепция счастливого образа жизни, муниципальное образование, индекс счастья, ограниченная рациональность.

The article analyzes the concept of a happy lifestyle that has evolved over the past decade, because empirical studies show that the satisfaction of peoples of different countries with life does not correlate with the level of their economic development. The development of this concept is very important for Russia, in which the low value of the Happy Planet Index and for the Republic of Bashkortostan, in municipalities of which the development of «happy life territories» is planned.

Key words: concept of a happy lifestyle, local communities, Happy Planet Index, bounded rationality.

Как известно, в основе неоклассической экономической теории лежит концепция «экономического человека», следующего модели рационального поведения, то есть принимающего только решения, направленные на максимизацию его функции полезности. Причем «экономическому человеку» удастся достичь максимума функции полезности, то есть принять самые правильные решения, говоря простым языком, в рамках ресурсов, которыми он располагает.

Понимание того, что реальные люди далеки в своем поведении от этого идеального «экономического человека», дало толчок развитию теории ограниченной рациональности в поведении людей, наиболее видным представителем которой является Г. Саймон [12]. Безусловно, эта теория находится на стыке экономики и психологии, что особенно видно в работах Д. Канемана, получившего Нобелевскую премию в 2002 году за свои совместные с А. Тверски работы по исследованию степени удовлетворенности людей от потерь и приобретений в финансовых операциях, экспериментально обнаружив асимметрию предпочтений, что не согласуется с моделью «экономического человека» [8]. Вопросы взаимодействия государства (власти) с населением в условиях, когда его поведение ограничено рационально, легко поддается манипуляциям, маркетинговым действиям, исследованы в работах Зулькарнай И.У. с применением методов математического моделирования [5].

Развитие различных теорий ограниченной рациональности привело, в конце концов, к появлению направления исследований под общим названием «экономика счастья» (Economics of Happiness) [14; 15; 16]. Это направление исследует условия, при которых человек достигает большей или меньшей удовлетворенности жизнью (достигает счастья). Развитие таких исследований базируется на растущем понимании среди экономистов и социологов, что рост экономики стран, более высокий уровень удовлетворения нужд граждан не может гарантированно обеспечить счастье населения, его высокую удовлетворенность своей жизнью.

Действительно, мы видим противоречие двух общеизвестных фактов. Одним фактом является то, что после тысячелетий в истории человечества, в течение которых оно страдало от болезней и голода, убивавших половину, а иногда и полностью население целых стран, наша планета к началу XXI века достигла уровня, когда инфекционные болезни в основном побеждены, а голода в мире практически не существует (появилась даже проблема лишнего веса), кроме регионов, охваченных боевыми действиями. Вторым фактом является то, что на фоне растущего материального благополучия в мире не прекращаются конфликты, военные действия между странами, противоречия власти и общества, стремительно растет распространенность неинфекционных заболеваний (диабет, сердечно-сосудистые, онкологические болезни), вызванных стрессами, переработкой, конфликтами в семье, разрывом желаемого и имеющегося у людей. Становится очевидно, что проблеме повышения уровня счастья и удовлетворенности жизнью невозможно в дальнейшем решать только повышением материального благосостояния.

О том, что это осознание приобрело глобальный характер, свидетельствует тот факт, что даже Генеральная Ассамблея ООН приняла 19 июля 2011 года резолюцию «Счастье: целостный подход к развитию» (Happiness: towards a holistic approach to development), в которой признало, что «такой показатель, как валовой внутренний продукт, по своему характеру не может достоверно свидетельствовать о счастье и благополучии народа той или иной страны и не создан для этого» [11]. Однако, если ВВП, по оценке ООН, не является достоверным измерителем счастья народа, то возникает вопрос, что бы могло бы быть таким измерителем, при этом сама ООН другого какого-то измерителя счастья, который она могла бы признать достоверным, пока не предложила.

Всевозможные индексы счастья рассчитываются различными международными организациями и научными центрами, которые используют самые разнообразные методики. Самой известной и наиболее широко признанной альтернативой ВВП стал индекс человеческого развития (ИЧР).

Свой «индекс лучшей жизни» (или «Better Life Index») с 2011 года начала рассчитывать и известная международная Организация экономического сотрудничества и развития (Organization for Economic Co-operation and Development).

Отдельно можно отметить многочисленные рейтинги счастливых стран, составленные по результатам опросов населения на основе самых разнообразных методик. Наиболее известный среди них – индекс качества жизни, или индекс удовлетворенности жизнью (Well-Being Index), методологию которого разработал Даниэль Канеман. Источником данных для него является Gallup World Poll. Летом 2012 года мониторинговое агентство «News Effector» и Фонд региональных исследований «Регионы России» провели совместное исследование «Индекс счастья российских городов».

Ранее, в 2006 году, организация «Новый экономический фонд» (New Economics Foundation (NEF)) предложила использовать Международный индекс счастья (Happy Planet Index), который рассчитывается, в свою очередь, на основе трех показателей: а) субъективная удовлетворенность людей жизнью; б) ожидаемая продолжительность жизни; в) так называемый «экологический

след», то есть учитывает часть составляющих индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП). Однако ни один из этих показателей не может быть непосредственно учтен в ВВП или же заменить его, что важно для целей разработки государственной политики стран, что очень важно в связи с предложением упомянутой Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «государствам-членам осуществить дополнительные меры по учету счастья и благополучия народа в проведении государственной политики»¹.

Таким образом, перед наукой стоит задача найти такие измерители счастья, разработать такую методологию его учета, которую можно было бы успешно применять в политике государственного управления, в частности, в рамках предпринимаемых попыток учесть в ВВП или скорректировать ВВП на уровень счастья и удовлетворенностью жизнью народа. Кроме того, необходимо развитие институциональной экономической теории в направлении понимания институтов общества, которые формируют счастливый образ жизни (СОЖ) людей, аналогично формированию здорового образа жизни (ЗОЖ). В этой работе необходимо опираться как на эмпирические исследования [4], так и на теоретический анализ, в частности, с использованием методов имитационного математического моделирования [6; 7; 9].

Для России особенно важно развитие концепции СОЖ и институтов повышения счастья и удовлетворенности жизнью в обществе, поскольку наша страна имеет одно из самых низких в мире значений Международного индекса счастья, значительно уступая европейским странам, Японии и даже некоторым развивающимся странам, таким как Индия, Индонезия и Бразилия [13]. В этой связи Россия в наибольшей степени нуждается в выполнении упомянутой в п.4.1 Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН о необходимости государствам включить в государственную политику развитие институтов, обеспечивающих высокий уровень счастья для народа.

В Республике Башкортостан концепция СОЖ будет реализовываться в практическом плане уже в ближайшее время. Так, в Послании Главы Республики Башкортостан Хамитова Р.З. Государственному Собранию – Курултаю от 30 ноября 2017 года обозначена задача: «Намечается перспективная программа по реализации мер в части превращения муниципалитетов в “территории счастливого образа жизни”. Пусть эта цель кажется очень высокой, но она достижимая, очень важная и мы вместе будем работать в этом направлении. Главная идея программы – путь к счастливой жизни начинается в семье» [10].

Кроме того, в настоящее время ведется разработка Приоритетной программы целостного развития Республики Башкортостан на период до 2045 года «Муниципальные образования – территории счастливого образа жизни» с учетом утвержденной Стратегии социально-экономического развития Республики Башкортостан на период до 2030 года. Очевидно, что условия для формирования СОЖ необходимо формировать прежде всего на местном уровне, в среде, окружающей человека, семью (домохозяйство – в терминологии экономистов), а также внутри семьи, и здесь важны наработки психологов и социологов. В частности, теоретические работы и практико-ориентированные методические разработки Научно-исследовательского института счастливого образа жизни [1; 2; 3]. Решение этой проблемы не может быть универсальным ввиду многообразия культурных особенностей народов, населяющих планету и их представлений о счастье. В практической реализации СОЖ в Республике Башкортостан необходимо учитывать культурные особенности народов, населяющих его территорию.

В этой связи для Республики Башкортостан и для России в целом актуально и значимо развитие концепции счастливого образа жизни, способов его измерения, институтов и условий,

¹ Invites Member States to pursue the elaboration of additional measures that better capture the importance of the pursuit of happiness and well-being in development with a view to guiding their public policies.

которые бы способствовали повышению уровня счастья и удовлетворенности жизнью населения республики. В частности, необходимо ускорить проведение научных исследований по разработке критериев оценки деятельности руководителей муниципальных образований, министерств и ведомств по созданию условий, обеспечивающих благополучие каждой семьи, самореализацию каждого человека, в частности через интересную профессию и воспитание своих детей – основы счастливого образа жизни.

Литература

1. Гарифуллин В.Х. Благополучие каждой семьи, самореализация каждого человека – национальная идея сильного государства, богатой страны. Уфа: Изд-во «Башкортостан», 2004. 40 с.
2. Гарифуллин В.Х. Книга-планинг «Счастливый образ жизни». Уфа: Изд-во «Мир печати», 2017. 263 с.
3. Гарифуллин В.Х. Наша благополучная семья. Смоленск: Изд-во «Высшая школа», 2016. 498 с.
4. Гуриев С. Количественные исследования счастья [Электронный ресурс]. URL: <http://e-lub.net/annuals/hap.htm>
5. Зулькарнай И.У. Государство и ограниченная рациональность населения: формализованные модели. М.: Наука, 2014. 230 с.
6. Ислакаева Г.Р., Соколов Д.Н. Применение агент-ориентированного подхода для моделирования трудовой мотивации на основе концепции экономики счастья // Искусственные общества. 2016. Т. 11. Искусственные общества [Электронный ресурс]. URL: <http://artsoc.jes.su/s207751800000011-1-1>. DOI: 10.18254/S0000011-1-1
7. Истратов В.А. Агенто-ориентированная модель поведения человека: не в деньгах счастье? // Экономика и математические методы. 2009. Т. 45. № 1. С. 129–140.
8. Канеман Д., Тверски А. Рациональный выбор, ценности и фреймы // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 4. С. 31–42.
9. Макаров В.Л., Бахтизин А.Р. Социальное моделирование – новый компьютерный прорыв (агент-ориентированные модели). М.: Экономика, 2013. 295 с.
10. Послание Главы Республики Башкортостан Хамитова Р.З. Государственному Собранию – Курултай от 30 ноября 2017 года [Электронный ресурс]. URL: http://gsrb.ru/ru/supplement/message-rb/poslaniye_2017.php
11. Резолюция 65/309 «Счастье: целостный подход к развитию», принятая Генеральной Ассамблеей 19.07.2011 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N11/420/72/PDF/N1142072.pdf?OpenElement>
12. Саймон Г.А. Рациональность как процесс и продукт мышления // THESIS, 1993. вып. 3. С. 16–38.
13. Happy plant index [Электронный ресурс]. URL: <http://happyplanetindex.org/>
14. Stevenson, B., & Wolfers, J. (2008). Economic growth and happiness: Reassessing the Easterlin Paradox. Brookings Papers on Economic Activity, Spring, 1–87.
15. Stiglitz J.E., Sen A., Fitoussi J.-P. Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. 2009. P. 12.
16. Stutzer A., Frey B. Recent Developments in the Economics of Happiness: Selective Overview. 2012. P. 17.

Инициативное бюджетирование в Республике Башкортостан: возможности и ограничения

Proactive Budgeting in the Republic of Bashkortostan: Possibilities and Limitations

Р. АХМЕТЬЯНОВА, Н. ФИЛИПОВА

Ахметьянова Римма Анасовна, канд. соц. наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского и информационного центра, доцент кафедры государственного и муниципального управления Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан. E-mail: ahmrimma@mail.ru

Филиппова Нина Мироновна, канд. пед. наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан. E-mail: ifilippovanina@gmail.com

В статье анализируются возможности и ограничения реализации практик инициативного бюджетирования в Республике Башкортостан. Главным препятствием на пути развития инициативного бюджетирования в регионе является недостаток финансовых ресурсов и сохранение прежних институциональных правил взаимодействия органов местного самоуправления и населения. Ключевым организационным противоречием, которое может стать сдерживающим фактором в развитии инициативного бюджетирования и эволюции внедрения Программы поддержки местных инициатив (ППМИ) на уровне муниципалитетов, является дисбаланс субъектности во взаимоотношениях муниципальной власти и населения.

Ключевые слова: органы муниципального управления, практики инициативного бюджетирования, вовлечение населения.

The article analyzes the possibilities and limitations of implementing the practice of initiative budgeting in the Republic of Bashkortostan. The main obstacle to the development of initiative budgeting in the region is the lack of financial resources and the preservation of the previous institutional rules for interaction between local governments and the population. The key organizational contradiction, which can become a deterrent in the development of initiative budgeting and the evolution of the implementation of Program for supporting local initiatives at the municipal level, is the imbalance of subjectivity in the relationship between municipal authorities and the population.

Key words: participatory budgeting practices, public, local authorities.

Инициативное бюджетирование (ИБ) – это процесс разработки и распределения части бюджетных средств муниципального образования в рамках проектного подхода с применением форм общественного участия в реализации местного самоуправления и при участии комиссии, состоящей из представителей администрации муниципального образования и его населения. Как показывает мировой опыт, партисипаторное бюджетирование является одним из самых эффективных инструментов муниципального управления.

В России местное самоуправление построено на воле государства, и оно является в большей степени инструментом государственной власти над административными единицами – муниципальными образованиями. В российской модели муниципального управления решения «спускаются» сверху вниз. Органы местного самоуправления находятся в условиях постоянного контроля со стороны вышестоящих уровней государственной власти. Прежде всего, ввиду того, что местные власти не имеют финансовой свободы и полностью зависят от распределения финансовых ресурсов между федеральным центром и регионами. Местные власти, поскольку они находятся в полной финансовой зависимости от региональной и федеральной властей, имеют незначительные права. Так, например, в Республике Башкортостан средний уровень обеспеченности муниципалитетов своими финансами очень небольшой – 15 %, 20 %, максимум – 50 %. Учитывая тот факт, что в большей своей части полномочия не обеспечены финансами, их сфера ограничивается решением мелких вопросов на местах. Особенно это характерно для сельских

поселений. Дефицит субсидируется республикой. В таких условиях население не имеет возможности оказывать влияние на процессы разработки и принятия управленческих решений. Роль местного сообщества заключается в их реализации. Таким образом, существующие механизмы взаимодействия между муниципальной властью и населением способствуют его гражданской активности. В таких условиях партисипаторное бюджетирование для российских муниципалитетов – это радикальная инновация. В целом же практики инициативного бюджетирования являются первыми ступеньками на пути формирования модели местного самоуправления, ориентированной на гражданское сообщество, удовлетворение его потребностей. Главным достоинством партисипаторного бюджетирования является то, что оно представляет собой возможность изменить сложившуюся организацию местного самоуправления в России, которая направлена, прежде всего, на удовлетворение бюрократических требований в рамках юридически оформленных полномочий, а не на удовлетворение нужд населения. Партисипативное бюджетирование несет в себе новую идеологию взаимодействия власти и населения – открытый диалог с населением и его вовлечение в процессы, которые ранее в традиционной схеме распределения бюджетных средств не предполагали общественного участия. Есть основания говорить о том, что в процессах инициативного бюджетирования, освоенного в Республике Башкортостан через внедрение ППМИ (Программа поддержки местных инициатив), закладывается самостоятельный вектор общественной демократии, так как инициатива по бюджетированию желаемых проектов выдвигается и продвигается сообществом: в кооперации актива жителей, предпринимателей, руководителей муниципальных организаций и органов местного самоуправления.

В данной статье анализируются результаты полевого мониторинга, проведенного 17–28 июля 2017 в девяти районах Республики Башкортостан: Стерлибашевском (3 сельских поселения), Федоровском (4 сельских поселения), Ишимбайском (4 сельских поселения), Мелеузовском (3 сельских поселения), Кугарчинском (1 сельское поселение), Мишкинском (4 сельских поселения), Балтачевском (3 сельских поселения), Татышлинском (3 сельских поселения), Аскинском (3 сельских поселения), Янаульском (3 сельских поселения).

Методология исследования основана на принципах социологической оценки и интерпретации данных. В процессе исследования были использованы такие методы, как описание, анализ, синтез, анализ структурированного интервью с главами администраций сельских поселений, руководителями и членами инициативных групп проектов ППМИ, анализ статистических данных.

Республика Башкортостан находится в числе регионов, вовлеченных в процесс инициативного бюджетирования. Специфика региона в том, что Башкортостан – национальная республика, в которой население достаточно активно, причем сельское население намного активнее городского в плане готовности софинансировать проекты. Партисипативное бюджетирование в Республике Башкортостан иницируется региональной властью, при этом существенную роль играет позиция Главы республики и Министерства финансов. Финансовые средства на проекты инициативного бюджетирования планируются в рамках региональных государственных программ [1, 24].

Реализация механизмов ИБ в 2016 г. показала, что в сельских муниципалитетах доля средств бизнеса в проектах в три раза превышает долю спонсорского участия в проектах ППМИ городских муниципальных образований. Вклад осуществляется как в денежной форме, так и в виде техники, материалов, услуг. На рисунке 2 на примере проекта «Ремонт помещения зимнего сада в дошкольном помещении» представлена структура финансирования и показано, что большая часть финансирования проектов осуществляется из республиканского бюджета [2, 16].

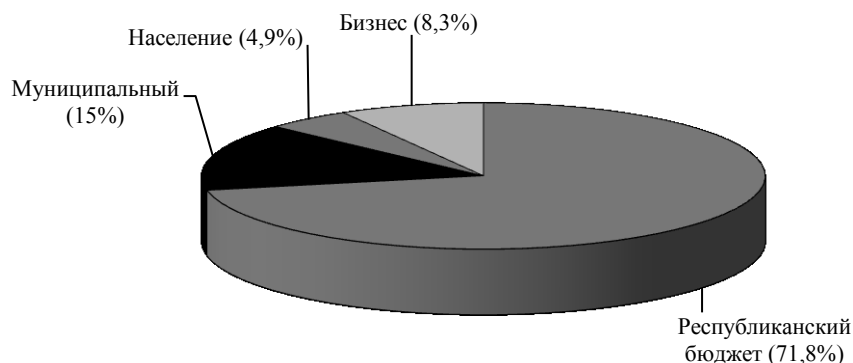

Рис. 1. Финансирование проекта «Ремонт помещения зимнего сада в дошкольном помещении»

Всего за 2016–2017 годы в рассматриваемых нами девяти районах Республики Башкортостан было реализовано 28 проектов, в ходе которых были решены проблемы благоустройства, освещения и водоснабжения населения, проведен ремонт муниципальных учреждений, дорог и др.

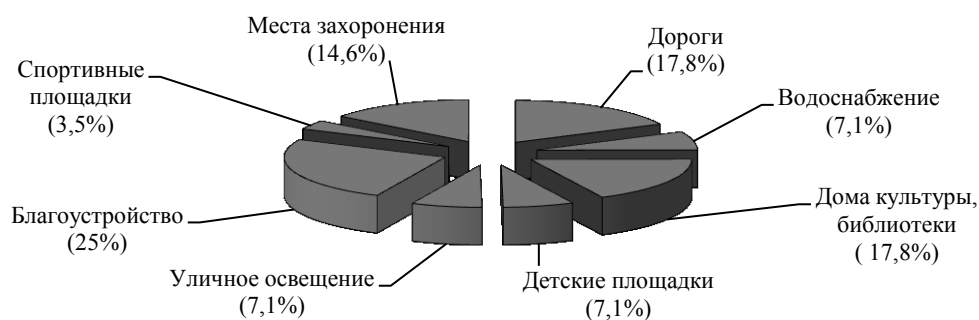

Рис. 2. Типология проектов

Мониторинг проектов свидетельствует о достаточно высокой активности инициативных групп на всех этапах реализации проектов, а именно в организации и проведении общего собрания, в софинансировании проектов населением и спонсорами, подготовке заявки, в выполнении неденежного вклада населением и спонсорами, отборе подрядчика, участии населения в мониторинге и в его сдаче-приемке. В настоящее время развитие инициативы населения как участника бюджетных процессов на уровне муниципалитета – дело первостепенной важности. Реализация практик инициативного (партиципаторного) бюджетирования позволяет решать вопросы бюджетной эффективности в процессе развития общественно-деловой самоорганизации местного сообщества.

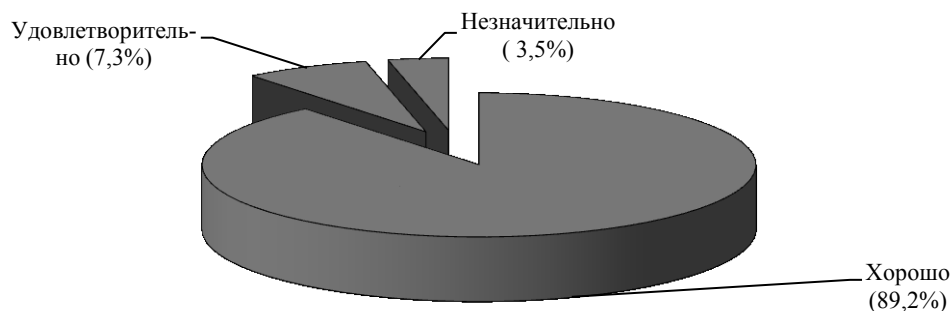

Рис. 3. Участие бизнеса в софинансировании проектов

В процессе реализации практик инициативного бюджетирования проявляются устойчивые формы самоорганизации населения. Увеличивается число ответственных за судьбу своего поселения граждан.

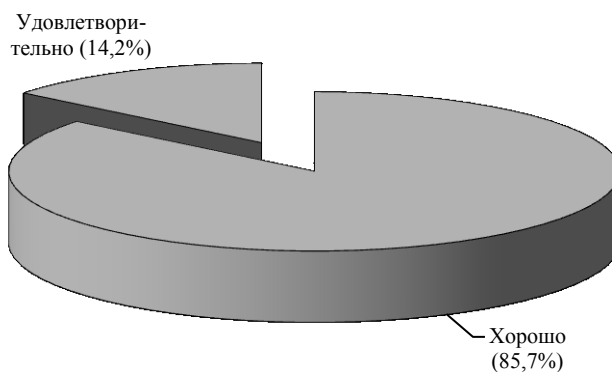

Рис. 4. Участие населения в софинансировании проектов

Когда инициативная группа видит эффект, она привлекает к инициативному бюджетированию новых участников, и формируется мощная система социальной поддержки проекта. Население, причастное к реализации отобранного проекта, осуществляет общественный контроль за его реализацией, последующей эксплуатацией и сохранностью построенных объектов. Повышается уровень доверия к власти за счет увеличения прозрачности управленческих решений и снижения уровня коррупции. Снижается угроза социальной напряженности.

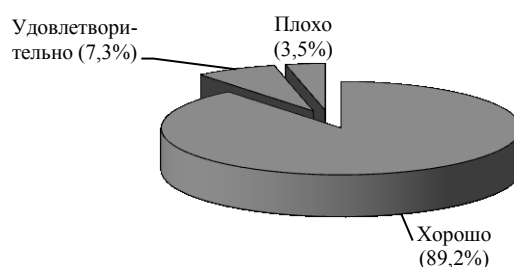

Рис. 5. Участие населения в мониторинге проектов

Наиболее актуальной проблемой, возникшей в ходе реализации проектов, является выполнение основных работ в осенне-зимний период. В основном график реализации создавал дополнительные проблемы, поскольку достаточно тяжело проводить работы по благоустройству муниципального образования в декабре, в морозы. Кроме того, одной из актуальных проблем сельских муниципалитетов являются дороги. А подавать заявки на проведение дорожных работ не представляется возможным, поскольку в законодательстве появилось требование проведения обязательной предварительной геологоразведки и проведением обязательной экспертизы сметы.

В целом судьба эффективности дальнейшей эволюции инициативного бюджетирования не достаточно ясна.

Со стороны населения может наступить спад интереса населения к участию в проектах инициативного бюджетирования из-за:

- неоднократного проигрыша (2,3 года подряд) в результате дисбаланса количества муниципалитетов-участников (много) и выделяемой республиканской властью величиной конкурсной суммы (недостаточно);
- избыточного давления районного уровня местной власти, принуждающего поселения к участию в проектах;

- попыток манипуляции мнением населения в продвижении собственных инициатив администраций муниципальных образований (как поселенческого, так и районного уровня) в решении вопросов ремонта объектов муниципальной собственности;

- диспропорции активности местной власти и местного сообщества, когда в ответ на энергичные действия администрации население может воспринимать участие в проектах как очередной вид «поборов» за то, «что уже и так заплатили налоги»;

- избыточной для самого населения сложности требований по подготовке документации, соответствующей бюджетным требованиям и доступной только для специально подготовленных специалистов муниципальных администраций;

- недостатка потребности населения в коллективных практиках и навыка местного сообщества в организации общественных дел.

С научной точки зрения ключевым противоречием, ограничивающим потребность населения участвовать в проектах инициативного бюджетирования, может стать смешение подходов: «муниципальная инициатива» (или инициатива органов местного самоуправления) и «общественная инициатива».

Действительно, эффективность местного самоуправления основывается на уровне его поддержки населением. Однако свои собственные, общественные интересы население может выражать через специфику общественной самоорганизации или особого «общественного самоуправления». Разница между этими «самоуправлениями» заключается в том, что местное самоуправление представляет собой форму публичной власти, а общественное – это коллективная деятельность населения, направленная на реализацию собственных инициатив и достижение собственных целей на основе самоорганизации. В разнице этих понятий заложена «вилка» расхождения логик: на стороне местного самоуправления – деятельность местных администраций, которые отвечают за муниципальную собственность, а на стороне местных сообществ – общественные дела с возможностью появления общественной собственности (как собственность общественных организаций, объединений, территориального общественного самоуправления в том числе). В отношении проектов инициативного бюджетирования население должно выдвигать общественные инициативы относительно муниципальной собственности. Противоречие, как говорится, «налицо».

В связи с этим все в большей степени могут проявляться ограничения, сдерживающие участие в проектах инициативного бюджетирования самих муниципалитетов.

На уровне районных администраций могут проявляться следующие ограничения:

- неопределенность наделения ответственностью за работу с поселениями и (или) населением как функциональных подразделений муниципального органа, так и отдельных муниципальных служащих, у которых эта деятельность не отражена в должностных инструкциях;

- недостаточная компетенция самих муниципальных служащих (имеющая в основном отраслевой и управленческий характер) в специфике организации муниципально-общественного партнерства и вовлечения населения в самоорганизационные процессы инициирования проектов вообще и проектов содержания муниципальной собственности в частности (этому муниципальным служащим никто не учит: таких курсов в учреждениях профессионального образования нет);

- изменяющиеся конкурсные положения о ППМИ на фоне кадровых изменений в муниципалитетах;

- рост напряженности в отношениях с активным населением при условии повторяющихся «проигрышей» в результате конкурсных процедур;

- недостаточная финансовая мотивация (денег мало, организационных работ – много) и сложность исполнения конкурсных условий, необходимых для победы, в городских поселениях и городских округах (изначально ППМИ ориентирована на небольшие местные сообщества сельских поселений, в связи с чем выигрышные баллы, оцениваемые в процентном соотношении, становятся практически невыполнимыми для больших населенных пунктов);

- оптимизация (сокращение) непосредственного обучения и консультирования населения специфике участия в ППМИ со стороны компетентных и специальным образом подготовленных

специалистов (консультантов Всемирного банка по ППМИ и/или центра изучения гражданских инициатив Института стратегических исследований при Академии наук Республики Башкортостан);

– трансформация восприятия муниципальными служащими ППМИ как одного из способов финансирования государством муниципальных полномочий в решении вопросов местного значения, затрудненного необходимостью выполнения процедур работы с населением и дополнительной документацией.

Ключевым организационным противоречием, которое может стать сдерживающим фактором в развитии инициативного бюджетирования и эволюции внедрения ППМИ на уровне муниципалитетов, является дисбаланс субъектности во взаимоотношениях власти и населения.

Действительно, со стороны органов местного самоуправления в ППМИ выступает иерархически организованная структура муниципальной администрации. А с общественной стороны – аморфная, неструктурированная и неорганизованная масса «вообще населения». Единственной организованной «точкой сборки» их взаимоотношений становится собрание, на котором принимается и протоколируется решение населения об участии в ППМИ, о выборе проблемы относительно того или иного объекта муниципальной собственности, на решение которой будет направлен проект, о сумме и форме сбора финансового вклада, который в случае конкурсной победы готовы сделать жители на решение этой проблемы, и о выборе инициативной группы проекта, которая должна будет взаимодействовать с муниципальной администрацией по выполнению со стороны населения обязательств в разработке и реализации проекта, а также по приемке результатов работ подрядчиков на муниципальном объекте.

Следовательно, субъектом взаимодействия с органами местной власти относительно проектной инициативы становится инициативная группа. Однако высокий уровень случайности формирования ее состава задает такой же высокий уровень неопределенности ее деловых характеристик и наборе компетенций, необходимых для выполнения всех (весьма непростых) требований к участию в конкурсных процедурах ППМИ. В связи с этим основную нагрузку по разработке проектно-конкурсных материалов, оценке проектно-сметной документации, участия в тендерных процедурах, техническом надзоре в процессе осуществления работ подрядчиками, приемке объекта, относящегося к муниципальной собственности, осуществляет администрация муниципального образования. В таком процентном соотношении организации и выполнения работ по проекту ППМИ, роль неорганизованного населения можно назвать скорее соучастием.

Однако опыт реализации ППМИ в городских округах Республики Башкортостан, где субъектом взаимодействия с местной администрацией со стороны населения выступали ТСЖ (товарищества собственников жилья) и ТОС (территориальное общественное самоуправление), показал путь выравнивания организационно-партнерских взаимоотношений и повышения эффективности взаимодействия власти и населения в решении вопросов местного значения.

Однако на уровне сельских и городских поселений эта норма еще ждет своего закрепления в регулирующих региональных документах. В настоящее время нет законодательно оформленных процедур, согласно которым муниципальная администрация может официально выполнять рекомендации граждан.

Вовлеченность граждан в реализацию проектов, направленных на решение задач местного значения, порождает сопричастность граждан к их решению. В условиях большого числа социально-экономических проблем и отсутствия финансовых средств партисипаторное бюджетирование создает для местной власти благоприятные условия, поскольку, во-первых, позволяет выявлять и оперативно решать наиболее острые проблемы социальной инфраструктуры муниципальных образований, прежде всего на основе приоритетов, выявленных самим населением, во-вторых, путем вовлечения населения в решение местных проблем местная власть снижает уровень иждивенческих настроений, в-третьих, привлекает для решения этих проблем местные ресурсы (средства населения, местных спонсоров, местного бюджета), в-четвертых, повышается уровень доверия к власти за счет увеличения прозрачности управленческих решений и снижения уровня коррупции. Снижается угроза социальной напряженности, формируется социальная база

поддержки местной власти. В целом же партисипаторное бюджетирование является одним из удобных способов оптимизации бюджетных расходов, поскольку не требует радикальных изменений в бюджетном процессе и вписывается в существующую законодательную базу.

Литература

1. Инициативное бюджетирование. Российский опыт в области участия граждан в решении вопросов местного значения / И.Е. Шульга, В.В. Вагин, Г.Н. Хачатрян, А.С. Сухова, Л.А. Шилов, Н.В. Гаврилова, Н.А. Шаповалова. М.: «Алекс», 2017. 124 с.
2. Программа поддержки местных инициатив в Республике Башкортостан, 2016 г. /Авт. и сост. И. Шульга, А. Фадеева, А. Сухова. М.: «Алекс», 2017. 56 с.

Налоговые стимулы экономики

Tax Stimulations of Economy

Г. ГАЛИМОВА

Галимова Гузалия Абкадировна, канд. экон. наук, доцент, заведующий кафедрой финансов и налогообложения Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета. E-mail: ggalimova02@yandex.ru

В статье рассматриваются проблемы налогового стимулирования роста экономики региона с точки зрения применения налоговых льгот по отдельным налогам. Автором изучена проблематика применения данного инструмента в Российской Федерации. Сформулированы выводы, которые позволят повысить использование данного инструмента в стимулировании роста экономики, прежде всего регионов.

Ключевые слова: налоговое стимулирование, налоговые льготы, налоговые преференции, налоговые расходы.

The article considers the problem of tax stimulation of regional economy growth by using tax privileges at several taxes. Author studies the issue of applying of this instrument in Russian Federation. Given conclusions will increase usage of this instrument at stimulation of economic growth, mostly of the regions.

Key words: tax stimulation, tax privileges, tax preferences, tax costs.

Налоговое стимулирование социально-экономического развития является одной из основных задач государственной политики любого государства. Как известно, именно налог является наиболее действенным инструментом, воздействующим на различные экономические и социальные процессы, протекающие на той или иной территории.

Наиболее действенным инструментом являются налоговые льготы. Налоговые льготы – это законная возможность платить налоги в меньшем объеме или не платить их вовсе (п. 1 ст. 56 НК РФ). Существуют различные формы налоговых льгот:

- перечень необлагаемых объектов и налогооблагаемых баз;
- категории плательщиков, которые освобождаются от налогообложения;
- снижение налоговых ставок.

Льготы по федеральным налогам и условия их применения установлены в Налоговом кодексе Российской Федерации (НК РФ). По региональным и местным налогам льготы могут быть установлены как на уровне федерального законодательства (НК РФ), так и региональным и местным законодательством (п. 3 ст. 56 НК РФ).

Несмотря на, казалось бы, положительный эффект, данная категория четко регламентируется со стороны бюджетного законодательства, поскольку существенно влияет на формирование бюджетных доходов. В бюджетной практике данный элемент определяется как «налоговые расходы».

Налоговые расходы как категория управления в процессе планирования и использования бюджетных средств бюджетов разных уровней является одним из важнейших показателей бюджетного процесса.

Понятие налоговых расходов в бюджетном законодательстве в Российской Федерации не закреплено. Это ограничивает возможности использования данного показателя в управлении бюджетным процессом.

Налоговые льготы достаточно широко используются как элемент налогового стимулирования экономической деятельности и инструмент реализации бюджетно-налоговой политики.

В международной бюджетной практике налоговые расходы определяются как недополученные доходы бюджета, обусловленные налоговыми льготами и преференциями, размер которых определяется отклонением от базовой структуры налогов [1]. В налоговом и бюджетном законодательстве России определено понятие налоговых льгот, а понятие преференций отсутствует.

К преференциям относятся налоговые льготы, которые определены как элемент налога, а также установление пониженной налоговой ставки, освобождение от фискальных платежей (не только налоговых).

Не исследуя формально-юридические аспекты таких категорий, как налоговая льгота и преференции, следует отметить, что налоговые льготы подлежат оценке со стороны фискальных органов, а преференции – нет. Налоговые льготы имеют стоимостную оценку и отражаются в налоговых декларациях, а остальные виды преференций – нет.

Задача фискальных органов федерального уровня в применении налоговых льгот на 2017–2018 годы предполагает завершение инвентаризации льгот, установленных федеральным законодательством, подготовка предложений по отмене неэффективных льгот и поэтапная отмена льгот, установленных Налоговым кодексом по региональным и местным налогам.

На основе анализа международного опыта оценки налоговых расходов и российской практики применения налоговых льгот были определены следующие основные сферы применения налоговых расходов в Российской Федерации:

- социальная политика;
- содействие населению в получении образования;
- содействие населению в лечении и укреплении здоровья;
- содействие населению в жилищном строительстве;
- содействие общеэкономическому развитию (включая государственный сектор) и инвестициям;
- содействие инновационной деятельности;
- поддержка приоритетных отдельных отраслей и секторов экономики;
- содействие территориальному развитию [1].

На основе анализа российского налогового законодательства можно выделить следующие налоговые расходы (по состоянию налогового законодательства на сентябрь 2017 года).

По налогу на прибыль:

- налоговые расходы общего характера на поддержку отраслей и секторов;
- налоговые расходы на освобождение доходов по применяемым финансовым инструментам;
- налоговые расходы на поддержку казенных учреждений;
- налоговые расходы на поддержку бюджетных и автономных учреждений;
- налоговые расходы на поддержку государственных корпораций;
- налоговые расходы по НИОКР (если по перечню, установленному Правительством, то фактические затраты применяются с коэффициентом 1,5);
- налоговые расходы на имущественные права интеллектуальной деятельности;
- налоговые расходы на поддержку территориального развития.

Так, согласно закону РБ «Об установлении пониженной налоговой ставки налога на прибыль организаций» в Республике Башкортостан льготы применяются в отношении организаций, заключивших с Правительством Республики Башкортостан инвестиционное соглашение об условиях реализации приоритетного инвестиционного проекта, в том числе организации – резиденты

территории опережающего социально-экономического развития, созданной на территории Республики Башкортостан. Так, согласно информации, содержащейся в проекте консолидированного бюджета Республики Башкортостан, законодательством предусмотрено порядка 13 млн руб. налоговых расходов по вышеназванному закону. При этом данная сумма налоговых расходов не меняется в течение 5 лет, то есть до 2020 года.

По налогу на доходы физических лиц:

- налоговые расходы на социальное обеспечение;
- налоговые расходы, связанные с трудовыми доходами населения;
- налоговые расходы, способствующие повышению доходов населения от имущества;
- налоговые расходы на содействие населению в получении образования;
- налоговые расходы на содействие населению в получении медицинских услуг и оздоровления;
- налоговые расходы на поддержку жилищного строительства.

Поскольку налоговые правоотношения по НДФЛ, в том числе установление льгот, регулируются только федеральным законодательством, то налоговые расходы по данному налогу невозможно отрегулировать на уровне регионального законодательства. Предоставление вычетов по налогу существенно корректирует доходы как региональных, так и местных бюджетов.

По налогу на имущество юридических лиц:

- налоговые расходы общего характера на поддержку отраслей и секторов;
- налоговые расходы на поддержку казенных учреждений;
- налоговые расходы на поддержку бюджетных и автономных учреждений;
- налоговые расходы на модернизацию (движимое имущество);
- налоговые расходы на имущественные права интеллектуальной деятельности;
- налоговые расходы на поддержку территориального развития.

На уровне Республики Башкортостан налоговые расходы по налогу на имущество за 2016 год составили 1113 млн руб., в 2017 году планируется, по результатам оценки, около 972 млн руб., а в 2020 году – 929 млн руб. В то же время следует отметить, что на основе положений федерального законодательства предоставляются льготы по данному налогу в сумме 2 806,2 млн руб. [2].

Почти 50 % налоговых расходов (около 585 млн руб.) по налогу на имущества юридических лиц связаны с заключением инвестиционного соглашения с Правительством РБ. В размере более 203 млн руб. предоставляются налоговые льготы на организацию обслуживания дорог общего пользования регионального, межмуниципального и местного значения. Существенными льготами в 2016 году были наделены объекты, используемые исключительно для охраны природы, – около 141 млн руб.

Федеральный законодатель с 1 января ввел так называемый налог на модернизацию, что предполагает обложение налогом на имущество юридических лиц, движимое имущество (ранее был выведен из налогооблагаемой базы имущества). Это существенно повысит налоговое бремя, прежде всего, на производителей, обновляющих производственные мощности, тем самым нивелируя значения действующих налоговых льгот.

По региональному законодательству также существенные льготы предоставляются по транспортному налогу: в 2016 г. и в последующие 4 года – порядка 1 539 млн руб., из них 50,2 млн руб. – льготы юридических лиц. Среди юридических лиц существенна доля колхозов, совхозов, крестьянских (фермерских) хозяйств, организаций автотранспорта общего пользования – 72 %. Как видим, эффективность данных льгот вполне обоснованна.

Основные льготы предоставляются физическим лицам – 1488 млн руб.

Предоставляются льготы также субъектам малого бизнеса при применении специальных режимов налогообложения. Например, начиная с 2014 года вновь зарегистрированные индивидуальные предприниматели имеют право применять ставку 0 %. Сумма расходов по данной льготе заложена в бюджете республики в размере около 49 млн руб. [2].

С точки зрения стимулирования экономики, социально-экономического развития, экономического роста регионов налоговые льготы как критерий оценки является значимым и при оценке эффективности реализации государственных программ. Известно, что принимаемые государственные программы зачастую предполагают предоставление налоговых льгот по конкретным направлениям.

Осуществление оценки эффективности налоговых льгот является приоритетной задачей деятельности министерств финансов федерального и регионального уровня. Так, на сайте Минфина РФ размещен проект методики оценки эффективности налоговых льгот.

Согласно данному документу оценка эффективности налоговых льгот, прежде всего, учитывается при распределении бюджетных дотаций региональным бюджетам на выравнивание бюджетной обеспеченности. Если эффективность налоговых льгот имеет отрицательное значение, то сумма бюджетных потерь от предоставления налоговых льгот включается в расчет налогового потенциала региона, используемого в соответствии с Методикой распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации, утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 22 ноября 2004 г. № 670.

Налоговые льготы разделены на 3 типа в зависимости от целевой составляющей:

- 1) социальные – поддержка отдельных категорий граждан;
- 2) финансовые – устранение/уменьшение встречных финансовых потоков;
- 3) стимулирующие – привлечение инвестиций и расширение экономического потенциала.

Налоговые льготы первого и второго типа подлежат распределению по бюджетным полномочиям. В целях обеспечения равнозначности расходных обязательств бюджетов субъектов РФ предлагается увеличить объем расходов бюджетов по соответствующей группе полномочий на сумму налоговых льгот.

Эффективность стимулирующих льгот рассчитывается по формуле путем соотношения разницы налоговых поступлений от налогоплательщика за период получения льгот и налоговых поступлений предшествующим периоду получения льгот, с учетом темпа прироста налоговых поступлений, с расчетной стоимостью среднесрочных рыночных заимствований. Однако следует отметить, что эффективность стимулирующих льгот вряд ли возможно выявить за короткий период.

Как видим, предлагаемая методика расчета эффективности налоговых льгот нацелена на регулирование межбюджетных трансфертов, прежде всего, дотаций из вышестоящего бюджета с учетом в повышение экономической активности региона.

Таким образом, для эффективного функционирования налоговых льгот как элемента стимулирования необходимы:

- отказ от установления налоговых льгот на федеральном уровне, что позволит более выборочно подходить к данной форме стимулирования;
- оценка влияния не только налоговых льгот, а всех преференций, в том числе нефинансовых;
- принятие решений по стимулирующему эффекту льгот с учетом оценки на среднесрочной основе.

Литература

1. Богачева О.В. Создание в России учета налоговых расходов при бюджетном планировании и оценке эффективности бюджетных расходов // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2015. № 1. С. 27–33.
2. Бюджет для граждан к Закону Республики Башкортостан от 2 декабря 2016 года № 427-з «О бюджете Республики Башкортостан на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов» [Электронный ресурс]. URL: <https://minfin.bashkortostan.ru/documents/461979/>
3. Закон РБ № 454-з «Об установлении пониженной налоговой ставки налога на прибыль организаций» от 31 октября 2011 года.
4. Постановление Правительства РБ от 19.08.2011 № 292 (ред. от 21.04.2017) «О порядке рассмотрения и поддержки приоритетных инвестиционных проектов Республики Башкортостан».

Мягкое рыночное управление экономикой региона в контексте цифровой экономики

Soft Market Management of the Economy of the Region in the Context of the Digital Economy

С. ХАРИТОНОВ, Д. МУСИНА, А. ТЮРГАНОВ

Харитонов Сергей Васильевич, директор ООО «Сегмент-Про» (г. Уфа). E-mail: hsvprofit@yandex.ru

Мусина Дилара Раисовна, канд. экон. наук, доцент кафедры «Экономика и управление на предприятии нефтяной и газовой промышленности» Института нефтегазового бизнеса Уфимского государственного нефтяного технического университета. E-mail: musinad@yandex.ru

Тюрганов Анатолий Геннадьевич, канд. техн. наук, доцент кафедры экономической информатики Института управления и экономики Уфимского государственного авиационного технического университета. E-mail: tur_ag@mail.ru

В статье авторы раскрывают предпосылки для внедрения принципиально нового метода управления экономикой – мягкого рыночного управления. В качестве инструментария предлагается создание на региональном уровне организационно-технической системы – виртуальной среды, в которую будут вовлечены хозяйствующие субъекты региона.

Ключевые слова: мягкое управление, экономика региона, организационно-техническая система, цифровая экономика.

In the article the authors disclose the prerequisites for the introduction of a fundamentally new method of economic management – soft market management. As a tool, it is proposed to create at the regional level an organizational and technical system – a virtual environment, into which the economic entities of the region will be involved.

Key words: soft management, regional economy, organizational and technical system, digital economy.

Современная ситуация в российской экономике характеризуется довольно высокими процентными ставками по кредитам, снижением доходов населения, ослаблением национальной валюты, отставанием от темпов роста мировой экономики. Несмотря на попытки адаптации экономики к новым условиям, включая международные санкции в отношении страны, это не привело к заметному росту валового внутреннего продукта [13]. Экономика нуждается в структурной перестройке – уходе от экспортно-сырьевого вектора развития, в развитии высокотехнологичных производств [1]. Перечисленные проблемы на региональном уровне дополняются такими, как недостаточные инвестиции в экономику региона, низкая производительность труда, высокая изношенность основных фондов, низкая диверсификация производства и др. [2; 12; 14; 15].

Одной из причин затянувшихся реформ, о которой неоднократно упоминал Президент РФ В.В. Путин, является качество управления экономикой, которое не соответствует вызовам времени. В «Стратегии социально-экономического развития Республики Башкортостан на период до 2030 г.» также отмечено, что «...существующая система и технологии управления не позволяют обеспечивать согласованность интересов ...в силу ... устаревших компетенций, негибких и недостаточных интерфейсов взаимодействия с бизнесом и населением» [11].

Сущность метода мягкого управления. До сих пор в своем регулировании экономических процессов государственные органы применяли прямые и косвенные методы управления, в свою очередь косвенные методы ограничивались предоставлением налоговых льгот, субсидированием процентной ставки по кредитам, субсидированием текущих и капитальных затрат, предоставлении земельных участков без торгов [7]. Применение указанных методов ограничено в первую очередь бюджетом региона (в связи с этим поддерживаются в основном инфраструктурные проекты) [3; 9], во-вторых, тем, что эти методы обеспечивают финансовые преференции и не дают

стимулов к развитию, качественному и количественному экономическому росту хозяйствующих субъектов.

Вместе с тем, современный уровень развития информационных технологий и систем предоставляет возможности для распространения новых методов косвенного регулирования экономики [4; 5], в частности, так называемого метода мягкого регулирования.

Мягкие методы регулирования влияют на субъект воздействия через среду, в которой функционирует субъект. Суть метода в том, что жесткие прямые методы управления объектом заменяются созданием среды, влияющей на объект в заданном направлении. При этом управляющее воздействие направлено не на субъект, а на среду. Здесь реализуется принцип полисубъектного управления по типу «субъект – полисубъектная среда» [10].

В контексте развития применения в управлении инструментов цифровой экономики подобной полисубъектной средой может выступать информационная среда. По своим характеристикам это будет распределенная гетерогенная информационная среда [6].

Цифровые технологии как инструмент реализации метода мягкого управления. В пользу скорейшего внедрения информационных инструментов для реализации методов мягкого управления экономикой свидетельствует то, что, по данным Всемирного экономического форума, индекс конкурентоспособности экономики государств имеет высокий уровень корреляции с индексом развития в странах информационно-коммуникационных технологий. Понимание данного вектора развития заложено в «Прогнозе долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года», где расширение применения информационно-коммуникационных технологий определено как одна из основ для развития производственной инфраструктуры экономики страны. В программном документе «Цифровая экономика», разработанном к Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, в качестве направления развития информационной инфраструктуры задано «внедрение цифровых платформ работы с данными для обеспечения потребностей власти, бизнеса и граждан» [8].

К настоящему времени в рамках концепции цифровой экономики первоочередное внимание уделяется развитию информационной среды для прямого взаимодействия государства и общества, прежде всего для упрощения документооборота и снятия административных барьеров. Следующим шагом в развитии цифрового информационного поля должно стать создание информационной инфраструктуры и эффективных интернет-сервисов для бизнес-сообщества.

В этой связи авторы предлагают в качестве полисубъектной среды создание организационно-технической системы на принципах виртуальной организации, объединяющей предприятия, организации, индивидуальных предпринимателей, сообщества и государственные органы.

При регистрации предприятия на интернет-портале оно получает уникальные имя пользователя и пароль для дальнейшей идентификации при работе в сети. Управление территорией посредством интернет-портала (менеджмент территории) будет заключаться в автоматизированном сборе необходимых сведений, анализе данных, принятии управленческих решений, доведении их до исполнителей и воплощении в практику. При этом в отличие от традиционного способа сбора данных через органы статистики, электронный информационный обмен обеспечит необходимую оперативность и актуальность данных. Предприятия, зарегистрированные на сайте, будут участвовать в опросах, сборе статистики. В зависимости от значений собранных показателей их будут включать в ту или иную государственную программу, осуществлять государственные закупки, дотации, выдавать кредиты на развитие.

Оставаясь юридически и фактически самостоятельными, предприятия будут включены в виртуальную организацию, которая, опираясь на оперативные актуальные сведения и значимые показатели, будет координировать деятельность своих участников в направлении максимальной эффективности для республики в целом.

Будут регламентированы и автоматизированы основные процессы взаимодействия власти и предприятий, предприятий между собой (B2B – business to business), предприятий и физических лиц (B2C – business to consumer), которые позволят без дополнительных затрат со стороны

производителей товаров и услуг повысить активность экономической жизни, а также конкурентоспособность российских производителей за счет оптимизации затрат (оптимизация поставщиков, сокращение цепочки посредников, аутсорсинг вспомогательных процессов). В результате будет получена «промышленная сеть предприятий, физических лиц, органов власти и управления Республики Башкортостан», призванная обеспечить более тесное прозрачное взаимодействие власти и общества на благо развития Республики Башкортостан. На основе корректировки местного и федерального законодательства в разработанной информационной среде будет осуществляться мягкое регулирование рынка для достижения наилучших социально-экономических показателей региона.

Предлагаемый подход с точки зрения повышения эффективности государственного управления на региональном уровне будет способствовать реализации таких проектов совершенствования государственного управления Республики Башкортостан, как «Внутренняя перенастройка» (в рамках задачи «Бизнес без барьеров: повышение качества регуляторной среды») и «Эффективные внешние коммуникации» («...создание эффективных коммуникационных площадок, востребованных бизнесом...») [11].

На данном этапе идея требует проработки концептуальных вопросов, таких как разработка и обоснование принципов формирования организационно-технической системы управления, формирование организационно-экономического механизма функционирования и внедрения организационно-технической системы управления, моделирование управляющего воздействия государства на экономическую среду в регионе через инструменты проекта.

Литература

1. Gajfullina M.M., Nizamova G.Z., Musina D.R., Alexandrova O.A. Formation of strategy of effective management of fixed production assets of oil company // *Advances in Economics, Business and Management Research*. 2017. Vol. 38. P. 185–190.
2. Бахитова Р.Х., Валинурова Л.С., Горбатков С.А., Исянбаев М.Н., Казакова О.Б. и др. Экономический потенциал Республики Башкортостан: учеб. пособие. Уфа: Изд-во БашГУ, 2015. 336 с.
3. Буренина И.В., Мусина Д.Р., Герасимова М.В., Гамилова Д.А. Методический подход к проектированию системы логистических центров и оптовых складов на региональном уровне // *Евразийский юридический журнал*. 2016. № 10. С. 308–311.
4. Дегтярева И.В., Макарова Е.А. Когнитивные модели управляемых процессов накопления и потребления оборотного капитала кластеров предприятий реального сектора экономики // *Управление экономикой: методы, модели, технологии: материалы XVII Междунар. науч. конф., посвящ. 85-летию Уфимского государственного авиационного технического университета*, 2017. С. 47–54.
5. Дегтярева И.В., Макарова Е.А., Павлова А.Н. Интеллектуальные алгоритмы анализа ситуаций и принятия решений при взаимодействии секторов экономики в неопределенных рыночных условиях на основе нейронных сетей Кохонена // *Управление экономикой: методы, модели, технологии: материалы XVI Междунар. науч. конф.*, 2016. С. 457–462.
6. Лутфуллин Р.Я., Тюрганов А.Г., Галимов А.К., Сафин Э.В. Информационная поддержка системы управления предприятий авиационного машиностроения на основе метода операционных продуктов // *Информационные технологии. Проблемы и решения*. 2014. № 1-1. С. 130–134.
7. Презентация Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. URL: http://kr-rb.ru/upload/2018/presentations/region_presentations/rus_rb_presentation_2017.pdf
8. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221756/
9. Проектирование системы логистических центров и оптовых складов в Республике Башкортостан / Гайнанов Д.А., Буренина И.В., Мусина Д.Р. и др. Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2013. 164 с.

10. Прокопчина С.В. Принципы и технологии мягкого управления полисистемными средами в условиях значительной неопределенности// Управленческие науки. 2016. № 1. С. 17–25.
11. Стратегия социально-экономического развития Республики Башкортостан на период до 2030 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://isirb.ru/wp-content/uploads/2017/03/metodologiya-dekabr-2016.pdf>
12. Фомина Е.А., Ходковская Ю.В. Финансово-экономические и организационно-правовые формы обеспечения эффективности реализации государственных программ: отечественный и зарубежный опыт// Экономика и управление: научно-практический журнал. 2017. № 3. С.114–119.
13. Формирование стратегических приоритетов развития топливно-энергетического и строительного комплексов Республики Башкортостан: теория и практика: монография / Гайфуллина М.М. и др. Уфа: Изд-во УГНТУ, 2016. 390 с.
14. Юсупов К.Н., Янгиров А.В., Ахунов Р.Р., Таймасов А.Р., Токтамышева Ю.С. Региональная экономика. 2-е издание, перераб. и доп. М.: Компания «КноРус», 2018. 276 с.
15. Янгиров А.В., Магзумов Р.Р., Байданова А.И. Проблемы экономического развития Республики Башкортостан на современном этапе // Математические методы и модели в исследовании актуальных проблем экономики России: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Уфа: ООО «Аэтерна», 2016. С. 166–169.

Модель эффективного взаимодействия структурных компонентов интеллектуального капитала на региональном уровне

Model of Effective Interaction of Structural Components of Intellectual Capital at the Regional Level

Н. РОЗЕ

Розе Нелли Шамилевна, экстерн Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета, младший научный сотрудник Института стратегических исследований Республики Башкортостан. E-mail: rozen@isirb.ru

Статья посвящена исследованию взаимодействия структурных компонентов интеллектуального капитала региона. В ходе исследования построена эконометрическая модель, характеризующая взаимодействие человеческого, структурного и отношенческого капиталов региона. Предложенная модель апробирована на ряде регионов Приволжского федерального округа Российской Федерации.

Ключевые слова: интеллектуальный капитал, инновационная экономика, управление инновационным развитием, человеческий капитал региона, структурный капитал региона, отношенческий капитал региона.

This article is devoted to the study of the interaction of the structural components of the intellectual capital of the region. The study constructed an econometric model describing the interaction of human, structural and relational capital of the region. The proposed model is tested on a number of regions of the Volga Federal district of the Russian Federation.

Key words: intellectual capital, innovative economy, management of innovative development, the region's human capital, structural capital region, relational capital region.

Результаты исследований, посвященных интеллектуальному капиталу, в настоящее время используются во многих индустриях и отраслях производства, на разных уровнях управления, как в коммерческой деятельности, так и в деятельности органов государственного управления. Повышение ценности нематериальных активов и ресурсов определяет необходимость выработки компетенций, связанных с грамотным управлением интеллектуальным капиталом.

Одним из перспективных и наиболее востребованных направлений исследований интеллектуального капитала являются исследования, посвященные интеллектуальному капиталу региона (далее – ИКР). Интерес к данному направлению объясняется возрастающими тенденциями к формированию социально-экономических систем, функционирующих в соответствии с принципами инновационной экономики, где большую роль в повышении конкурентоспособности и благосостояния резидентов системы играет управление нематериальными ресурсами.

Структура интеллектуального капитала региона. Как известно, в структуре интеллектуального капитала выделяют в качестве взаимосвязанных элементов человеческий, структурный и отношенческий капиталы.

В структуре интеллектуального капитала региона также можно выделить три основных компонента:

- региональный человеческий капитал представляет собой совокупность качественных человеческих ресурсов, обладающих необходимыми физическими характеристиками, компетенциями, опытом и личными качествами для расширенного воспроизводства в условиях инновационной экономики или перехода к ней;

- региональный структурный капитал является своего рода нематериальной инфраструктурой региона, способствующей кодификации знаний;

- региональный отношенческий капитал можно определить как совокупность отношений с внутренними и внешними контрагентами региона, в том числе отношений внутри населения, между населением и властью, населением и бизнесом, властью и другими регионами или странами.

Для эффективного взаимодействия структурных компонентов, составляющих интеллектуальный капитал региона, необходимо слаженное функционирование всех элементов. Для описания механизма взаимодействия структурных компонентов интеллектуального капитала региона можно воспользоваться моделью, основанной на производственной функции Кобба–Дугласа.

Модель взаимодействия структурных компонентов интеллектуального капитала региона. Чтобы адаптировать модель, основанную на производственной функции Кобба–Дугласа с учетом влияния структурных компонентов интеллектуального капитала на рост показателя, характеризующего его функционирование в рамках региона, необходимо включить в модель факторы, отражающие вклад не только человеческого, но и структурного и отношенческого капиталов, которые в процессе взаимодействия формируют интеллектуальный капитал региона. В модифицированной модели, помимо технологического коэффициента, присутствуют человеческий, структурный и отношенческий капиталы.

Для решения модели использованы данные ежегодных статистических отчетов «Регионы России. Социально-экономические показатели» и отчеты об исполнении консолидированного бюджета за период с 2000 по 2015 гг. для таких субъектов Российской Федерации, как Республика Башкортостан, Оренбургская область, Республика Татарстан, Республика Марий Эл и Республика Мордовия [1–7].

Рассматривая интеллектуальный капитал как нематериальный ресурс региона, формируемый в процессе взаимодействия человеческого, структурного и отношенческого капиталов на циклической основе и способствующий повышению конкурентоспособности территории в условиях инновационной экономики, можно, ограничиваясь доступной статистической информацией, определить в качестве результирующего показателя интеллектуального капитала региона объем инновационной продукции, товаров и услуг, поскольку на данный момент именно этот показатель характеризует активность и вовлеченность региона в создание условий, необходимых для функционирования инновационной экономики. В качестве показателей, характеризующих человеческий, структурный и отношенческий капиталы, предлагается использовать среднемесячную номинальную начисленную заработную плату работников по полному кругу организаций в целом по экономике региона, расходы консолидированного бюджета региона на связь и информационные технологии и расходы консолидированного бюджета региона на финансовую помощь другим бюджетам бюджетной системы.

Таким образом, для сравнения результатов рассчитаны модели для пяти разноуровневых относительно инновационного развития регионов и модель взаимодействия структурных компонентов интеллектуального капитала для российской экономики в целом, что необходимо для формирования критериальной шкалы.

Апробация модели взаимодействия структурных компонентов интеллектуального капитала региона. Применение модели к регионам обусловлено тем, что использование региональных показателей позволяет в определенной мере рассмотреть общестрановые процессы, поскольку российские регионы обладают практически идентичными системами государственной власти, социальной защиты, инфраструктурного обеспечения. Поэтому данные показатели, отражающие состояние региональных систем, дают возможность рассматривать новые и неочевидные факторы экономического роста на региональном уровне.

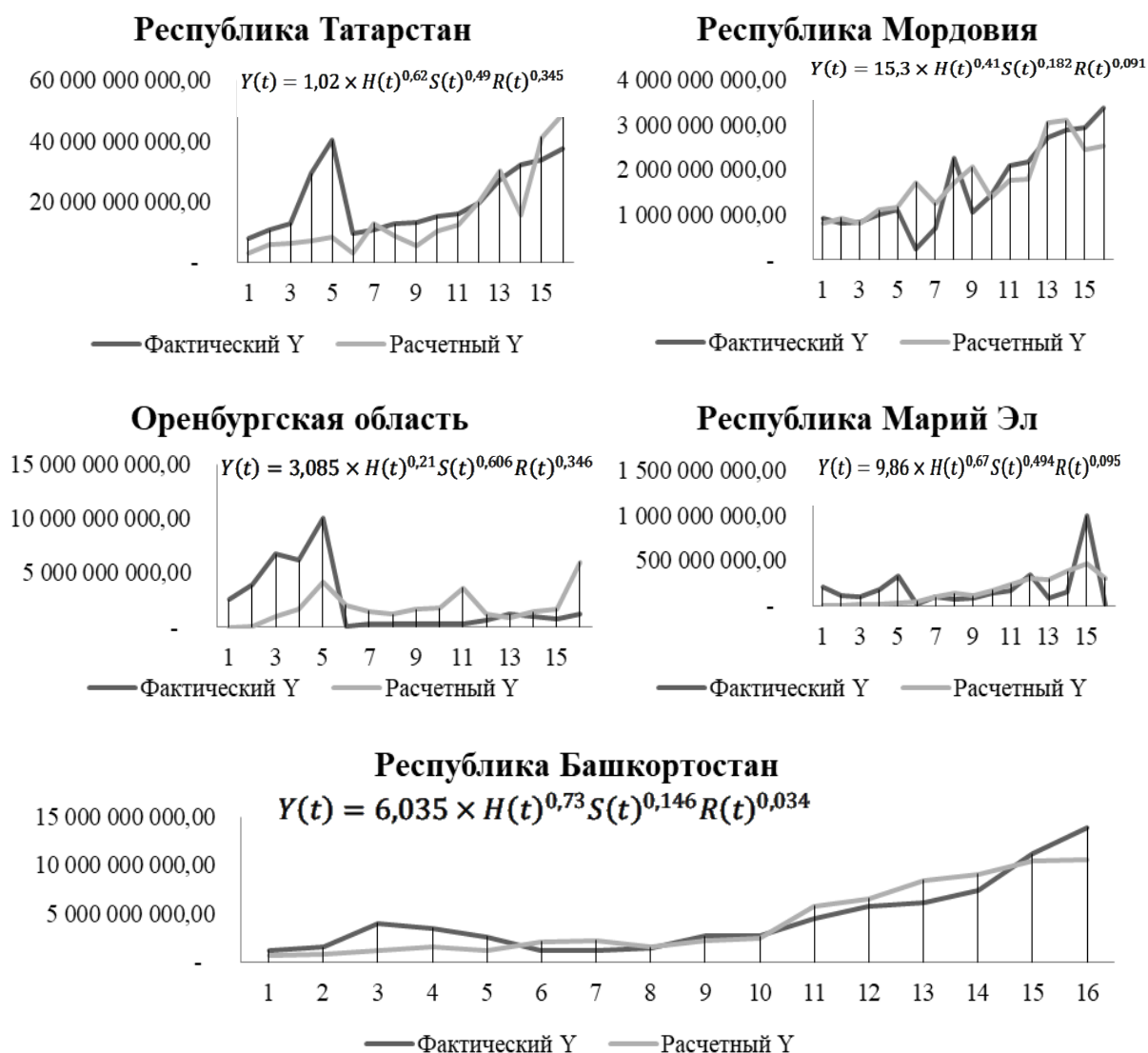

Рис. 1. Фактический и расчетный ряды интеллектуального капитала региона по выборке Приволжского федерального округа за 2000–2015 гг.

Чтобы определить параметры модифицированной модели производственной функции, воспользуемся эконометрическими методами.

Таким образом, уравнение модели для среднероссийского региона имеет следующий вид:

$$Y(t) = 9,451 \times H(t)^{0,84} S(t)^{0,191} R(t)^{0,022}, \quad (1)$$

где $Y(t)$ – интеллектуальный капитал за период t ; $H(t)$ – человеческий капитал за период t ; $S(t)$ – структурный капитал за период t ; $R(t)$ – отношенческий капитал за период t .

Можно сделать вывод, что коэффициент эластичности результирующего показателя интеллектуального капитала по человеческому капиталу достаточно высок и превышает значения коэффициентов эластичности интеллектуального капитала региона по структурному и отношенческому капиталам вместе взятым, что характеризует ситуацию в целом по России.

Модели, описывающие взаимодействие структурных компонентов интеллектуального капитала выбранных регионов, можно назвать точными и достоверными, поскольку данные модели имеют достаточно высокий коэффициент детерминации, показывающий, сколько процентов изменения регрессора объясняют изменения регрессантов и невысокий уровень относительной ошибки, что подтверждает и визуальный сравнительный анализ фактических и расчетных значений зависимых переменных (рис. 1).

Рассматривая параметры уравнений регионов Приволжского федерального округа, можно сделать вывод, что регион, имеющий самый высокий коэффициент эластичности по человеческому капиталу, имеет в то же время самый низкий коэффициент эластичности интеллектуального капитала по отношенческому капиталу, и наоборот, регион, имеющий самый высокий коэффициент эластичности интеллектуального капитала по отношенческому капиталу, имеет самый низкий коэффициент эластичности по человеческому капиталу.

Таким образом, критериальная шкала эффективности взаимодействия структурных компонентов интеллектуального капитала региона, основанная на нескольких вариантах выполнения условий эффективности, будет выглядеть следующим образом (табл.).

Критериальная шкала эффективности взаимодействия структурных компонентов интеллектуального капитала региона

Структурный компонент ИКР	Условия	Варианты выполнения условий							
Человеческий капитал	0,3 до 0,7		+	+	+		+		
Структурный капитал	0,2 до 0,6		+	+		+		+	
Отношенческий капитал	0,1 до 0,5		+		+	+			+
Эффективность взаимодействия		Неэффективное взаимодействие	Высокоэффективное взаимодействие	Среднеэффективное взаимодействие			Низкоэффективное взаимодействие		

Рассматривая каждый регион по отдельности, можно выявить некоторые закономерности и особенности взаимодействия структурных компонентов интеллектуального капитала региона. Однако заметный дисбаланс влияния изменения структурных компонентов в сторону человеческого и структурного капиталов, что наглядно демонстрирует рисунок 2 с пузырьковой диаграммой, где размер пузырька определяет коэффициент, позволяет говорить о необходимости разработки конкретных мер по формированию механизма эффективного взаимодействия элементов в зависимости от условий каждой конкретной социально-экономической региональной системы.

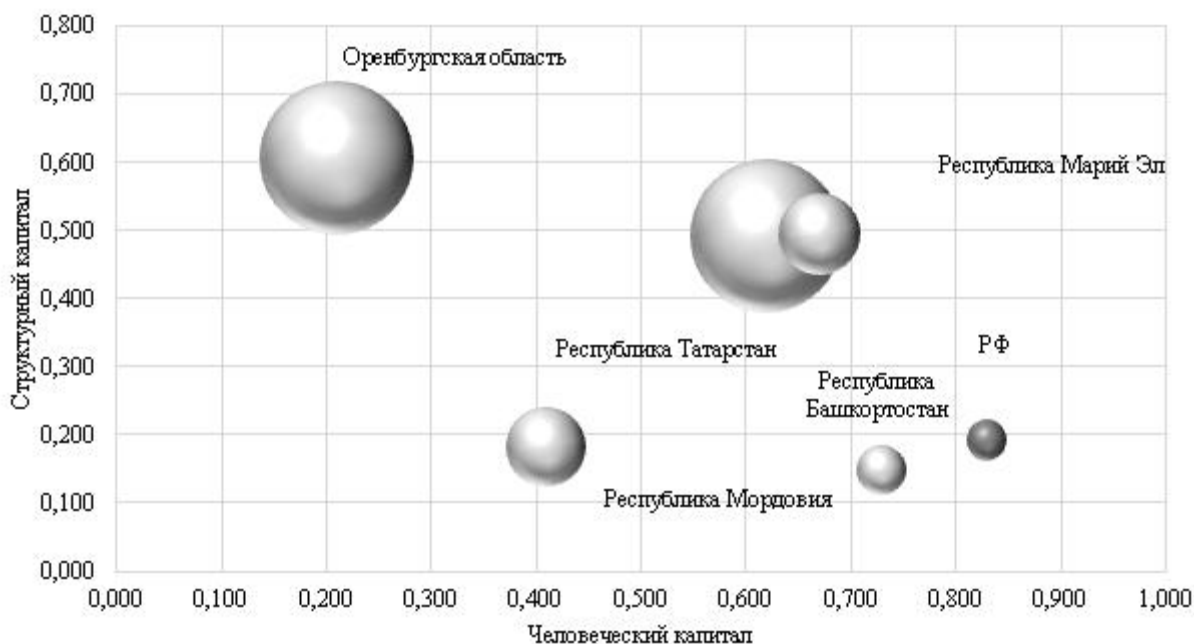

Рис. 2. Пузырьковая диаграмма сбалансированности коэффициентов эластичности интеллектуального капитала по структурным компонентам

На данном рисунке можно рассмотреть уровень сбалансированности структурных компонентов интеллектуального капитала региона. Размер пузырька отражает отношенческий капитал. Так, наиболее сбалансированными регионами являются Республика Татарстан и Республика Марий Эл.

Уравнение взаимодействия структурных компонентов для Республики Башкортостан позволяет сделать вывод о том, что имеется существенный перекося влияния человеческого капитала на изменения интеллектуального капитала. Подобный дисбаланс приводит к тому, что регион становится поставщиком человеческих ресурсов и человеческого капитала для регионов, которые сумели накопить, как правило, структурный и, реже, отношенческий капитал, а также создали более эффективную систему их взаимодействия. Взаимодействие структурных компонентов региона можно отнести к неэффективному.

Рассматривая расчетные параметры уравнения для Республики Марий Эл, можно сделать вывод, что взаимодействие человеческого и структурного капиталов является достаточно сбалансированным, но коэффициент эластичности интеллектуального капитала по отношенческому капиталу говорит о том, что для более эффективного использования данного ресурса инновационного развития региону необходимо оптимизировать систему взаимовыгодных торговых-экономических, политических отношений как с внешними, так и с внутренними контрагентами. Взаимодействие структурных компонентов интеллектуального капитала региона можно оценить как среднеэффективное.

Интеллектуальный капитал Республики Мордовия наиболее эластичен по человеческому капиталу, но нечувствителен к изменениям структурного и отношенческого капиталов региона. Причем и коэффициент эластичности по человеческому капиталу является невысоким по сравнению с другими анализируемыми регионами. Данные показатели говорят об отсутствии системного подхода к использованию ресурсов инновационного развития, и взаимодействие структурных компонентов интеллектуального капитала можно оценить как низкокэффективное.

Относительно расчетных показателей уравнения для Республики Татарстан можно сказать, что они являются самыми высокими по сравнению с анализируемыми регионами. Интеллектуальный капитал, что ожидается для данного региона, чувствителен к изменениям отношенческого капитала, структурный капитал также оказывает достаточно высокое влияние на изменения

результатирующего ресурса инновационного развития. Регион характеризуется высокоэффективным взаимодействием структурных компонентов интеллектуального капитала.

Оренбургская область – пример несбалансированного взаимодействия структурных компонентов интеллектуального капитала, который, как и интеллектуальный капитал Республики Татарстан, чувствителен к изменениям отношенческого капитала, но в то же время более зависим от изменений структурного капитала. Подобный дисбаланс на фоне низкого коэффициента эластичности интеллектуального капитала по человеческому капиталу можно объяснить попытками региона привлечь человеческие ресурсы путем увеличения инвестиций в структурный капитал и расходов на формирование отношенческого капитала, которые в итоге не дали ожидаемого эффекта. Таким образом, взаимодействие структурных компонентов интеллектуального капитала Оренбургской области можно считать низкоэффективным.

Таким образом, для оценки взаимодействия структурных компонентов интеллектуального капитала в субъектах Приволжского федерального округа Российской Федерации, использована расширенная и модифицированная модель производственной функции Кобба–Дугласа. Расширение модели выразилось в добавлении в нее человеческого, структурного и отношенческого капиталов. Развитие модели состоит в уточнении группы показателей, характеризующих уровни структурных компонентов региона.

По итогам использования регрессионной модели, базирующейся на производственной функции Кобба–Дугласа, были определены показатели эластичности различных компонентов капитала, входящих в модель. Показано, что в изменение показателя интеллектуального капитала региона вносит вклад в большей степени для ряда регионов человеческий капитал, кроме того, в некоторых случаях человеческий капитал замещается отношенческим капиталом, что демонстрирует эффект, аналогичный свойству технического замещения факторов производства.

Литература

1. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2002: стат. сб. / Росстат. М., 2002. 863 с.
2. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2005: стат. сб. / Росстат. М., 2005. 982 с.
3. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2008: стат. сб. / Росстат. М., 2008. 999 с.
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: стат. сб. / Росстат. М., 2011. 990 с.
5. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: стат. сб. / Росстат. М., 2014. 900 с.
6. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: стат. сб. / Росстат. М., 2015. 1266 с.
7. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: стат. сб. / Росстат. М., 2016. 1326 с.

Тенденции развития туристской отрасли в Республике Башкортостан

Trends of Tourism Industry Development in the Republic of Bashkortostan

А. КУДАКАЕВА

Кудакеева Алина Ураловна, аспирант Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан. E-mail: alinakudakaeva@icloud.com

В статье проанализировано состояние туристской отрасли в Республике Башкортостан и выявлены основные тенденции ее развития, возникшие на фоне кризисной экономической обстановки в стране.

Ключевые слова: внутренний туризм, управление туризмом, туристская индустрия, туристический потенциал, экономическое развитие.

The article analyzes the state of the tourism industry in the Republic of Bashkortostan and reveals main tendencies of its development occurred on the background of the crisis economic situation in the country.

Key words: domestic tourism, tourism, tourism industry, tourism potential, economic development.

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации с 2008 г. по 2020 г. отмечено, что сфера туризма является важным звеном в инновационном развитии страны [3]. Это обусловлено тем, что она обладает экономическим мультипликативным эффектом, экологически безопасна, имеет весомое значение в формировании валового внутреннего продукта, способствует инновационной и социальной ориентации регионального развития. Несмотря на кризис в экономике, для туризма это прекрасная возможность пересмотреть и переориентироваться на внутренний поток.

При правильном анализе ситуации, изменении идеологии и стратегии регионы смогут повысить свою узнаваемость как туристской дестинации и на годы вперед обеспечить высокую востребованность своих услуг. Из-за кризиса в стране наблюдается сокращение рабочих мест параллельно с сокращением заработной платы. Как показывает статистика, происходит смена предпочтений и перераспределение потока туристов. Объемы выездного туризма падают, и данная тенденция в ближайшее время будет сохраняться, соответственно будут развиваться туристические программы, рассчитанные на внутренний и въездной рынок.

На основании данных Ростуризма можно проследить тенденцию Российской Федерации к укреплению своих позиций в рейтинге конкурентоспособности в сфере туризма Всемирного экономического форума. За последние 3 года Россия смогла подняться на 20 позиций и в 2016 г. занять 43 место из 136 стран, хотя в 2014 г. находилась лишь на 60 месте [10]. Вырос общий объем туристских услуг населению в 2016 г. и составил 161344,5 млн руб., что на 3 млн руб. больше, чем за прошлый год.

Рост активности в сфере внутреннего туризма подтверждает рейтинг внутреннего туризма городов и регионов России по популярности у туристов в новогодние праздники 2018 г.

Как показывает статистика, число туристов в Республике Башкортостан увеличилось на 35 % и составило около 148 000 человек. По общему количеству туристов регион занимает 9 строчку рейтинга [2]. Традиционный интерес туристов вызвали башкирские санатории, базы отдыха и горнолыжные курорты.

Высокие показатели отмечаются у Чеченской Республики – 12 000 чел. (+140 %), Вологодской области – 177 000 (+97 %), Карачаево-Черкесской Республики – 120 000 (+ 50 %), Владимирской области – 201 00 (+32 %), Республики Крым – 113 000 (+30 %). У лидирующих туристических дестинаций (Москва, Краснодарский край, Санкт-Петербург и др.) данный показатель держится на уровне +10 – +19 % [2].

Такие показатели, безусловно, связаны с сезонностью туризма и наличием инфраструктуры, отвечающей требованиям зимнего отдыха. Но в то же время Башкортостан, где действуют 15

горнолыжных центров, не входит в число 10 популярных горнолыжных курортов России, а по итогам 2016 г. занял 13 место.

Несмотря на повышение значений показателей рейтинга, имеющийся диссонанс между потенциалом туристско-рекреационных ресурсов в регионе для развития отрасли и реальным состоянием дел в данной сфере сигнализирует о необходимости более глубокого изучения проблемы и поиска путей решения.

Республика Башкортостан имеет огромный природный и историко-культурный потенциал, характеризуется выгодным географическим положением, а также располагает практически всеми видами базовой инфраструктуры туристской отрасли.

Все это создает предпосылки для развития сферы услуг и формирования территориальных туристских кластеров.

На сегодняшний день на территории республики определены семь кластеров: «Бурзянский», «Легенда Урала», «Аслы-куль», «Уфимский», «Кандры-куль», «Павловское водохранилище», «Нугуш» [4].

Обратим внимание, что вопрос кластерного развития сферы туризма не раз поднимался в республике («Золотое кольцо Башкортостана» (2004 г.), суперкластер «Башкортостан» (2012 г.)). По мнению Шеина Ю.П., слабым звеном в отношении исполнения проектов туристских кластеров РБ являлся дефицит профессиональных проект-менеджеров и линейных менеджеров проектов [9]. Автор статьи дополнительно выделяет еще одну причину задержки развития отрасли туризма, связывая ее с постоянной сменой исполнительного органа.

Динамика изменения исполнительного органа, осуществляющего координацию и регулирование в сфере туризма

Годы	Ответственный орган
1937–1960	Высший совет по физкультуре и спорту при СНК Башкирской АССР
1960–1995	Туристско-эксплуатационное управление БАССР
1995–2009	Государственный комитет Республики Башкортостан по физической культуре, спорту и туризму
2009–2011	Министерство молодежной политики, спорта и туризма Республики Башкортостан
2011–2012	Государственный комитет Республики Башкортостан по предпринимательству и туризму
2012–2013	Агентство по туризму Республики Башкортостан
2013– наст. вр.	Государственный комитет Республики Башкортостан по предпринимательству и туризму

Можно сделать вывод, что в последние годы стабильная ситуация в уполномоченном органе не дает определенную гарантию в перспективах развития отрасли. В настоящий момент Государственным комитетом инициирована работа по созданию туристического бренда Республики Башкортостан (к марту 2018 г.). Проект призван создать яркое современное уникальное лицо территории, которое позволит идентифицировать и продвигать ее на внутреннем и внешнем туристических рынках. Статистические показатели свидетельствуют о том, что сфера туризма в регионе постепенно развивается. Так, по оперативным данным, по итогам 9 месяцев 2017 г. объем услуг гостиниц и аналогичных мест размещения составил 4521,5 млн руб., или 101,6 % к 2016 г.; объем санаторно-оздоровительных услуг – 3948,5 млн руб., или 100,8 % к 2016 г. [5]. Но в то же время прослеживается тенденция к снижению маржинальной стоимости туристских предложений на рынке. Это связано с понижением и сохранением уровня цен на туристические услуги по сравнению с предыдущими годами в связи с уменьшением платежеспособности населения. Данное

обстоятельство приводит к снижению загруженности средств размещения. Если ранее они преимущественно сами занимались продажей своих услуг, то сейчас возникает необходимость в привлечении новых каналов сбыта. Так, некоторые санатории подняли комиссионное вознаграждение до 12 % (было 5–7 %), а также сформировали бюджетные варианты пакетов.

Укрепление позиций Башкортостана с точки зрения событийного потенциала содействует привлечению новых важных конгрессов и форумов в республику в ближайшие годы. Башкортостан в 2017 г. вошел в топ-10 субъектов по событийному потенциалу, поднявшись с 11 на 8 место [6]. В том числе это связано с получением права на проведение конгресса Апимондии (2021 г.). Активная работа на данный момент ведется также по кластерам «Бурзянский» и «Легенда Урала». В отношении других кластеров реализуются этапы экспертной оценки и моделирования, обсуждения и проработки проектов.

Стоит отметить, в настоящий момент к действующим инвестиционным проектам в сфере туризма можно отнести только Бурзянский кластер в рамках программы «Развитие туристской индустрии РБ» [4]. Отметим, что Бурзянский кластер создавался по инициативе инвесторов. Весь проект оценивается в 1,5 млрд руб., из которых 300 млн руб. – из федерального бюджета, 60–70 млн руб. – республиканские, 1 млрд 100–200 млн руб. – инвесторы. Республика на данный момент уже выделила около 17 млн руб., инвесторы – около 600 млн руб. [8].

Примечательно, что в 2015 г. Республика Башкортостан с проектом «Создание ТРК “Бурзянский”» попала в реестр инвестиционных проектов субъектов РФ ФЦП. При этом этому проекту присвоен рейтинг 57 баллов, максимальный показатель по рейтингу принадлежал проектам по Московской области (89 баллов), Республика Адыгея (81 балл), Республика Татарстан (80 баллов), что не дало основания для его включения во второй этап ФЦП [7]. При повышении инвестиционной активности в области туризма в России, отмечают эксперты, есть хорошие шансы получить необходимое финансирование.

В настоящий момент прослеживается тенденция к увеличению числа участников, вовлеченных в процесс эффективной работы над развитием туристских кластеров. Так, в июне 2016 г. было подписано соглашение о создании кластера «Легенда Урала», участниками которого стали «Магнитогорский металлургический комбинат», Правительство Республики Башкортостан и руководство Белорецкого и Абзелиловского районов. В апреле 2017 г. подписано соглашение о развитии ТРК «Бурзянский» между Правительством Республики Башкортостан, Бурзянским, Кугарчинским, Куюргазинским районами и ООО «Юлбарс».

Наиболее заметные достижения имеет кластер «Легенда Урала»: разработана и принята к реализации концепция развития кластера, проведена большая маркетинговая работа по продвижению проекта: сформированы и распечатаны рекламно-информационные буклеты, в том числе туристическая карта кластера для удобной навигации туристов, принято участие в реализации медиафорума «Легенда Урала», осуществлялась выставочная деятельность (гг. Екатеринбург, Москва, Уфа), активное участие в совещаниях, форумах по вопросам обсуждения развития туризма в Республике, а также запущен поезд «Легенда Урала» и т.д.

Как отмечают специалисты, посещаемость горнолыжных баз во многом удалось увеличить благодаря запуску поезда «Легенда Урала». Так, количество отдыхающих в новогодние каникулы 2018 г. на ГЛЦ «Мраткино» увеличилось в 1,5 раза и составило около 12 000 чел., что приближается к показателям посещаемости ГЛЦ «Абзаково». Это свидетельствует о том, что благодаря объединению усилий и методичным действиям участников кластера удалось повысить интерес ко всем объектам кластера, увеличить привлекаемость туристов.

Развитие инфраструктуры (не только туристической) в ближайшее время не сможет происходить предполагаемыми ранее темпами, и это надо учитывать при составлении дальнейших планов. Так, на момент написания статьи уже имеет место расхождение между сроками согласно плану развития кластера «Легенда Урала» и реальным положением дел (не начато строительство гостиничного комплекса у ГЛЦ «Мраткино», не достроена новая канатная дорога в ГЛЦ «Абзаково», не построены очистные сооружения и т.д.).

Можно отметить, что кризис затронул российский туризм, но в то же время не имел серьезных разрушительных последствий для этой отрасли в республике, помимо сокращения бюджетного финансирования. Вместе с тем он, несомненно, внес ряд существенных тенденций.

Произошла трансформация отношения к туризму в регионе – сфера туризма в регионе стала восприниматься как одна из приоритетных направлений экономического развития Республики Башкортостан. Поэтому проводится планомерная работа по формированию имиджа региона как туристской территории, активирована работа по улучшению и оптимизации объектов туристической индустрии, а также формируются условия для создания инвестиционных проектов в данной сфере.

Участники туристского рынка поняли, что под воздействием кризисных явлений спрос на путешествия изменился. Происходит диверсификация турпредложений при уменьшении маржинальной стоимости и количества дней пребывания.

Увеличилось количество участников, вовлеченных в процесс эффективной работы над развитием туризма в регионе.

Для того чтобы подготовить туристическую отрасль РБ к успешной конкуренции на мировом рынке туризма, необходимо не только создать для каждого кластера научно обоснованную стратегию развития, организовать постоянное взаимодействие основных участников кластера, но и оптимизировать процесс сбора актуальных статистических туристских данных.

Литература

1. Дегтярева И.В., Неучева М.Ю. Особые экономические зоны регионального уровня в Российской Федерации // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2013. № 3. С. 66–71.
2. Итоги туризма в новогодние праздники 2018. [Электронный ресурс]. URL: <http://turstat.com/>
3. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года от 17 ноября 2008 г. № 1662-р (ред. от 08.08.2009). [Электронный ресурс]. URL: http://economy.gov.ru/minrec/activity/sections/fcp/rasp_2008_N1662_red_08.08.2009
4. Концепция развития туристско-рекреационных кластеров в Республике Башкортостан до 2030 года от 18.07.2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://tourism.bashkortostan.ru/documents/458869/>
5. Отчет о ходе реализации и об оценке эффективности реализации государственной программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Республике Башкортостан» (за III квартал 2017 года) от 03.11.2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://tourism.bashkortostan.ru/documents/655505/>
6. Рейтинг событийного потенциала регионов России. 2017 [Электронный ресурс]. URL: http://rnc-consult.ru/netcat_files/userfiles/news/Sobytiynyy_reyting_regionov_2017_VNITs_RnS.pdf
7. Роль туризма в российской экономике [Электронный ресурс]. URL: <https://www.russiatourism.ru/contents/deyatelnost/rol-turizma-v-rossiyskoj-ekonomike/>
8. Сколько будет стоить Бурзянский кластер, и что там будут делать бизнесмены из Швейцарии? [Электронный ресурс]. URL: <http://bfmufa.ru/news/experts/skolko-budet-stoit-burzyanskij-klaster-i.html>
9. Шеин Ю.П. К проекту туристского суперкластера «Башкортостан» // Вестник УГУЭС. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2012. № 1. С. 84–88.
10. The Travel & Tourism Competitiveness Report 2017 от 05.04.2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-travel-tourism-competitiveness-report-2017>

Формы инвестиционной деятельности коммерческих банков

Forms of Investment Activity of Commercial Banks

А. АХМАДЕЕВ

Ахмадеев Амир Муллагалеевич, д-р экон. наук, профессор кафедры инновационной экономики Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета. E-mail: amir.ahmadeev@mail.ru.

Формы инвестиционной деятельности коммерческих банков весьма разноплановые, вместе с тем, все они играют положительную роль в экономике. Выбор стратегии коммерческим банком в выборе формы инвестиционной деятельности определяется объемами имеющихся в их распоряжении финансовых ресурсов, а также наличием спроса на ту или иную форму инвестирования. В условиях рыночной экономики коммерческие банки не ограничиваются в реализации инвестиционной деятельности в сложившихся формах. Рыночные отношения позволяют участникам принимать участие в инновационных видах инвестиционной деятельности.

Ключевые слова: формы инвестиционной деятельности, коммерческие банки, лизинговые операции, векселя, кредиты, инвестиционные фонды.

Forms of investment activity of commercial banks is very diverse, however, they all play a positive role in the economy. The choice of strategy of a commercial bank in the choice of forms of investment activity is determined by volumes, available financial resources and demand for a particular form of investment. In a market economy, commercial banks are not limited in the implementation of investment activities in the current forms. Market relations enable participants to participate in innovative types of investment activities.

Key words: forms of investment activities, commercial banks, leasing transactions, bills, loans, investment funds.

Существующее многообразие толкований базового определения инвестиционной деятельности обуславливает отсутствие единства в подходах как к категориальному определению, так и к определению форм инвестиционной деятельности банков. Эта неоднозначность еще больше усиливается в случае, когда исследователи отождествляют инвестиционную деятельность банков с участием банков в инвестиционном процессе.

Такое отождествление почти автоматически приводит к рассмотрению всего комплекса финансово-инвестиционных отношений, что, по нашему мнению, не способствует формированию однозначного восприятия инвестиционной деятельности банков как на микро-, так и на макроуровне. Финансовая составляющая финансово-инвестиционной деятельности имеет отношение исключительно к пассивным операциям коммерческого банка и будет рассматриваться в контексте нашего исследования как комплиментарная.

Толкование инвестиционной деятельности банка в отечественной и зарубежной литературе неоднозначно. Финансово-кредитный словарь трактует инвестиционную деятельность как мобилизацию и предоставление заемщикам ссудного капитала [8, 234]. Данная трактовка, очевидно, обусловлена наследием советской банковской системы, когда основной формой инвестиционной деятельности банков было предоставление долгосрочных кредитов. Также стоит заметить, что мобилизация капитала по своей природе должна быть отнесена к финансовой деятельности, которая находит свое отражение в пассивах банка. Однако это определение, согласно предложенным толкованиям инвестиционной деятельности, однозначно относит кредиты, выданные банком, к результатам инвестиционной деятельности банка.

Существуют различные точки зрения экономистов относительно определения форм инвестиционной деятельности коммерческих банков. Согласно одной из них, участие банков в инвестиционном процессе происходит двумя способами:

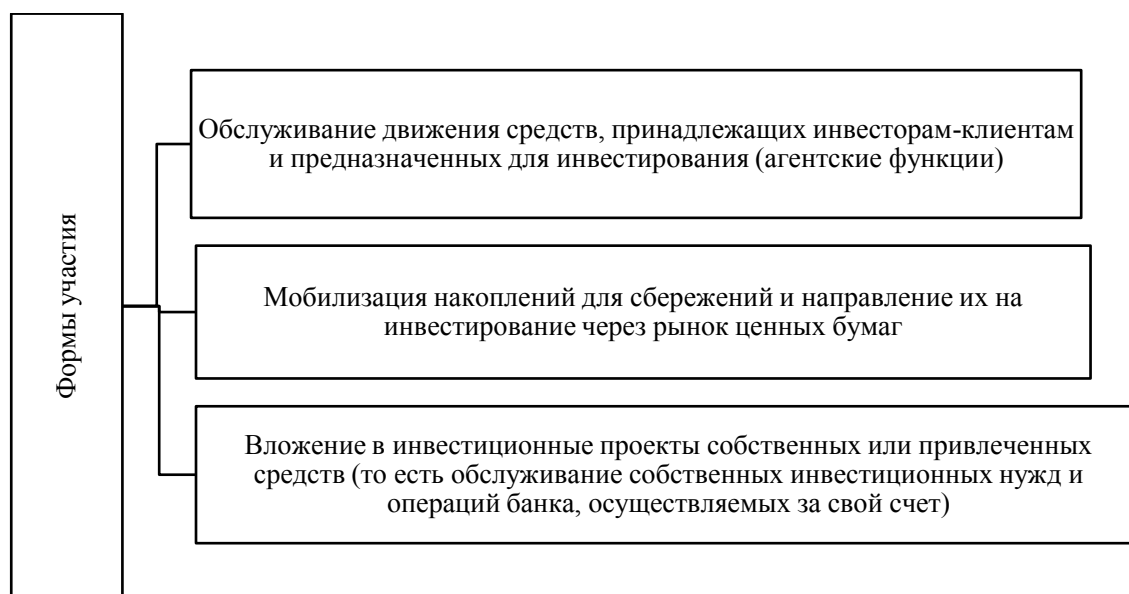
- путем непосредственного вложения своих средств в производство (приобретение в той или иной форме доли участия);
- предоставление кредитов на соответствующие цели [2, 132].

Следовательно, по логике авторов, к формам инвестиционной деятельности банков следует относить только вложения в уставные капиталы производственных предприятий, а также долгосрочные кредиты на производственные цели. Хотя в данном случае речь идет об участии в инвестиционном процессе, исследователи расширяют его и, кроме того, полностью игнорируют наличие рынка с инструментами участия и заимствования.

Другая точка зрения состоит в том, что коммерческие банки могут принимать участие в инвестиционном процессе по трем основным видам деятельности (см. рис.):

- 1) обслуживание движения средств, принадлежащих инвесторам-клиентам и предназначенных для инвестиционных целей;
- 2) сотрудничество с клиентами в мобилизации накоплений и сбережений и их направлении на инвестиционные цели через рынок ценных бумаг;
- 3) вклад в инвестиционный процесс собственных и привлеченных ресурсов [5].

Однако содержание фрагмента фразы «могут принимать участие в инвестиционном процессе» свидетельствует в пользу того, что банк здесь рассматривается не только как инвестор, но и как участник (но не инвестор) инвестиционного процесса. Даже формально, первый вид деятельности можно отнести к банковским услугам, а второй вид – к финансовой деятельности. Больше вопросов вызывает фрагмент определения, касающийся вложения в инвестиционный процесс собственных и привлеченных ресурсов. Стоит обратить внимание на то, что здесь ресурсы вкладываются не в инвестиционную деятельность, а в инвестиционный процесс.

Формы участия банков в инвестировании

С философской точки зрения процесс является составной деятельностью, которая сочетает средства деятельности, но сам процесс является заранее заданным алгоритмом хода событий вида деятельности (в нашем случае инвестиционной), но не имеет прямого отношения к средствам деятельности [1, 48]. Таким образом, использование термина «вложение средств в процесс» свидетельствует о том, что в результате применения термина «инвестиционный процесс» вместо понятия «инвестиционная деятельность» авторы фактически лишили банк права быть инвестором – целью вложения средств банком становится обеспечение условий для инвестиционной деятельности, а не сама деятельность. Однако такое утверждение, хотя и с оговорками, также имеет право на существование, поскольку в нем делается акцент непосредственно на посреднической функции банка на финансовом рынке.

Среди отечественных ученых господствующей является точка зрения, в соответствии с которой банковские инвестиции отождествляется с вложениями в ценные бумаги.

В частности, Бабичева Ю.А. считает, что «... инвестиционными операциями банков следует считать те из них, в которых банки выступают в роли “инициаторов вложений” в отличие от кредитных операций, где инициатива в получении средств исходит со стороны заемщика» [3, 144–146].

Однако вопрос инициализации также не является однозначным. Здесь скорее делается акцент на том, что спрос банков как финансовых посредников на предоставление кредитных услуг (борьба за долю на кредитном рынке) является перманентным – как производная от их институциональной специализации, а спрос на вложение средств в ценные бумаги возникает в коммерческих банках время от времени.

Теоретически вложения коммерческими банками средств в ценные бумаги не имеют непосредственного отношения к реализации базовой институциональной модели деятельности банка как специализированного депозитарного финансового посредника [6]. Перманентность спроса коммерческих банков на предоставление кредитных услуг, по нашему мнению, можно рассматривать, наряду с созданием ликвидности в процессе мобилизации сбережений в депозиты, как «встроенную» функцию коммерческого банка, которая дифференцирует его среди других посредников на финансовом рынке (табл. 1).

Таблица 1

Услуги, предоставляемые банками

Активы	Обязательства
Услуги предоставляются заемщикам	Услуги предоставляются вкладчикам
• Займы • Оценка (уменьшение риска неверного выбора) • Мониторинг (моральный риск) • Одобрение и санкционирование	• Содержание вкладов • Взаиморасчеты по соглашениям между участниками • Учет валюты • Оплата товаров и услуг
Трансформация	
Конвертация неликвидных займов в ликвидные депозиты: создание ликвидности	

Источник: составлено автором.

Стоит заметить, что с чисто теоретической точки зрения «перетягивание» банком как специализированным депозитарным финансово-кредитным учреждением на себя классических функций других финансовых посредников дает повод для дискуссии. Несколько иная мысль выражена Мишкиным С.Ф. «Банковские инвестиции – вложения ресурсов на длительный срок в ценные высокодоходные бумаги. К банковским инвестициям обычно относят вклады в акции, облигации и другие ценные бумаги» [6, 56–57].

В этом определении, во-первых, затрагивается только такая сторона инвестиционной деятельности, как финансовые инвестиции, а, во-вторых, весь перечень объектов инвестиционной деятельности банков сведен исключительно к ценным бумагам. По нашему мнению, слабость последних двух подходов заключается в том, что в них замечают только одну форму инвестирования – финансовую – через приобретение ценных бумаг. Участие банков в кредитовании реального сектора экономики к инвестиционной деятельности, согласно приведенным точкам зрения, не относится.

Взгляды зарубежных экономистов на определение форм инвестиционной деятельности банков также отличаются разнообразием. Так, например, Синко Д. рассматривает инвестиционную деятельность банков как «бизнес по предоставлению двух типов услуг: увеличение наличности путем выпуска или размещения ценных бумаг на их первичном рынке; сочетание покупателей и продавцов существующих ценных бумаг на вторичном рынке при выполнении функций брокеров и/или дилеров» [7], что, по нашему мнению, имеет отношение к обеспечению реализации инвестиционного процесса, но не имеет отношения к собственно инвестиционной деятельности банков. Долан Э.Дж., Кэмпбелл К.Д. и Кэмпбелл Р.Дж. под банковскими инвестициями предпочитают понимать средства, вложенные в ценные бумаги на относительно длительный промежуток

времени [4, 96]. Такого же мнения придерживаются Роуз П.С. [10, 307–308], Гап Б.Е. и Колари Д.В. [9, 176–177].

Итак, в настоящее время в отечественной и зарубежной экономической литературе нет единства относительно понимания как термина «инвестиционная деятельность банков», так и четкого определения «форм инвестиционной деятельности».

По нашему мнению, наиболее оптимальным подходом к определению термина «инвестиционная деятельность банка» будет адаптация к специфике банковской деятельности термина «инвестиционная деятельность». Инвестиционная деятельность является уникальным самостоятельным видом деятельности, которому присущ индивидуальный набор признаков (атрибутов): цель – максимизация богатства; средства – активы; результат – максимизация возможностей потребления; процесс – совокупность последовательных действий инвестора, осуществляет управление экономической системой и соответствующим поведением объекта управления, обеспечивает максимизацию стоимости активов.

Используя метод экстраполяции, который предусматривает закономерность распространения полученных нами выводов из наблюдения над одной из частей явления (инвестиционной деятельностью) на другую его часть – инвестиционную деятельность банков, мы можем сделать вывод, что инвестиционная деятельность банков является самостоятельным обособленным сегментом инвестиционной сферы, которая имеет следующий индивидуальный набор признаков:

- цель – максимизация богатства владельцев банка;
- средства – активы банка;
- результат – максимизация возможностей потребления владельцев банка;
- процесс – последовательность действий менеджмента банка по управлению банком и соответствующих изменений состояния банка, обеспечивает максимизацию стоимости активов банка.

Конечно, такое определение инвестиционной деятельности банка является почти идентичным определению инвестиционной деятельности вообще – что является следствием использования метода экстраполяции – за исключением акцента на субъекте этой деятельности.

Однако именно так и должно быть, когда речь идет о реализации практических форм экономической деятельности (как теоретического выражения, мысленной формы экономических, прежде всего, производственных отношений во взаимодействии с развитием производительных сил, экономических явлений и процессов, которые реально существуют).

Инвестиционная деятельность банков по своей экономической природе имеет двойственный характер. В микроэкономическом аспекте – с точки зрения банка как экономического субъекта – ее можно рассматривать как деятельность, в процессе которой банк выступает в качестве инвестора, вкладывая ресурсы, которыми он распоряжается, в создание или приобретение новых активов и покупку финансовых активов, с целью увеличения их рыночной стоимости, что, в конечном итоге, находит свое отражение в максимизации богатства всех инвесторов (как акционеров банка, так и владельцев депозитов), средствами которых банк распоряжается от своего имени.

Вместе с тем, инвестиционная деятельность банков как финансовых посредников имеет еще и макроэкономический аспект. В этом случае эффект от инвестиционной деятельности банков заключается в достижении прироста общественного капитала, составляющими которого являются физический (производственный), природный и человеческий капиталы. С позиций развития экономики инвестиционная деятельность банков включает в себя те вложения, которые способствуют росту богатства не только на уровне банка, но и общества в целом (в отличие от тех форм деятельности, которые увеличивают стоимость активов самого банка за счет перераспределения общественного дохода).

Итак, с макроэкономической точки зрения в качестве критерия для отнесения к инвестиционной деятельности банка может быть использована ее производственная направленность. Производственные инвестиции банков выступают как вложения в создание и развитие предприятий путем участия банков в капитальных затратах субъектов хозяйствования. По форме это может

быть приобретение долей, паев, акций, других ценных бумаг предприятий, размещаемых на первичном рынке, инвестиционного кредитования, финансирования инвестиционных проектов.

Оба рассмотренных аспекта инвестиционной деятельности банков тесно связаны между собой. В основе этой взаимосвязи лежит развитие финансового рынка, инструменты которого прямо или косвенно формируют предпосылки для осуществления инвестиционного процесса. Другой формой взаимосвязи между микро- и макроэкономической интерпретациями инвестиционной деятельности банков является, собственно, содержательное тождество как ее целей так и результатов.

На микроэкономическом уровне целью является максимизация богатства владельцев банка, а на макроэкономическом – максимизация общественного капитала, который и является интегрированным показателем богатства общества в целом. Аналогично, для обоих уровней – результатом является увеличение возможностей потребления.

Литература

1. Ахмадеев А.М. Инвестиционная деятельность финансово-кредитных институтов в инновационной экономике . Уфа: БАГСУ, 2013. 177 с.
2. Банковская система России. Настольная книга банкира. В 3 т. М: ТОО Инжиниринго-консалтинговая компания «ДеКа», 1995. Т.1. 688 с.
3. Банковское дело: справочное пособие / под ред. Ю.А. Бабичевой. М.: «Экономика», 2004. 397 с.
4. Долан Дж., Кемпбелл К.Д., Кемпбелл Р.Дж. Деньги, банковское дело и денежно-кредитная политика / пер. с англ. М.: «Profiko», 2003.
5. Коротков П.А., Борисов С.М. Инвестиционный процесс и коммерческие банки // Деньги и кредит. 2011. № 5.
6. Мишкин С.Ф. Экономическая теория денег, банковского дела и финансовых рынков / пер. с англ. О. Островская, А. Рыбьянец. М.: Вильямс, 2015. 880 с.
7. Синки Д. Управление финансами в коммерческих банках: пер. с англ. М.: Catallaxy, 2014. 937 с.
8. Финансово-кредитный словарь: в 3 т. / гл. ред. В. Ф. Гарбузов; ред.: В.С. Алхимов, В.В. Деменцев, Н.Г. Сычев [и др.]. 2-е изд., стереотип. М.: Финансы и статистика. Т.1. 1994. 512 с.
9. Gup В. E. Commercial Banking. The Management of Risk / Benson E.Gup, James W.Kolari. 3 ed. Hoboken NJ: John Wiley & Sons, Inc, 2015. 548 с.
10. Rose Peter S. Commercial Bank Management. 5 ed. NY: McGraw-Hill/Irvin, 2012. 803 с.

Особенности построения моделей кредитного скоринга для p2p-кредитования

Features of Building Models of Credit Scoring For P2p-Crediting

З. МАКСИМЕНКО, И. ЛАКМАН,
А. АСКАРОВА, А. АГАПИТОВ

Максименко Зоя Викторовна, канд. техн. наук, доцент кафедры математических методов в экономике Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета. E-mail: zubazzz@mail.ru

Лакман Ирина Александровна, канд. техн. наук, доцент кафедры вычислительной математики и кибернетики Уфимского государственного авиационного технического университета (УГАТУ)

Аскарова Алина Айратовна, канд. экон. наук, старший преподаватель кафедры вычислительной математики и кибернетики УГАТУ

Агапитов Александр Александрович, магистрант УГАТУ

В статье рассмотрены возможности применения моделей пропорциональных рисков Кокса для настройки моделей кредитного скоринга для p2p-кредитования. Построена модель, хорошо описывающая не только сам риск дефолта заемщика, но и его динамику, для определения плавающей по времени персонализированной процентной ставки для каждого конкретного заемщика в зависимости от рисков и сроков кредитования.

Ключевые слова: краудинвестинг, p2p-кредитование, кредитный скоринг, анализ выживаемости, плавающая процентная ставка.

The paper reviews the use of Cox proportional hazards models to adjustment credit-scoring models for p2p-lending. The best model describing not only the probability of the borrower default but also its dynamics was built, for determining a floating, time-based, personalized interest rate for each particular borrower, depending on the risks and terms of lending.

Key words: croudinvesting, p2p-lending, credit scoring, survival analysis, floating interest rate.

В последние 2-3 года в России выросло количество сервисов, позволяющих использовать систему Peer-to-Peer (p2p) в кредитовании. Согласно отчету Центрального банка России, за 2015 г. через платформы краудинвестинга было привлечено 52,2 млн руб. [5], или чуть менее 1 млн долл. США, что существенно меньше объемов p2p-кредитования в таких странах, как, например, Великобритания и США. Причем динамика развития подобных услуг имеет взрывной характер. По данным открытых источников [1], за 2012 г. в США было выдано порядка 2 млрд долл. в виде займов p2p, а в 2015 г. – уже более 25 млрд. Одной из причин слабого развития института равноправного кредитования в России, помимо правовой неопределенности [2], является невозможность предоставления кредиторам качественных услуг скоринговой оценки потенциальных заемщиков, позволяющей устанавливать плавающую ставку по кредиту в зависимости от вероятности возможного дефолта конкретного заемщика. Большинство успешных западных платформ p2p-кредитования, в частности, крупнейшая мировая платформа Lending Club [13], имеют встроенные рекомендательные онлайн-сервисы назначения процентной ставки по кредиту в зависимости от оцененного уровня надежности потенциального заемщика. Однако указанные сервисы имеют некоторые недостатки:

- отсутствие возможности варьирования ставки для заемщика в течение всего срока кредитования, то есть если заемщик преодолевает временной рубеж возможного дефолта, то для него может устанавливаться пониженная процентная ставка;

- процентная ставка не персонализируется под каждого конкретного заемщика, а сегментируется по определенным группам заемщиков.

Во многом это обусловлено тем, что на сегодняшний день системы кредитного скоринга настроены только на простую классификацию заемщиков по принципу отнесения его к

«плохому» или «хорошему». Не самым популярным, хотя и апробированным методом обучения скоринговой модели является метод, основанный на анализе выживаемости, позволяющем не только классифицировать заемщиков, но и оценить факторы влияния на длительность состояния до наступления дефолта заемщика, то есть определить возможный срок наступления дефолта. Подобный инструмент может быть использован и для платформы коллекторского скоринга [3; 4].

Предложение по применению методологии анализа выживаемости к кредитному скорингу впервые было озвучил Б. Нарайн [16]. Нарайн показал преимущества использования инструментов анализа выживаемости перед стандартными подходами при обучении скоринговых моделей. В качестве периода длительности состояния до наступления дефолта был взят период 24 месяца. Впоследствии появилось множество работ, демонстрирующих сравнительные преимущества анализа выживаемости перед стандартными методами кредитного скоринга.

М. Степанова и Л. Томас [18] выявили преимущества анализа выживаемости по сравнению с логистической регрессией, а также показали, что одним из значимых факторов, влияющих на длительность состояния до дефолта, является назначение кредита. В качестве меры оценки качества модели этими же авторами было предложено применять ROC-анализ.

Беллотти и Крук [7] предложили добавить в модель скоринга, обученную с помощью модели выживаемости, макроэкономические факторы влияния. Окуму и др. [17] уделили особое внимание гендерному фактору при оценке модели Кокса. Комплексная работа Р. Мэна [14] посвящена практическому применению инструментов анализа выживаемости и логистической регрессии с изменением периода длительности состояния до наступления дефолта. Он показал, что обе модели показывают похожие результаты, однако модели выживаемости требуют меньших усилий по предварительной обработке данных. Такие же результаты сравнения двух моделей приводит Маримо [15]. Он отмечает, что модели выживаемости дают более важную информацию – функцию выживаемости, а не просто вероятность дефолта. Уоткинс и др. [19], так же, как и Р. Мэн [14], фиксировали при оценке модели Кокса различные периоды длительности состояния до наступления дефолта для того, чтобы показать устойчивость влияния факторов. Таким образом, формирование скоринговых платформ на основе моделей пропорциональных рисков Кокса является обоснованным.

В настоящем исследовании для оценки длительности состояния до наступления дефолта использовались следующие компоненты, необходимые для построения моделей выживаемости: объект – заемщик, событие – наступление дефолта, переменная длительности состояния – время (период) от выдачи кредита до наступления дефолта (в месяцах). Основной задачей анализа является выявление факторов, сказывающихся на вероятности наступления или ненаступления дефолта заемщика в рассматриваемый период времени $P(T \leq t)$.

На первом этапе обучения моделей необходимо построить графики функций выживаемости, оцененные методом Каплана–Майера [12] при группировке объектов исследования в соответствии с атрибутами какого-либо признака. Подобный подход позволяет на основе графического анализа сделать вывод о различии функций выживаемости для разных категорий объектов и, таким образом, сформировать вывод о том, какие факторы потенциально могут являться предикторами для вероятности наступления дефолта заемщика в рассматриваемый период времени. Кроме того, анализ графиков функций выживаемости позволяет сделать предположение о виде функции распределения.

На втором этапе для точной оценки различий функций выживаемости при группировке в соответствии с атрибутами признаков применяются логранговый тест Мантеля–Хензеля и тест Гехана–Вилкоксона [11]. Во всех тестах нулевой гипотезой служит предположение об отсутствии различий в функциях выживаемости для различных атрибутов некоторого признака.

На третьем этапе строится непараметрическая модель пропорциональных рисков Кокса [9], где в качестве регрессоров выступают факторы, определенные на предыдущих двух этапах:

$$\lambda_i(t|x_i) = \lambda_0(t) \cdot e^{\beta_1 x_1 + \beta_2 x_2 + \dots + \beta_k x_k}, \quad (1)$$

где $\lambda_i(t|x_i)$ – риск дефолта в период t при условии различных значений факторов влияния x_i , $\lambda_0(t)$ – базовый (средний) риск разорения в период t , экспонента играет роль мультипликативного эффекта риска.

Оценки коэффициентов β_j модели Кокса (1) находятся с помощью метода частичного правдоподобия согласно методикам Эфрона [10] или Брэслоу [8]. Выбор лучшей методики оценки проводится исходя из минимума информационных критериев Акайке и Шварца.

Наряду с моделью Кокса в настоящем исследовании будут также рассматриваться модели лог-логистической регрессии, модель ускоренной жизни (AFT) и регрессия Вейбулла. Для проверки устойчивости влияния факторов будет произведено построение моделей при дискретизации периода наблюдения (12 месяцев, 24 месяца и 36 месяцев).

Таким образом, в целом будет построено 15 моделей, и выбор лучшей из них будет проводиться на основе минимума значений информационных значений информационных критериев. Для построения всех моделей применялся программный пакет R.

В исследовании использовались данные по займам крупнейшей мировой компании Lending Club [13], занимающейся равноправным кредитованием. Выборка насчитывала 887379 наблюдений за период 2007–2016 гг. В исследовании рассматривались кредиты, выданные на срок 36 месяцев. После того как были оставлены кредиты с необходимым сроком кредитования и удалены все пропущенные данные, в выборке осталось 602871 наблюдение.

Как говорилось ранее, объектом (наблюдением) выступает заемщик, для которого прогнозируется риск наступления события (дефолт) в определенный период. Этот объект находился под наблюдением и поэтому входил в группу риска: в любой отрезок времени может наступить ожидаемое событие, при котором он выбывает из группы риска. В отличие от работы [6], где рассматривался только период 36 месяцев, в данном исследовании в качестве отрезков наблюдения рассматривались периоды:

- до 12 мес. – 20721 зафиксированных дефолтов;
- до 24 мес. – 34342 зафиксированных дефолтов;
- до 36 мес. – 38277 зафиксированных дефолтов.

В анализе выживаемости часть наблюдений всегда цензурирована. В настоящем исследовании в качестве цензурированных данных рассматривались заемщики, которые продолжали платить по кредиту в течение периода наблюдения, а также заемщики, досрочно погасившие кредит. В качестве полных наблюдений рассматривались случаи наступления дефолта в течение периода наблюдения. Предикторами наступления дефолта в исследовании являлись: процентная ставка по кредиту, стаж, годовой доход и регион проживания заемщика, владение жильем, кредитная история, размер кредита и его назначение.

В качестве переменной длительности рассматривался период от момента, когда объект (клиент) получил деньги в кредит до даты, когда для объекта наступил дефолт. В работе исследуются заемщики, взявшие кредит со сроком выплаты 36 месяцев.

Анализ графиков функций выживаемости, полученных с помощью оценок Каплана–Майера, показал наличие у большинства предикторов дефолта существенных различий в функциях выживаемости между альтернативами. Например, на рисунке представлен график функции Каплана–Майера для предиктора «Сумма кредита», который наглядно демонстрирует различие в функциях выживания для различных атрибутов признака. В таблице 1 представлены результаты проведения логрангового теста Мантеля–Хензеля и теста Гехана–Вилкоксона для каждой детерминанты заемщика. Результаты тестов показали статистически значимое различие в группах по каждой переменной. Таким образом, был сделан вывод, что для построения моделей определения вероятности наступления дефолта в рассматриваемый период времени следует использовать все предикторы заемщика.

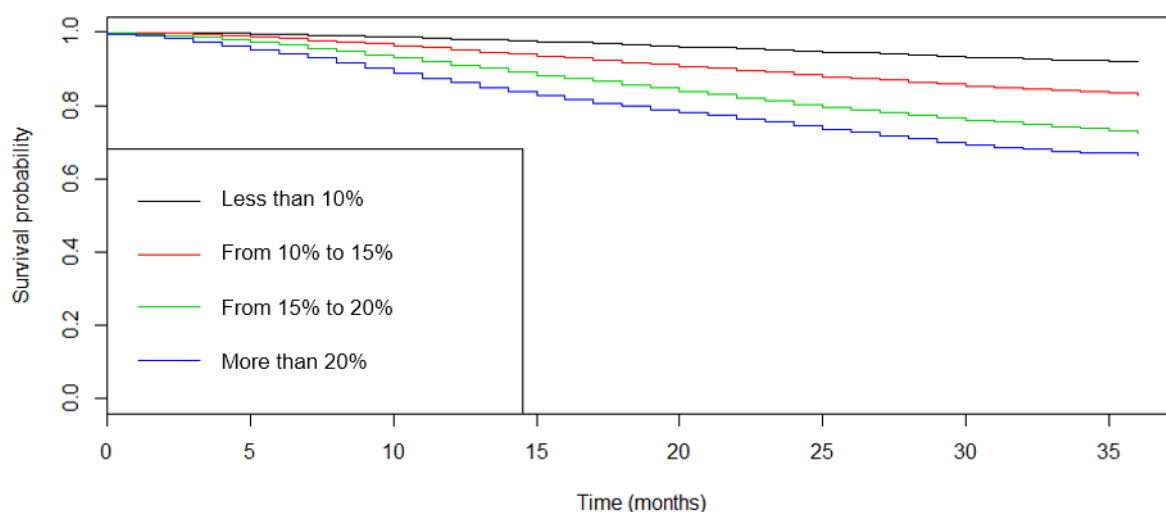

График функции Каплана–Майера для предиктора «Сумма кредита»

Таблица 1

Анализ выживаемости: тесты

Переменная	Логранговый тест		Тест Гехана–Вилкоксона	
	Статистика χ^2	Количество степеней свободы	Статистика χ^2	Количество степеней свободы
Владение жильем	968***	2	987***	2
Период открытия кредитной истории	742***	2	749***	2
Процентная ставка	10887***	3	11036***	3
Годовой доход	2097***	6	2121***	6
Сумма кредита	183***	4	196***	4
Стаж работы	499***	5	512***	5
Регион США	130***	8	131***	8
Назначение кредита	1439***	8	1395***	8

*** статистика χ^2 является значимой на уровне 1 %.

Оценки коэффициентов моделей пропорциональных рисков Кокса с дискретным временем наблюдения были получены методом частичного правдоподобия по методикам (с приближениями) Эфрона и Бреслоу. Наименьшие значения информационных критериев Акайке и Шварца (табл. 2) наблюдаются для моделей Кокса, оцененных согласно методике Эфрона, значит, такие оценки являются более надежными.

Таблица 2

Значения информационных критериев Акайке и Шварца

Метод оценки	Период наблюдения	AIC	BIC
Эфрона	12 мес.	1140	1144
	24 мес.	1178	1181
	36 мес.	1196	1199
Бреслоу	12 мес.	1148	1149
	24 мес.	1180	1181
	36 мес.	1199	1201

Наряду с непараметрическими моделями оценки длительности состояния до наступления дефолта заемщика при дискретном времени наблюдения были также оценены параметрические модели, относящиеся к классу моделей ускоренной жизни (AFT-модели). Модели основывались на гипотезе соответствия функции длительности состояния лог-логистическому распределению и распределению Вейбулла. После проведения ROC-анализа и определения площади под ROC кривой, полученной для каждой из построенных моделей, было выявлено, что наибольшее значение AUC имеет место для моделей пропорциональных рисков Кокса.

В таблице 3 представлены результаты оценки модели пропорциональных рисков Кокса (экспоненты оценок коэффициентов модели), выполненные методами частичного правдоподобия Эфрона с дискретизацией времени (12 месяцев, 24 месяца, 36 месяцев).

Таблица 3

Результаты оценки модели пропорциональных рисков Кокса

Переменная	Значение	Мультипликаторы базового риска		
		12 месяцев	24 месяца	36 месяцев
Владение жильем	Ипотека	0,861***	0,885***	0,895***
	Собственность	0,941***	0,932***	0,936***
Период открытия кредитной истории	после 2000 г.	1,113***	1,099***	1,094***
Процентная ставка	>10 %	2,447***	2,302***	2,250***
	От 15 % до 20 %	4,440***	4,016***	3,873***
	>20 %	6,567***	5,509***	5,324***
Годовой доход (тыс. долл.)	От 15 до 30	0,912	0,940	0,948
	От 30 до 50	0,837**	0,856**	0,869*
	От 50 до 75	0,741***	0,742***	0,751***
	От 75 до 100	0,652***	0,633***	0,642***
	От 100 до 150	0,586***	0,574***	0,578***
	>150	0,559***	0,538***	0,545***
Сумма кредита (долл.)	От 5000 до 10000	1,168***	1,165***	1,174***
	От 10000 до 15000	1,176***	1,222***	1,241***
	От 15000 до 25000	1,251***	1,305***	1,321***
	> 25000	1,409***	1,430***	1,446***
Стаж работы	Менее 1 года	0,937	0,902	0,888
	1 год	0,841***	0,821***	0,810***
	От 2 до 5 лет	0,785***	0,803***	0,800***
	От 6 до 9 лет	0,786***	0,816***	0,817***
	10 лет и более	0,738***	0,768***	0,770***
Регион США	Горный	1,009	1,022	1,022
	Северо-западный центральный	0,966	0,964	0,964
	Северо-восточный центральный	0,911***	0,931***	0,930***
	Юго-западный центральный	0,929**	0,945*	0,941*
	Юго-восточный центральный	1,099*	1,107***	1,101***
	Южно-атлантический	0,968	1,008	1,009
	Среднеатлантический	0,999	0,999	0,994
Назначение кредита	Новая Англия	0,884***	0,904***	0,899***
	Кредитная карта	0,727***	0,807***	0,809***
	Крупная покупка	0,948	0,893*	0,868*
	Рефинансирование долга	0,912*	0,978	0,976
	Автокредит	0,857*	0,841*	0,843*
	Кредит на лечение	1,233***	1,209***	1,181***
	Малый бизнес	1,473***	1,496***	1,462***
	Дом	1,005	1,108	1,106
	Улучшение жилья	0,949	0,984	0,985

*** ** * и * показывают значимость оценок параметров на уровнях 1 %, 5 % и 10 % соответственно.

В результате проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

1. Наличие собственного жилья либо жилья, приобретенного в ипотеку, способствует снижению риска возникновения дефолта заемщика в рассматриваемые периоды (12, 24 и 36 месяцев) примерно в 0,87 и 0,94 раза соответственно. Следует отметить, что в отличие от стандартного подхода наличие ипотеки у заемщика, напротив, является фактором, значительно снижающим риск достижения просрочки по кредиту в рассматриваемые периоды.

2. Самое значимое влияние на риск получения дефолта к определенному сроку по сравнению с другими факторами оказывает фактор процентной ставки. Так если годовая ставка по кредиту составляет от 10 % до 15 %, то риск дефолта на любом периоде наблюдения за заемщиком увеличивается в среднем в 2,4 раза. Если процентная ставка составляет от 15 до 20 %, то риск получить дефолт заемщика на первом году периода кредитования возрастает в 4,4 раза по сравнению с базовым риском. В случае, когда кредит был выдан заемщику по ставке более 20 %, следует ожидать его разорения на первом году периода кредитования в 6,5 раз чаще, на втором и третьем годах – в 5,4 раза чаще, чем в среднем для всех заемщиков.

3. Увеличение ежегодного дохода клиента банка равноправного партнерства статистически значимо снижает риск дефолта. Например, для клиентов с доходами более 150 тысяч риск уменьшается по сравнению с базовым риском почти в 2 раза. Причем такая детерминанта клиента одинаково уменьшает риск возникновения дефолта на первом, втором и третьем году наблюдения за ним от даты получения кредита.

4. С ростом суммы кредита увеличиваются и мультипликаторы риска его невозврата. Причем данные показатели практически не зависят от периодов длительности наблюдения за заемщиком.

5. Для заемщиков, проживающих в северо-восточных центральных, юго-восточных центральных штатах и штатах Новой Англии, имеет место снижение риска дефолта в период наблюдения до 36 месяцев, и, напротив, для заемщиков, проживающих в юго-восточных центральных штатах, характерно увеличение вероятности дефолта в 1,1 раза по сравнению с базовым риском.

6. Мы пришли к выводам, сходным с теми, что сделаны в работе М. Степановой и Л. Томаса [18], где было показано, что назначение кредита оказывает существенное влияние на вероятность дефолта к определенному сроку. Риск возникновения задолженности у заемщика с кредитом на малый бизнес в 1,5 раза больше на всем периоде наблюдения, чем у клиентов с базовым риском. Также в 1,2 раза повышается риск у заемщиков с кредитом на медицинские услуги. Интересно, что назначение кредита, связанное с покупкой или ремонтом дома, не изменяет вероятность базового риска дефолта на любом из периодов наблюдения (12 месяцев, 24 месяца и 36 месяцев). Назначение кредита, связанное с покупкой автомобиля или использованием кредитной карты, напротив, снижает риск возникновения дефолта на любом из отрезков рассматриваемого времени кредитования.

Таким образом, построенная модель хорошо описывает не только сам риск дефолта заемщика, но и его динамику. Полученные оценки могут стать основой разработки комплексных рекомендаций по назначению плавающей процентной ставки для каждого конкретного заемщика.

Исследование на примере данных Lending Club показало, что инструменты анализа выживаемости, в частности, модель пропорциональных рисков Кокса с функцией частичного правдоподобия, оцененной по приближению Эфрона, могут применяться в настройке скоринг-систем для р2р-кредитования. На основе полученных результатов исследования в дальнейшем будет разработан алгоритм определения и назначения плавающей по времени персонализированной процентной ставки в зависимости от рисков и сроков кредитования.

Внедрение предложенного подхода планируется в одном из российских банков, специализирующемся на работе с малым бизнесом и разрабатывающем платформу для р2р-кредитования.

Литература

1. Зельдин М. Краудинвестинг в России: быть или не быть? // Rusbase – независимое издание о технологиях и бизнесе, организатор мероприятий и создатель сервисов для предпринимателей, инвесторов и корпораций. 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://rb.ru/opinion/zac/>
2. Кузнецов В.А. Краудфандинг: Актуальные вопросы регулирования // Деньги и кредит. 2017. № 1. С. 65–73.
3. Максименко З.В., Лакман И.А., Розанова Л.Ф., Попов Д.В. Модель оценки вероятной суммы взыскания в рамках стратегии управления взысканием просроченной задолженности // Евразийский юридический журнал. 2016. № 11. С. 316–318.
4. Розанова Л.Ф., Лакман И.А., Максименко З.В. Информационная поддержка формирования стратегии взыскания просроченной задолженности на основе коллекторского скоринга // Информационные технологии и системы: тр. IV Междунар. науч. конф. 2015. С. 139–140.
5. Рынок краудфандинга/краудинвестинга в России: итоги 2015 года // Официальный сайт Банка России. 2016. 22 апреля [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cbr.ru/press/event/?id=287>
6. Agapitov A., Lackman I., Maksimenko Z. Determination of basis risk multiplier of a borrower default using survival analysis // Proceedings of the Conference of the Italian Statistical Society (Statistics and Data Science: new challenges, new generations SIS 2017). Firenze: Firenze University Press. 2017. P. 1–6.
7. Bellotti T., Crook J. Credit scoring with macroeconomic variables using survival analysis // The Journal of the Operational Research Society. 2009. № 60. P. 1699–1707.
8. Breslow N.E. Covariance analysis of censored survival data // Biometrics. 1974. №30. P. 89–99.
9. Cox D. Partial Likelihood // Biometrika. 1975. № 62. P. 269–276.
10. Efron B. The efficiency of cox's likelihood function for censored data // Journal of the American Statistical Association. 1977. № 72. P. 557–565.
11. Gehan E.A. A generalized Wilcoxon test for comparing arbitrarily singly-censored samples // Biometrika. 1965. № 52. P. 203–223.
12. Kaplan E., Meier P. Nonparametric estimation from incomplete observations // Journal of American Statistical Association. 1958. № 53. P. 457–481.
13. Lending Club Corporation. Official site [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lendingclub.com>
14. Man R. Survival analysis in credit scoring: A framework for PD estimation. University of Twente, Netherlands, 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://essay.utwente.nl/65049/1/ThesisRamonMan.pdf>
15. Marimo M. Survival Analysis of Bank Loans and Credit Risk Prognosis. University of the Witwatersrand, Johannesburg. 2015 [Электронный ресурс]. URL: http://wiredspace.wits.ac.za/jspui/bitstream/10539/18597/1/Mercy%20Marimo%20Thesis_Survival%20Analysis_28.03.%202015_v1.pdf
16. Narain B. Survival analysis and the credit granting decision // Thomas L.C., Crook J.N., Edelman D.B. (eds) Credit Scoring and Credit Control. Oxford University Press, Oxford, 1992. P. 109–122.
17. Okumu A., Wekesa M.S., Mwita P. Modelling credit risk for personal loans using product-limit estimator // International Journal of Financial Research. 2012. №3(1). P. 22–32.
18. Stepanova M., Thomas L. Survival analysis methods for personal loan data // Operations Research. 2002. № 50. P. 277–289.
19. Watkins J., Vasnev A., Gerlach R. Survival analysis for credit scoring: incidence and latency // OME Working Paper, The University of Sydney, Sydney. 2009 [Электронный ресурс]. URL: https://ses.library.usyd.edu.au/bitstream/2123/8161/1/OMWP_2009_03.pdf

Развитие лизинга в Кыргызской Республике в ретроспективе

Development of Leasing in the Kyrgyz Republic in Retrospect

А. АСКАРОВА, А. КАРАБЕКОВА

Аскарлова Айнура Каныбековна, д-р экон. наук, доцент, декан экономического факультета Джалал-Абадского государственного университета (Кыргызская Республика). E-mail: aynura.7474@mail.ru

Карабекова Аида Камильжановна, канд. экон. наук, доцент кафедры «Денежно-кредитные отношения и банки» экономического факультета Кыргызского национального университета им Ж. Баласагына. E-mail: maadan@mail.ru

В статье проведен ретроспективный анализ деятельности лизинговых компаний Кыргызской Республики, в том числе затронуты некоторые налоговые аспекты развития лизинга, предложены некоторые рекомендации по развитию рынка отечественного лизинга.

Ключевые слова: лизинг, лизингодатель, коммерческий банк, нефинансовые учреждения, налогообложение, лизинговые операции.

The article presents a retrospective analysis of the activities of the leasing companies of the Kyrgyz Republic, including the tax aspects of leasing development, suggested some recommendations for the development of the domestic leasing market.

Key words: leasing, lessor, commercial bank, non-financial institutions, taxation, volume of leasing transactions.

Во многих развитых зарубежных странах по ежегодным объемам лизинг сравнился с прямыми иностранными инвестициями. Масштабы лизинговых операций в таких государствах варьируются в пределах от 30 и более процентов от общих сумм инвестирования.

Такой рост объема лизинга обуславливается такими преимуществами перед другими источниками финансирования, как:

- финансирование инвестиционного процесса происходит в полном объеме и не предполагает немедленного проведения платежей;
- одновременно в качестве залога предмет лизинга может выступать при наличии хорошей ликвидности;
- предполагает более комфортную схему выплат, чем по кредитам;
- предполагает разные виды и формы обеспечения;
- сокращает риски, связанные с владением активами;
- снижает налогооблагаемую прибыль, так как платежи по лизингу относятся на производственные издержки лизингополучателя и др.

В Кыргызской Республике (КР) операции по лизингу стали проводиться лизингодателями в лице коммерческих банков и микрофинансовых учреждений с 2003 года. Принятие в 2002 году Закона КР «О финансовой аренде (лизинге)» поспособствовало формированию и развитию лизинговой деятельности, то есть, в сущности, стало основанием для проведения первых операций по лизингу в республике. Первые данные (2003 год) по операциям по лизингу на рынке республики представлены на рисунке 1.

В 2003 году из числа коммерческих банков в качестве лизингодателей выступили следующие банки республики: «Инэксимбанк», «Энергобанк», «ДемирБанк», КИКБ, банк «Толубай» и микролизинговые компании: Финансовая компания по поддержке кредитных союзов (ФККС), «Кыргызайылтехсервис». Необходимо отметить, что «Кыргызайылтехсервис» был создан и осуществлял свою деятельность за счет гранта, предоставленного Правительством Японии в целях поддержки сельских производителей необходимой техникой сельскохозяйственного значения и минеральными удобрениями.

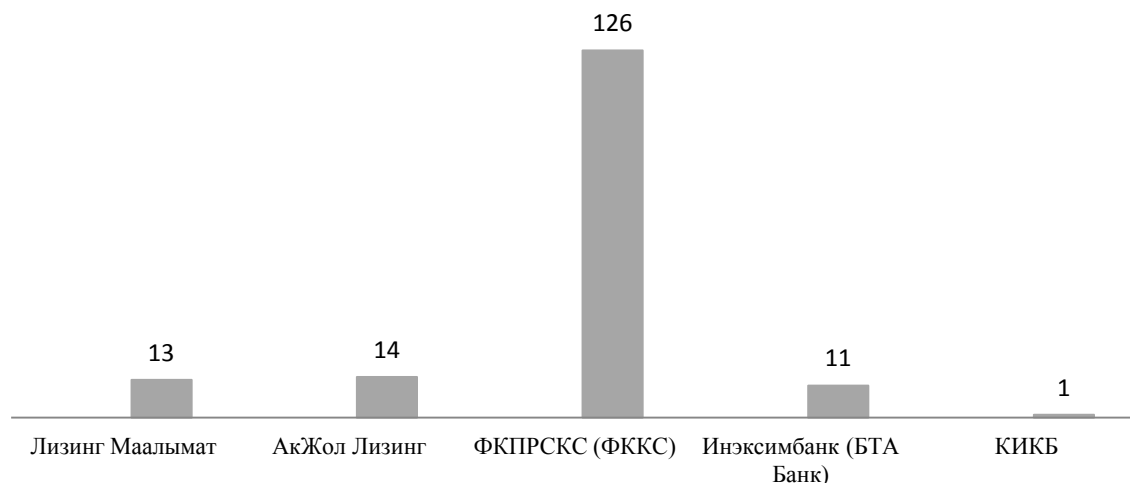

Рис. 1. Количество лизинговых сделок в 2003г.
(составлен на основе [8])

Микролизинговые компании-пионеры проводили свою деятельность в трех областях республики: Нарынской, Баткенской и Таласской. Эти микролизинговые компании были нацелены в первую очередь на оказание лизинговых услуг представителям малого бизнеса на срок не более 2 лет и на сумму в пределах до 2,5 тыс. евро.

При этом исследования показали, что «ДемирБанк» и «Энергобанк» в 2003 году не осуществляли лизинговых операций, так как они только объявили о входе на лизинговый рынок и занимались разработкой процессов по лизингу.

В целом в 2003 году вышеуказанные финансовые учреждения реализовали более 165 лизинговых сделок, объем которых составил около 1 млн долл. США [7]. Принимая во внимание тот факт, что лизинговые операции в стране отсутствовали до 2003 года (кроме тех ситуаций, когда операции между компаниями проводились на разовой основе), данный показатель можно рассматривать как позитивный фактор прогресса лизинга в сфере финансовых услуг КР.

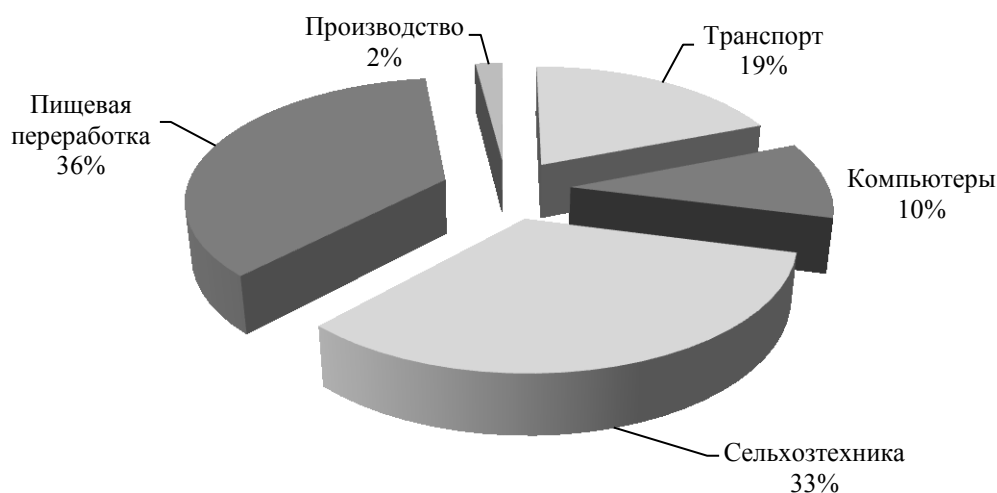

Рис. 2. Виды оборудования, переданного в лизинг в 2003 г.
(составлено на основе [8])

Вышеприведенный рисунок демонстрирует, что в исследуемом году структура переданного вида имущества выглядит следующим образом: оргтехника (10 %); транспорт (19 %); сельхозтехника (33 %); оборудование для пищевой переработки (36 %).

В связи с тем, что столица республики и ее центральный регион являются наиболее экономически развитыми (число промышленных предприятий и других субъектов хозяйствования наибольшее), то и наибольшее количество операций по лизингу наблюдались в г. Бишкек и Чуйской области, при ситуации, когда в других регионах страны фактически не осуществлялись операции по лизингу или их объем был абсолютно малым (рис. 3).

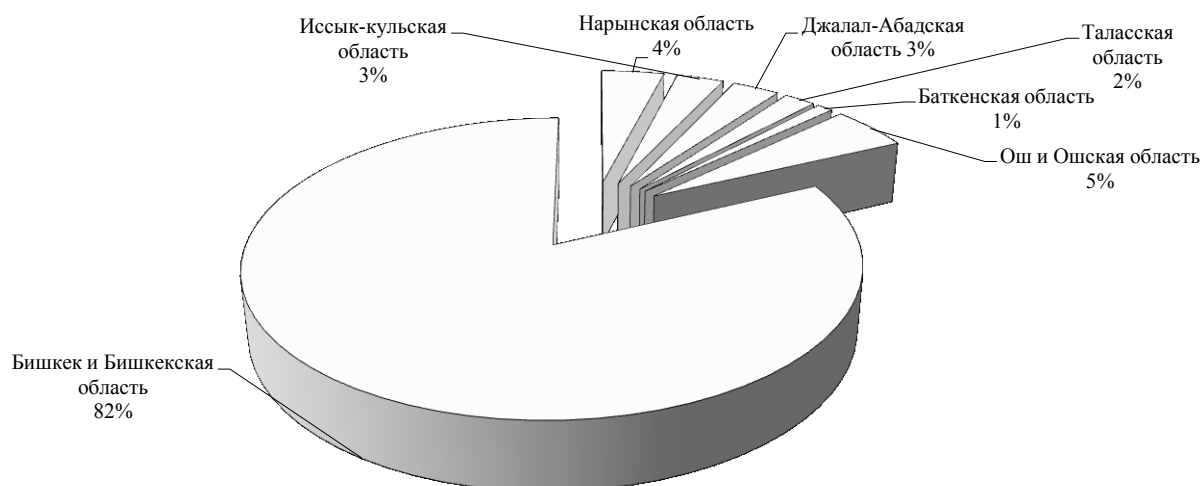

Рис. 3. Территориальная структура лизинговых сделок (составлено на основе [8])

Исследования показали, что немаловажным аспектом развития лизинга в стране являются налоговые аспекты. Для сравнения приведем данные налогообложения банков по лизинговым сделкам (табл. 1).

Таблица 1

Налогообложение банков по лизинговым операциям

Налоги	Ставки согласно НК КР 1996 (%)	Ставки до 1 января 2017 г. (%)	Ставки после 1 января 2017 г. (%)
Налог на прибыль	10	н/п	10
НДС	20	н/п	н/п
НДС на импорт*	—	Частичное освобождение	Частичное освобождение
Налог с продаж	НСП был введен с 2009	н/п	н/п
Налог на проценты	10	н/п	н/п
Налог на доходы нерезидентов	10	10	10

*Согласно коду ТН ВЭД.

Исследования показали, что лишь стоимость предмета по договору лизинга могла быть объектом налогообложения, а проценты по лизингу освобождались от НДС (в первоначальной редакции Налогового кодекса Кыргызской Республики) [4].

С 2013 года были введены льготы по некоторым налогам благодаря Закону КР «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Кыргызской Республики». Согласно данному Закону банки освобождались от НДС и налога с продаж и частично освобождались от уплаты НДС на импорт, и при этом банки платят налог на прибыль и налог на доходы нерезидентов соответственно 10 % и 10 %. С начала 2017 года в системе налогообложения для банков никаких изменений не произошло.

Таблица 2

Налогообложение лизинговых учреждений

Налоги	Ставки до 1 января 2017 (%)	Ставки после 1 января 2017г. (%)
Налог на прибыль	н/п	5
НДС	н/п	н/п
НДС на импорт*	Частичное освобождение	Частичное освобождение
Налог с продаж	н/п	н/п
Налог на проценты	н/п	н/п
Налог на доходы нерезидентов	1	10

*Согласно коду ТН ВЭД.

После 1 января 2017 года лизинговые компании начали платить налог на прибыль в размере 5 % и 10 % налог на доходы нерезидентов.

Согласно данным исследования, на текущий момент в Кыргызстане действует 12 организаций, занимающихся лизингом, из которых 4 являются банками. В рамках исследования запросы о предоставлении информации были направлены 12 нижеуказанным действующим лизингодателям. Общая картина данных о лизинге приведена нами в нижеследующей таблице (табл. 3).

Также опросы 12 лизингодателей показали, что в плане возвратности лизинга нет проблем, она довольно высокая. Например, по данным лизингодателей за 2016 год, среднее значение показателя возвратности по лизинговым обязательствам составила 98 %.

Аналитический обзор статистических данных о регистрации компаний в Национальном статистическом комитете КР (НСК КР), которые хотят выйти на изучаемый рынок, и уже действующих компаний показал, что в реальности свою лизинговую деятельность осуществляет малое количество организаций, и это при той ситуации, когда по данным НСК КР видно, что наблюдается существенный интерес к лизинговому рынку со стороны частного сектора (регистрацию прошли более трех тысяч юридических лиц, намеревающихся войти на рынок лизинга и указавших в своих учредительных документах лизинг как вид потенциальной деятельности).

Формирование такой ситуации в экономике – это результат:

- с одной стороны, понимания бизнесом чрезвычайно высокой потребности в обновлении существующего парка машин и оборудования, по существу, во всех отраслях экономики, а значит, и понимание возможности для будущего роста и развития лизингового рынка и бизнеса;

- с другой стороны, фактической неразвитости правовой и организационно-финансовой основы лизингового рынка (проблемы с НДС и финансированием), обусловивших нежелание компаний входить на этот рынок.

Вышеуказанная ситуация указывает на необходимость выявления и оценки проблем в развитии рынка лизинга, присутствие которых на данный момент отрицательно влияет на динамику развития исследуемого рынка. В частности, отметим следующие проблемные вопросы:

1. Для прогресса рынка лизинга нет наличия совершенной правовой базы, а также достаточно «длинных дешевых денег».

2. Отсутствие национального производителя предметов лизинга по всему масштабу, необходимых субъектам хозяйствования экономики.

На наш взгляд, для развития рынка лизинга в Кыргызской Республике необходимо решить следующие актуальные вопросы:

- Правительство КР должно обеспечивать и защищать интересы малого и среднего бизнеса посредством развития лизинга как приоритетного вектора предпринимательства (проблемы налогообложения, внедрение норм по налоговой ускоренной амортизации и др.);

- необходима оптимизация конкретных составляющих лизингового дела, в частности, аспектов вторичного лизинга, урегулирование вопросов возвратности и отношений между лизинговыми участниками в ситуации несоответствия лизингового предмета;

– применение лизинга в крупных инвестиционных программах государственного значения для сбережения средств при закупке основных средств для реализации этих программ.

Таблица 3

Информация о лизинге по лизингодателям

№	Организация	Дата (год) начала лизинговых сделок	Назначение лизинга	Целевые сферы финансирования	Наличие лизинговых сделок
1	BPN (Business Professionals Network)	2013	Обучение и развитие ремесленников и малых предпринимателей с последующей передачей в лизинг производственного оборудования	Малые предприятия в различных сферах	Да
2	ОсОО ЛК «СтройДор-МашСервис-Лизинг»	2013	Поставка дорожно-строительной техники, запасных частей и агрегатов, ремонт бульдозеров, автогрейдеров и двигателей к ним	Строительство (дорожное)	Да
3	МКА Финансовый Фонд «БТ Инновэйшнс»	2003	Поставка оборудования для переработки сельскохозяйственной продукции	Сельское хозяйство; строительство; производство	Да
4	ОсОО «Автолизинг»	2013	Передача в лизинг транспортных средств, в частности, специальной техники, грузового и легкового транспорта, транспорта по перевозке пассажиров	Строительство; услуги	Нет
5	Компания «Кыргыз Агро Маркет»	2013	Поставка тракторов, комбайнов и с/х машин	Сельское хозяйство	
6	ОАО «Айыл Банк»	2011	Поставка сельхозтехники, спецтехники и оборудования	Сельское хозяйство; производство	Да
7	ЗАО «КИКБ»	2013	Поставка автотранспортных средств, спецтехники	Сельское хозяйство; строительство	Да
8	ЗАО Банк «Бай-Тушум»	2011	Поставка техники, автотранспорта, оборудования	Все секторы	Да
9	ОАО КБ «Кыргызстан»	2013	Поставка автотранспортных средств, сельхозтехники; производственного оборудования	Строительство; сельское хозяйство; производство	Да
10	ОАО «Финансовая компания кредитных союзов»	2005	Поставка автотранспортных средств, сельхозтехники	Сельское хозяйство	Нет
11	Лизинговая компания «Кыргызстан»	октябрь 2015	Лизинг по исламским принципам финансирования	Все секторы	Да
12	East leasing	2014	Поставка легковых автомашин; сельхозтехники	Сельское хозяйство	Да

В сфере стимулирования продвижения лизинга как продукта необходимо:
– улучшать инвестиционную привлекательность рынка лизинга КР;

- снижать издержки при оформлении предмета лизинга в соответствующих органах исполнительной власти;
- разработать систему мотивации для банков и компаний, осуществляющих сделки по лизингу;
- обеспечивать подготовку кадров в этой сфере или повышать профессиональную квалификацию сотрудников лизингодателей;
- повышать финансовую грамотность представителей малого и среднего предпринимательства по лизингу;
- привлекать в республику лизинговые организации стран – участниц ЕАЭС.

Литература

1. Бюллетень НБ КР за 2011–2016 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nbkr.kg/index1.jsp?item=137&lang=RUS>
2. Закон КР «О внесении дополнений и изменений в некоторые законодательные акты Кыргызской Республики» № 169 от 6 октября 2012 года.
3. Лизинг в Кыргызстане: утопия или реальность? [Электронный ресурс]. URL: http://www.senti.kg/article/lizing_v_kirgizctane_utoiya_ili_realnost
4. Налоговый кодекс Кыргызской Республики от 26 июня 1996 года.
5. Налоговый кодекс Кыргызской Республики (в ред. от 1 января 2009 года).
6. Отчет НБ КР от стабильности финансового сектора [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nbkr.kg/index1.jsp?item=2305&lang=RUS>
7. Отчет проекта по развитию лизинга в Центральной Азии IFC «Анализ рынка лизинга в Центральной Азии» (май 2003) [Электронный ресурс]. URL: <http://documents.vseirnyjbank.org/curated/ru/710071468743348541/pdf/395470RUSSIAN0ECA0Leasingsurvey12003.pdf>
8. Официальный сайт Национального статистического комитета КР [Электронный ресурс]. URL: www.stat.kg

Экологическое страхование в системе рыночных отношений Environmental Insurance in the System of Market Relations

Я. ТРОФИМОВА

Трофимова Ярослава Владимировна, канд. экон. наук, доцент кафедры финансов, бухгалтерского учета и анализа Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан. E-mail: trol@mail.ru

В статье рассмотрена сложившаяся российская система взглядов на экологическое страхование. Автор выделены особенности экологического страхования, его основные функции, отмечены тенденции совершенствования экологического страхования в условиях рынка.

Ключевые слова: страхование, экологическое страхование, добровольное страхование, обязательное страхование, охрана окружающей среды.

The article considers the existing Russian system of views on environmental insurance. The author singles out the features of environmental insurance, its main functions, and the tendencies in improving environmental insurance.

Key words: insurance, environmental insurance, voluntary insurance, compulsory insurance, environmental protection.

Хозяйствующие субъекты обязаны не только поддерживать естественную среду обитания, но и отвечать за причинение экологического вреда. Необходимость экологического страхования в России как источника инвестирования в сфере природопользования, как механизма снижения

рисков обусловлена ростом числа экологических катастроф природного и техногенного характера, в том числе вызванных эксплуатацией устаревших промышленных объектов. Накоплено около 100 млрд тонн бытовых и производственных отходов, которые занимают порядка 4 млн га, только 13 % сточных вод подвергаются нормативной очистке [3], что негативно сказывается на экосистеме страны. Ущерб от экологических проблем в России ежегодно составляет около 6 % от валового внутреннего продукта.

Несмотря на важность понятия «экологическое страхование», следует отметить, что единая нормативно-правовая база в данной сфере стала формироваться лишь в 90-е гг. и окончательно до сих пор не завершена. Экологическое страхование в РФ носит преимущественно формальный характер в отличие от страхования, действующего в зарубежных странах.

Понятие и функции экологического страхования. Понятие экологического страхования законодательно было закреплено в стране с принятием закона РСФСР «Об охране окружающей природной среды» от 19.12.1991 № 2060-1 (в настоящее время утратил силу). Законом РФ «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 № 7-ФЗ в качестве цели экологического страхования закреплена защита имущественных интересов юридических и физических лиц на случай экологических рисков, а также выделена возможность обязательного государственного экологического страхования [7].

В Госстандарте РФ предложено следующее определение экологического страхования: «это вид страхования гражданско-правовой ответственности предприятий, организаций, учреждений, физических лиц, чья деятельность представляет опасность для окружающей (природной) среды (объектов), связанную с нанесением ущерба окружающей (природной) среде, а также здоровью граждан, их имуществу в результате неблагоприятных изменений, аварий, техногенных катастроф, обусловленных человеческой деятельностью и проявлением природных явлений» [2]. Более детализированное определение рассматриваемого понятия представлено в глоссарии страховых терминов: «экологическое страхование – вид страхования гражданской ответственности, предусматривающий обязательства страховщика по страховым выплатам в размере полной или частичной компенсации ущерба, нанесенного имущественным интересам страхователя (застрахованного), связанным с его обязанностью в порядке, установленном гражданским законодательством, возместить ущерб, причиненный им имуществу третьих лиц, в результате аварий, приведших к выбросу загрязняющих веществ в атмосферу, к загрязнению земной поверхности, сбросу сточных вод» [1].

Экологическое страхование, будучи страхованием гражданской ответственности, имеет некоторые особенности, обусловленные спецификой данного вида страхования. В случае наступления страхового случая значительный ущерб может быть получен страховщиком и страхователем. Например, размер вреда, который наносится окружающей среде компаниями группы «Газпром», за 2016 г. составил 177 млн руб. В качестве возмещения причиненного экологического вреда выплачено 45,84 млн руб. Страховые выплаты по договорам страхования в АО «СОГАЗ» в 2016 г. составили 11,57 млн руб., в 2015 г. – 17,78 млн руб. [10].

Последствия от наступления страхового случая, а также сумму ущерба сложно спрогнозировать, что требует от страховщика создания значительных страховых резервов. Последствия и длительность установления фактов причинения вреда, которая зависит от типов вредных веществ, могут носить долгосрочный характер. Серьезной проблемой в рамках экологического страхования остается вопрос установления факта наступления страхового случая. Факт наступления гражданской ответственности, а также сумма ущерба определяются в судебном порядке согласно законодательству. Экологическое страхование предусматривает покрытие затрат на ликвидацию последствий загрязнения, прямого имущественного ущерба третьим лицам, а также затрат по возмещению вреда жизни и здоровью пострадавших граждан.

Анализ научной литературы позволяет выделить несколько основных функций экологического страхования:

- уменьшение издержек хозяйствующих субъектов по выплате компенсаций пострадавшим в результате аварийного загрязнения окружающей среды и предоставление правовой защиты страхователям;

- обеспечение гарантий пострадавшим третьим лицам в получении причитающихся им сумм возмещения за нанесенный ущерб независимо от финансового положения лица, причинившего вред;

- осуществление страховщиками контроля за проведением мероприятий по обеспечению экологической безопасности;

- финансирование мероприятий по обеспечению экологической безопасности путем отчисления части собранных страховых взносов на предупредительные меры и за счет прибыли страховщиков.

Виды экологического страхования. В настоящее время отсутствует единая классификация видов экологического страхования. Анализ законодательной базы позволяет выделить по степени добровольности обязательное и добровольное экологическое страхование.

Обязательное страхование осуществляется в отношении риска ответственности за причинение вреда населению, а также в отношении жизни и здоровья определенных групп граждан в порядке, установленном законодательством РФ. Виды, условия и порядок проведения обязательного страхования определяются законодательством РФ. В России с 2011 г. обсуждается проект Федерального закона «Об обязательном экологическом страховании». В соответствии с ним государственные органы должны выделять экологически опасные предприятия, подлежащие обязательному страхованию, страховые тарифы назначать с учетом класса опасности объекта.

Обязательное экологическое страхование в настоящее время проводится путем включения экологических рисков в перечень рисков, подлежащих обязательному страхованию определенными категориями предприятий – источниками повышенной экологической опасности.

По мнению специалистов, страхование должно рассматриваться как обязательное условие осуществления отдельных видов деятельности, которые могут привести к неблагоприятным экологическим последствиям. Поскольку страхование гарантирует лицам, понесшим ущерб в результате аварии на потенциально опасном объекте, получение возмещения ущерба жизни, здоровью и имуществу. Одновременно страхование защищает имущественные интересы владельцев промышленных объектов – источников повышенной опасности от необоснованных претензий потерпевших лиц. Кроме того, страхование в случае крупной аварии предотвращает банкротство предприятий. Экологическое страхование способствует повышению безопасности потенциально опасных объектов путем инициирования аудиторских проверок, превентивных мер, финансирования перехода к экологически чистым технологиям и продукции.

Добровольное страхование осуществляется на основе договора между страхователем и страховщиком. Страховщик самостоятельно определяет порядок и условия договора добровольного страхования в соответствии с Законом РФ «Об организации страхового дела в РФ» и главой 48 Гражданского кодекса РФ. В рамках добровольного экологического страхования страховая компания предоставляет страховую защиту гражданской (имущественной) ответственности страхователя за ущерб, причиненный третьим лицам в результате внезапного, непреднамеренного и неожиданного загрязнения окружающей природной среды.

В зависимости от объектов страхования также можно выделить *отдельные виды экологического страхования*. Страхование радиационно опасных объектов стало первым видом экологического страхования, к настоящему времени выделившимся в самостоятельное направление. Позднее стало развиваться экологическое страхование в нефтяной промышленности, ряде отраслей химической промышленности и сфере нефтепродуктообеспечения. Федеральные законы «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» и «О безопасности гидротехнических сооружений» [8; 9] распространили страхование на объекты, не относящиеся к сфере опасных производств: страхование отходов производства и потребления, страхование водопользования, землепользования, лесопользования, недропользования.

Российское правительство пытается использовать опыт государственного регулирования в области экологии и разработать экономические меры воздействия на товаропроизводителей [6, 26]. Страхование выступает составной частью экономического рыночного регулирования в сфере природопользования, которое действует наряду с административными методами регулирования. Значение экологического страхования еще более усиливается в случае выбора страной инновационной стратегии развития, предполагающей дополнительные экологические расходы со стороны производителей [5, 42].

В Стратегии развития страховой деятельности в Российской Федерации до 2020 г. [5] отмечена необходимость дальнейшего развития системы страхования в сфере охраны окружающей среды, закрепления за хозяйствующими субъектами обязательств по возмещению вреда, причиненного природной среде, третьим лицам и государству, создания современной методической базы оценки ущерба и определения размера страховых выплат по видам страхования в сфере природопользования. В дорожной карте в качестве одной из задач в части развития добровольного страхования обозначено формирование законодательных основ для развития системы страхования в сфере природопользования и охраны окружающей среды. Однако данная задача пока находится на стадии реализации.

Литература

1. Глоссарий страховых терминов, используемых при проведении страховых операций. М.: МФК, 2008. 288 с.
2. ГОСТ Р 52104-2003 Национальный стандарт Российской Федерации. Ресурсосбережение. Термины и определения (ред. от 30.11.2010) [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/gost-r-52104-2003>
3. Путин В.В. Вопросы регулирования объектов накопленного вреда окружающей среде // Материалы заседания Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам [Электронный ресурс]. URL: http://www.komitet2-21.km.duma.gov.ru/upload/site22/document_news/000/191/516/Bibliodose_20_03_17.pdf
4. Стратегии развития страховой деятельности в Российской Федерации до 2020 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.atonew.ato.ru/files/attached_materials/41d47e4f03ae8a61bd97.pdf
5. Трофимова Я.В. Механизм взаимодействия экологии и экономики // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2012. № 4. С. 41–47.
6. Трофимова Я.В. Переход государства к экономическим методам регулирования в сфере экологии // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2015. № 3. С. 21–27.
7. Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 № 7-ФЗ 10 января 2002 года № 7-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_34823/
8. Федеральный закон «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» от 21.07.1997 № 116-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15234/
9. Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 117-ФЗ «О безопасности гидротехнических сооружений» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15265/
10. Экологический отчет ПАО «Газпром» за 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gazprom.ru/f/posts/36/607118/gazprom-ecology-report-2016-ru.pdf>

Проектное управление: причины для внедрения и тенденции развития

Project Management: Reasons for Implementation and Development Trends

Р. АГЗАМОВ, Л. АГЗАМОВА

Агзамов Рафик Закариевич, д-р соц. наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан. E-mail: agzami@bk.ru

Агзамова Лилиана Рафиковна, канд. соц. наук, заместитель начальника Управления корпоративных коммуникаций по проектной деятельности АО «Московское машиностроительное предприятие имени В.В. Чернышева» (г. Москва)

Статья посвящена теоретическому осмыслению сущности проектного управления как институционального способа управления преобразованиями в различных сферах деятельности без глубоких перемен в обществе. Одним из важных ресурсов проектного управления в этом контексте является установление связи управления результатами с управлением всей системой действий участников совместной деятельности.

Ключевые слова: проектное управление, рецептурно-нормативные рекомендации, совместная деятельность, механизмы регуляции отношений людей, управление результатами.

The article is devoted to a theoretical interpretation of the essence of project management as an institutional way of managing transformations in various spheres of activity without profound changes in society. One of the important resources of project management in this context is the establishment of a connection between the management of results and the management of the entire system of actions of participants in joint activities.

Key words: project management, prescription-normative recommendations, joint activities, mechanisms of regulation of people's relations, management of results.

В настоящей статье проектное управление рассматривается через призму постиндустриальных перспектив развития экономики страны, что, во-первых, соответствует современной проблемной ситуации и, во-вторых, имеет высокую актуальность. Однако актуальность проблемы как таковой должна базироваться на эффективности заявленного подхода к ее постановке, только тогда можно говорить о полноценной актуальности предпринятой в статье попытки выстроить и обосновать связи управления результатами с управлением всей системой действий участников процесса совместной деятельности в рамках осуществления проектного управления.

Проектное управление, получившее новый импульс к своему развитию в связи с выходом соответствующего постановления Правительства РФ, сегодня становится модным. Документ, определяющий принципы, приоритетные задачи и механизмы реализации государственной политики по стратегическому развитию и приоритетным проектам, в качестве цели определяет также повышение конкурентоспособности экономики субъектов хозяйствования на мировых рынках на основе их сбалансированного развития. Это влечет за собой не только положительные, но и отрицательные последствия, поскольку все вокруг начинают применять термины и понятия, связанные с проектным управлением, порой даже не понимая их смыслов и значений. В этом ничего удивительного нет, поскольку это один из общепринятых способов устоявшейся системы противодействия изменениям многих людей в нашей стране как отражение их молчаливого несогласия, формализованной отчетности, приведенных к знакомым формам и, в конечном итоге, умения «пережить» как-то при этом очередную управленческую реформу. Нередко это сопровождается умышленной или неумышленной интерпретацией событий, скрытой или открытой имитацией «бурной деятельности», что неумолимо приводит к дискредитации всей сущности проектного управления. Это, в свою очередь, актуализирует потребность рассмотрения причин для внедрения проектного управления в деятельность хозяйствующих субъектов и тенденций его развития.

Значимость внедрения принципов проектного управления мы усматриваем уже в специальном уточнении известных и сложившихся терминов «проект» и «программа» – это важно. Согласно положению об организации проектной деятельности под термином «проект» понимается комплекс взаимосвязанных мероприятий, направленных на достижение уникальных результатов в условиях временных и ресурсных ограничений. Под термином «программа» понимается комплекс взаимосвязанных проектов и мероприятий, объединенных общей целью и координируемых совместно в целях повышения общей результативности и управляемости. Данные понятия во многом схожи – как формально, так и с содержательной точки зрения, что подтверждает основную идею проектного управления как способа управления, направленного на достижение запланированных результатов на основе продуманной и рациональной реализации ресурсов без глубоких перемен на предприятии.

Однако приходится констатировать, что основные положения, устанавливающие порядок организации проектной деятельности, которые интересны сами по себе, содержат известные устойчивые схемы современной организации управления. Они фактически являются основой технологий управления, направленных на поиск «правильных» действий в тех или иных практических ситуациях. Другими словами, мы имеем дело с рецептурно-нормативными рекомендациями осуществления технологий, не имеющими другого обоснования, кроме практического опыта и интеллектуальной эрудиции авторов документа, сумевших изложить этот опыт в систематизированном виде. Между тем более важным аспектом проектного управления (в связи с такой особенностью практики управления, как повторяемость ряда явлений) является выявление тех культурных оснований, которые порождают и формируют связи управления результатами с управлением всей системой действий людей в процессе совместной деятельности. Культурные основания – это ценности, но ценности особые. В проектном управлении ими являются основания мышления, опираясь на которые человек принимает решения. Возникает естественный вопрос: зачем нужно погружаться в «глубины» культуры, ведь проектное управление может базироваться на уже известных управленческих знаниях и не нуждается в культурных основаниях? Ответ простой. Любой выход социального субъекта за рамки сложившегося общественного мнения (то есть за рамки инерции культурной традиции) имеет основание, поскольку именно тип основания определяет тип выхода и его результат. Поэтому критика оснований и формирование нового основания социально-экономической и культурной динамики являются сутью управленческих реформ. Необходимо подчеркнуть при этом, что реформы управления в социокультурном смысле означают не столько отмену старых и создание новых форм современной организации управления, сколько изменения в культурных основаниях, то есть в менталитете. Оснований мышления как культурных оснований, предлагаемых к рассмотрению в настоящей статье, два – управленческое воздействие и механизмы регуляции отношений и взаимодействий людей управленческого типа.

Без установления связи между этими основаниями мышления проблема для практики управления становится неразрешимой, следовательно, проектное управление на деле может принять однобокий, так называемый «техницистский» характер. Речь идет о переносе управленческих знаний, умений и навыков из сферы проектирования и создания технических и производственных систем (так сказать, «в материале») на системы социальные, к тем основным механизмам, действия которых как раз и отражает суть проектного управления. А это означает, что при рассмотрении управления с позиций успешной и результативной работы предприятия его руководству в процессе внедрения принципов проектного управления неизбежно придется иметь дело с системой *опосредованного знания*.

Между тем именно допустимая степень вмешательства в отношения, действия и взаимодействия людей, даже исходя из самых благих побуждений, является серьезной проблемой управленческой деятельности как таковой, требующей *непосредственных знаний*. Это обуславливает потребность в определении причинного характера механизмов регуляции управленческого типа в процессах совместной деятельности людей, последствиях вмешательства управления как организованной внешней силы, основанного на непосредственных знаниях (как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе).

Необходимость уточнения представлений об управлении как социальной проблемы.

В научной литературе рассматривается широкий круг вопросов, связанных с проблемами совершенствования управленческой практики. Это и изучение различных аспектов профессиональной культуры и поведения государственных и муниципальных служащих, и различные подходы к изучению организационной культуры, совершенствованию системы образования, формированию властных и управленческих структур. Это обусловлено тем, что управление относится к сложным многофункциональным социальным явлениям и к его изучению имеют отношение различные научные дисциплины, основой знания которых или их целью является «управление» (теория управления, менеджмент, управление персоналом, психология управления, социология управления, социология организаций, социология труда и др.). Следует также отметить, что сдвиги в современных взглядах на общество, на силы и формы, определяющие их динамику, на способы и средства его изучения и понимания потребовали переосмысления современного понимания роли человека в управлении. В этой связи представления о специалистах, в частности, в области управления персоналом, занятых локальными вопросами управления отношениями с работниками от лица работодателя, стали связывать с новым понятием «управление человеческими ресурсами».

Управление человеческими ресурсами уже рассматривается в контексте особой профессиональной области как самостоятельной и равнозначной области управления, наряду с такими дисциплинами, как, например, управление финансами или, скажем, управление логистикой. Это позиционирует управление человеческими ресурсами как деятельность, позволяющую обосновать рабочие места на различных организационных уровнях, от специалистов по подбору работников или организации обучения до высших руководителей, вынужденных принять в свои ряды специалистов по этому направлению. Причем они должны не только иметь профильную подготовку, но и владеть различными подходами, позволяющими оперативно решать задачи в сфере организации хозяйственной деятельности, начиная от определения потребности в работниках с конкретными характеристиками и заканчивая формированием организационной стратегии выхода на новые рынки труда.

Обобщая эти суждения, необходимо подчеркнуть, что в рамках перечисленных выше дисциплин изучаются система и процессы управления в обществе, в которых на действия и поведение человека влияют многочисленные факторы, воздействие которых человек порой и не способен предсказать. Одни из этих дисциплин рассматривают управление как явление цивилизации, то есть как причину ускоренного технологического и социального развития, другие – как явление культуры (ценностно-ориентационный взгляд). С точки зрения явления цивилизации, управление выступает как особый институт, связанный, прежде всего, с возникновением и осуществлением власти и образованием различных организационных структур, имеющих свои собственные свойства и закономерности. С точки зрения явления культуры, управление рассматривается либо как управляющее целевое социальное воздействие, либо как механизм функционирования социальных организаций, их развития и адаптации к изменяющимся условиям внешней среды.

В этой связи можно сделать вывод, что практически во всех подходах управление рассматривается как технология достижения экономических целей, а компетентность субъектов управления – как совокупность необходимых и достаточных знаний, умений и навыков. Такое понимание до сих пор продолжает определять убеждения и ожидания большинства людей, имеющих отношение к управленческой деятельности. Однако управленческая деятельность имеет общественное значение, и в этом контексте такого рода компетентность малоэффективна для решения более широкого круга проблем, формирующихся одновременно на многих уровнях и плоскостях протекания социально-экономических процессов. Поскольку уровни управления основаны, прежде всего, на социальном взаимодействии, это требует большего внимания к анализу социокультурных механизмов регуляции отношений между людьми, исследованию руководящих структур общества и создания совершенно новой структуры ожиданий, восприятий и компетентностей. От этого зависят необходимые людям виды компетентности и мотивации, ведь нет смысла формировать ожидания, оправдать которые субъекты управления будут не в состоянии.

Социокультурные основания механизмов регуляции отношений и взаимодействий людей. Для людей важно, чтобы они могли влиять на систему управления, способную разрешать

возникающие проблемы, могли взаимодействовать с соответствующими должностными лицами, чтобы эти установки занимали в общественном сознании подобающее место. То есть любое новое основание мышления, на котором будет основано управление, должно соответствовать существующим представлениям и восприятиям людей, оно должно учитывать личные системы ценностей, восприятий и ожиданий, связанные у людей со способом функционирования общества и со своей ролью в этой структуре. Управление результатами является актуальной проблемой практики проектного управления, и качественная реализация ресурсов в этом процессе неизбежно зависит от самих людей, их способности эффективно связывать разные субъекты, их способности к кооперации и созданию новых форм социальных взаимодействий. Это означает, что место и роль конкретного человека в процессе проектной деятельности должны рассматриваться в контексте его способности взаимодействовать с другими людьми. Иными словами, понимание причинных факторов и последствий решений субъекта управления в этой ситуации должно базироваться на познании механизмов регуляции отношений и взаимодействий людей, участвующих в проектном управлении.

Однако как соотносится такое понимание управления с существующими сегодня представлениями о субъекте, объекте и их отношениях? Система опосредованного знания нам проясняет, что один из субъектов, имеющий полномочия органа управления, является всегда доминирующим. Он планирует и организует совместную деятельность, действия и взаимодействия с другим субъектом (исполнителем, специалистом), который выступает в качестве объекта воздействия. Однако к образованию совокупности людей, способных к автономным действиям (например, «команды» в рамках проектного управления), такие отдельные управленческие воздействия, поступки и действия не приводят. К ним приводят широко понимаемые, устойчивые взаимодействия между людьми, скрепленные общим предметом интереса и регулятивными механизмами их отношений и взаимодействий. А это уже сфера деятельности, требующая непосредственных знаний, формирующих потенциал конкретного «другого субъекта». Если он сумеет реализовать возможности своего потенциала, то он превращается в равноправного партнера доминирующего субъекта. В этом случае субъект-объектная схема отношений становится субъект-субъектной. Такая интерпретация событий приводит к пониманию нового сущностного значения проектного управления, которое в значительной степени представляет собой механизм выработки общих взглядов на решение проблем, поиск верной стратегии и тактики, следствием которых, собственно, и является разработка деталей любого управленческого механизма. Поэтому практика проектного управления в контексте понимания управления как соотношения управленческого «воздействия» и механизмов регуляции отношений и взаимодействий его участников становится междисциплинарной, суть которой заключается в получении новых сочетаний средств деятельности и их свойств, чтобы получить конечный результат.

Вовлеченность конструкторов «знание об управлении» и «знание в управлении» в единый динамичный процесс проектного управления. Совокупность новых сочетаний средств деятельности и их свойств, формирующаяся в процессе взаимодействий участников проектного управления, создает новые «модернизированные» социальные связи, благодаря которым они превращаются в целостные образования, способные к устойчивому функционированию и развитию в определенном проекте. Это приводит к пониманию того, что объектом проектного управления является уже не только человек с его деятельностью и не группа людей, но и механизмы регуляции их отношений. Такое понимание сущности проектного управления включает в себя не только того, *кто* управляет, но и того, *кем* управляют. В этом случае управление превращается в цивилизованный и рационально построенный способ регуляции действий и взаимодействий людей, который «строится» с их согласия и с их участием. К такому пониманию управления приводят широко интерпретируемые, устойчивые отношения между людьми через решение ими своих жизненных ситуаций. Это обстоятельство проясняет также вопрос о том, что принципы проектного управления базируются на следующих основаниях:

– объективной зависимости, то есть производственных отношениях, где ведущую роль играют отношения разделения труда;

– субъективной зависимости, когда все участники совместной деятельности строят их сознательно, добровольно принимая на себя (формально или неформально) те или иные обязательства.

Это коренным образом меняет основу познавательной модели проектного управления. Если до сих пор речь шла о проблемах практики проектного управления в рамках системы опосредованного знания, то теперь речь идет уже о системе непосредственного знания в рамках его значимости для решения проблем, связанных с внедрением проектного управления. Следовательно, последовательность развития представлений читателя об управленческом знании требует его осмысления в контексте разделения его на «знания об управлении» и «знания в управлении».

«Знания об управлении» производятся различными дисциплинами, которые посредством учебников и пособий влияют на управленческую практику как опосредованные знания. В практике управления к «знаниям об управлении» относятся различные компетенции, где, помимо них, используются и другие виды знаний (компетенций). Они представляют собой так называемую «институциональную компетентность», которая зависит от институциональной политики, то есть это *требование* общества к системе управления. В рамках опосредованного знания используются различные формы современной организации управления, такие, например, как государственно-частное партнерство, государственные целевые программы и др. В условиях неэффективности различных форм организации управления с их жесткой иерархией и аппаратом контроля (субъект-объектные отношения) «знания об управлении» вступают все в большее противоречие с потребностями в другом типе знаний, так называемом «знании в управлении».

К «знанию в управлении» относятся непосредственные знания, то есть такой набор «знаний под рукой» у тех, кто реально их использует при подготовке, принятии и реализации управленческих решений. Потребность в них идет уже от проблемной ситуации, на которую должна своевременно и грамотно (то есть компетентно) реагировать конкретная управленческая структура или конкретный специалист. Это уже другая, социально-ситуативная компетенция, которую на практике называют *компетентностью*. О ней можно судить лишь по личному опыту и материалам исследований.

В концепции проектного управления, собственно, эти два уровня знаний и объединяются в единый и динамичный процесс, превращая проектное управление в новое, перспективное направление в управленческой деятельности. Проектное управление, находясь вне иерархии, позволяет оптимизировать противоречивые позиции всех участвующих в этом процессе людей, создает узлы связей и отношений путем равноправной и многосторонней коммуникации между ними (субъект-субъектные отношения). В иерархических структурах все как раз происходит наоборот, то есть чаще всего решение проблемы «застревает» на этапе согласования между подразделениями, теряя временной ресурс, а намерывание упущенного осуществляется через силовое давление вышестоящего уровня управления. Причем реализация такого решения уже становится «подневольным» трудом для способного к большому творческому напряжению исполнителя, фактором его отчуждения от дела, за которое он отвечает.

Следовательно, именно узлы связей и отношений в проектном управлении становятся точками формирования необходимых компетентностей участников совместной деятельности. В связи с этим самопроизвольная, казалось бы, совместная деятельность участников оказывается структурированной успешной деятельностью, возникающей без внешних организующих воздействий, а на основе других, менее заметных поведенческих аспектов. Таким образом, множество точек формирования компетентностей позволяет их приложить к многообразию сфер деятельности в рамках проектного управления: функция, структура, путь реализации, направленность, цель. Само же понятие «компетентность» раскрывается уже через качества, которые являются решающим условием эффективного поведения человека. То есть через такие качества, как способность работать самостоятельно, без постоянного руководства, способность брать на себя ответственность по собственной инициативе, готовность замечать проблемы и искать пути их решения, способность уживаться с другими и осваивать какие-либо знания по собственной инициативе. С учетом традиции представлений о рефлексии в российской культуре и мышлении можно

утверждать, что такое эффективное поведение участников проектного управления направлено на «капитализацию» своего или коллективного накопленного ресурса и потенциала.

В результате внедрения проектного управления у субъектов хозяйствования появляются индивидуальные черты, уникальные и неповторимые социально-экономические качества (компетенции). При этом субъекты хозяйствования не ухудшают и не упрощают компетентности участников совместной деятельности. Сущность проектного управления, собственно, и состоит в том, что она «генетически» является естественным в связи с социальной природой человека и может развиваться благодаря сознательным усилиям конкретного человека в процессе его совместной деятельности для решения возникающих проблем. В ходе осуществления проектного управления происходит формирование адекватных проблеме правил и норм поведения общих целей и задач и создается внутренне согласованная система их поддержания в рабочем состоянии. Это дает веские основания утверждать, что внедрение проектного управления, отвечая вызовам постиндустриализма, оказывается весьма полезным способом управления для практики.

Вопросы подготовки кадров в условиях становления цифровой среды современной экономики

Formation of the Human Resource in the New Economic Reality

Е. ТЕРЕЛЕЦКОВА, И. ЯГАФАРОВА

Терелецкова Елена Валентиновна, канд. соц. наук, доцент кафедры социологии труда и экономики предпринимательства Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета. E-mail: tereletskova@mail.ru

Ягафарова Ильяна Маратовна, д-р ист. наук, профессор кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Башкирского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации. E-mail: mineeva_ilyana@mail.ru

Статья посвящена анализу состояния современного рынка труда и определению направлений подготовки кадров на этапе перехода к цифровой экономике. Сделаны выводы о необходимости совершенствовать профессиональные и карьерные компетенции обучающихся, установить более тесное взаимодействие с работодателями, кадровыми агентствами в рамках реализации программ перехода к цифровой экономике.

Ключевые слова: экономика, кадры, компетенции, повышение квалификации, высшее образование, Республика Башкортостан.

The article is devoted to analyze the state of the modern labor market and determination of directions of training at the transition to the digital economy. Conclusions on the need to improve the professional competence of students and career, to establish closer cooperation with employers, recruitment agencies in the framework of the implementation of the programs of the transition to the digital economy were presented.

Key words: economics, staff, competence, training, higher education, Republic of Bashkortostan.

Развитие современного общества обусловлено влиянием целого ряда факторов социально-экономического характера, большинство из которых находятся в кризисном состоянии. Сегодня мы наблюдаем довольно уникальный феномен, когда потребности меняющейся экономики в условиях формирующегося и развивающегося рынка опережают предложение по обеспечению подготовленными специалистами и профессионалами. На наших глазах происходит смена кадровых ориентиров в различных сферах, и прежде всего в тех отраслях экономики, которые ориентированы на поиски новых ресурсов, на инновации и формирование цифровой среды. А подготовка специалистов начинает отставать, сохраняя прежние ориентиры на сырьевую основу экономики, традиционную систему государственного регулирования.

Поэтому актуальность данной работы обусловлена поисками путей преодоления этого разрыва и выходом на новый уровень осмысления вопросов кадрового обеспечения экономических

отраслей для дальнейшего развития российского государства и общества. Целью данной работы является анализ состояния рынка труда и определение наиболее перспективных направлений подготовки кадров для экономической сферы в условиях формирования цифровой среды. При этом особое внимание уделяется ценностной ориентации и формированию системы компетенций специалистов в рамках действующей образовательной системы.

Одной из важнейших составляющих экономики любой страны и мира в целом выступает сфера труда и занятости населения. Объективная и достоверная оценка реальной ситуации в данной сфере позволяет регулировать вопросы миграции и безработицы разных групп населения, особенно в условиях проводимых экономических реформ. Согласно официальным сведениям Росстата, составленным по методологии МОТ, уровень безработицы за последнее десятилетие в нашей стране в целом имеет тенденцию к снижению и составляет в настоящее время порядка 4 % экономически активного населения. При этом в учреждениях службы занятости на 15 февраля 2017 года зарегистрировано 916 030 человек (на данный период в 2016 году – 1 046 611 человек).

Однако выборочные социологические опросы и независимые научные исследования показывают, что имеет место скрытая безработица, не фиксируемая статистическими службами и составляющая весомую часть так называемой истинной безработицы. Она возникает вследствие модернизации промышленности, экономических реформ, кризисов и региональной специфики. Скрытая безработица проявляется в том, что предприятия предоставляют сведения о наличии рабочих мест по формальным признакам, в то время как реально работник переводится на неполный рабочий день, числится в штате, но фактически не работает, например, отправлен в отпуск без содержания, или предприятие работает сезонно. Поэтому дать реальную оценку безработице можно лишь путем привлечения более широкого спектра показателей, но официально и масштабно подобные исследования пока не проводятся [6, 32].

Описание сложившейся ситуации показывает, что в условиях экономического кризиса и растущей безработицы происходит изменение рынка труда. При этом неизбежно профессиональная составляющая подвергается существенной трансформации за счет изменения требований к умениям и навыкам работников, их квалификации, профилю. Некоторые специальности полностью утрачивают свои позиции и выходят из производственной сферы, заменяются автоматическими роботизированными системами. Возрастает потребность в трудовом обеспечении новых отраслей экономики, переходящей на рыночные условия, например, таких как инновационная и цифровая экономика.

На государственном уровне проводятся так называемые «мероприятия активной политики занятости» по преодолению кризисной ситуации. В том числе реализуются различные программы переподготовки и повышения квалификации работников предприятий, стажировки для отдельных категорий граждан, вводится практика временного трудоустройства неработающих граждан по краткосрочным договорам с работодателями. Это позволяет несколько снижать цифровые показатели уровня безработицы и повышать показатели уровня трудоустройства в регионах. Например, в соответствии с данными доклада заместителя министра труда и социальной защиты населения Республики Башкортостан, прозвучавшего на заседании Коллегии министерства по подведению итогов социально-экономического развития за 1 полугодие 2017 года, приведены показатели, демонстрирующие некоторое снижение общей динамики безработицы в регионе за последний год с 5,8 до 5,7 % [1, 3]. А уровень трудоустройства в отчетном периоде составил 72,8 % (за аналогичный период 2016 года – 69,5 %), что выше среднего значения показателя по России (65,4 %) и Приволжскому Федеральному округу (69,2 %). Однако есть сведения, что половина муниципальных образований рассматриваемого региона имеет более высокий уровень безработицы, чем в целом по региону и стране [1, 5]. Например, по городу Агидель Республики Башкортостан официальный уровень безработицы определяется как 5,68 %, а на одну вакансию претендует 10 неработающих граждан. Несомненно, причины сложившейся ситуации связаны с целым комплексом проблем.

Здесь следует учитывать современную ситуацию переходного периода развития экономики, обусловленного кризисными и противоречивыми явлениями, связанными с одновременным существованием прежних сырьевых, производственных и отраслевых ее основ с большой долей государственного планирования и появлением новых тенденций свободного рынка, конкуренции, новых технологий и инноваций, участия в глобальных процессах. Такие «вызовы современности», с одной стороны, указывают на причины обострения безработицы, но вместе с тем диктуют и определяют новые требования к профессиональной подготовке работников, способности адаптироваться и мобильно реагировать на изменения в социально-экономической сфере.

В экономике нового уклада ключевыми факторами экономической деятельности становятся электронные технологии и услуги, а также представленные в цифровом виде объемные, многоотраслевые и интеграционные данные. В соответствии с Программой развития цифровой экономики Российской Федерации до 2035 года, принятой Правительством Российской Федерации летом 2017 года, признано, что обработка и анализ таких данных «позволяет по сравнению с традиционными формами хозяйствования существенно повысить эффективность и качество в производстве и потреблении товаров, работ и услуг» [5, 2]. А в процедурах управления конкурентным преимуществом обладают те государства, экономика которых основывается на наиболее продвинутых электронных технологиях и услугах, включая технологии анализа «больших данных» и прогностические технологии.

В настоящее время наблюдается ситуация глобальной конкуренции государств за выход на финансовые рынки, освоение новых технологий в качестве ресурсов будущего развития, повышение качества и безопасности жизни. Поэтому данная программа направлена на создание в нашей стране необходимых условий для развития цифровой экономики, в которой «данные в цифровой форме являются ключевым фактором производства во всех сферах социально-экономической деятельности, что повышает конкурентоспособность страны, качество жизни граждан, обеспечивает экономический рост и национальный суверенитет» [5].

Некоторые элементы цифровой экономики уже становятся реальностью нашей жизни. Например, развивается электронная коммерция в сети Интернет, разрабатывается и продается программное обеспечение, внедряются электронные услуги и продукты, в том числе государственные, внедряются элементы дистанционного образования. Абсолютным прорывом в данном направлении стало появление электронных денег и так называемой криптовалюты в рамках нерегулируемого самостоятельного виртуального потока, не обеспеченного реальной валютой. Все более прочные позиции в качестве связующего звена между реальным сектором экономики и цифровым контентом занимают интернет-магазины и специализированные порталы.

Цифровая экономика в соответствии с вышеназванной Программой представлена тремя уровнями, которые в своем тесном взаимодействии влияют на жизнь граждан и общества в целом: рынки и отрасли экономики, где осуществляется взаимодействие конкретных субъектов; платформы и технологии, где формируются компетенции для развития рынков и отраслей экономики; среда, которая создает условия для развития платформ и технологий и эффективного взаимодействия субъектов рынков и отраслей экономики и охватывает нормативное регулирование, информационную инфраструктуру, кадры и информационную безопасность.

В связи с этим изменяются и требования к подготовке кадров и системе образования, направленной на подготовку востребованных и компетентных специалистов, способных участвовать в происходящих изменениях социально-экономической сферы [3].

В настоящее время актуализируются вопросы профессиональной подготовленности обучающихся и выпускников к требованиям рынка труда. Что предполагает готовность будущих работников «использовать знания, умения, компетенции, а также личностные характеристики для успешного роста в выбранной профессии и для расширения перспектив их трудоустройства, в чем заинтересованы как сами выпускники, так и общество, экономика в целом, и работодатели в частности» [4].

На наш взгляд, современная подготовка специалиста в нашей стране должна формировать определенную систему знаний, включающую базовую теоретическую подготовку, основанную

на развитии ценностных установок и аналитических способностей, и практико-ориентированную составляющую, связанную с развитием профессиональных компетенций, то есть совокупности профессиональных знаний, умений, способов выполнения профессиональной деятельности. При этом акцент переносится на необходимость приобретения таких навыков, которые определяют готовность личности к выполнению определенных действий как универсального характера, так и специального профессионального, практического, в том числе и предпринимательского.

Различные виды компетенций, разрабатываемые сегодня в рамках образовательных стандартов, должны быть ориентированными на потребности развивающейся экономики, соответствовать запросам рынка труда, удовлетворять кадровый голод в появляющихся новых сферах бизнеса и предпринимательства. Одна из крупнейших международных консалтинговых компаний The Boston Consulting Group (BCG) совместно с российскими партнерами, в числе которых ПАО Сбербанк, Союз «Молодые профессионалы (Ворлдскиллс Россия)» и другие, подготовила специальный доклад «Россия – 2025: от кадров к талантам», где сформулирована Целевая модель компетенций – набор ключевых универсальных компетенций, без освоения которых невозможно прийти к эффективности в XXI веке: «умение критически мыслить, эффективно работать в команде и взаимодействовать с другими людьми, быстро адаптироваться к изменениям, принимать решения, самостоятельно организовывать деятельность, уметь работать с огромными массивами данных и прочее» [2].

Таким образом, проведенный анализ показывает, что рынок труда представляет сегодня активно развивающуюся структуру, ориентированную на изменяющуюся социально-экономическую ситуацию, прежде всего, на появление цифровой среды. И его оптимальное формирование возможно путем совершенствования профессиональных и карьерных компетенций при непосредственном взаимодействии с работодателями для удовлетворения кадровых запросов с учетом требований формирующейся цифровой экономики.

Литература

1. Выступление заместителя министра семьи, труда и социальной защиты населения Республики Башкортостан Ф.Р. Шайхисламова на заседании Коллегии по подведению итогов социально-экономического развития за 1 полугодие 2017 года 4 августа 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://mintrudrb.ru/press/reports/16821/>
2. Доклад «Россия-2025: от кадров к талантам»: The Boston Consulting Group (BCG) [Электронный ресурс]. URL: www.bcg.ru
3. Минеева И.М., Галиуллина С.Д. Историческое знание в системе социально-экономического развития России и ее регионов // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2016. № 4. С. 132–138.
4. Плуженская Л.В. Модель изменения подготовленности выпускника к рынку труда // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 1.
5. Программа развития цифровой экономики в Российской Федерации до 2035 года [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/>
6. Сулакшин С., Шишкина Н. Безработица в России // Центр научной и политической мысли и идеологии [Электронный ресурс]. URL: <http://rusrand.ru/docconf/bezrabotitsa-v-rossii>

Метод взаимных исключений психофизиологической экспертизы в управлении персоналом

The Method of Mutual Exclusions Psycho-physiological Examination in Personnel Management

Н. СИМОНОВИЧ, П. КУРДАНОВА

Симонович Николай Евгеньевич, д-р психол. наук, профессор, академик РАЕН, председатель Международного диссертационного совета по присуждению ученой степени PhD, действительный член (академик) Международной академии информатизации в Генеральном Консультативном статусе ООН и Всемирного информациологического парламента

Курданова Полина Константиновна, магистр психологии, старший эксперт ООО «Центр специальных исследований и экспертиз», член президиума некоммерческой организации «Ассоциация судебных экспертов “МВИ Экспертиза”». E-mail: jpolina@yandex.ru

В данной статье осуществлена научная апробация первой отечественной уникальной научной методики психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа – метода взаимных исключений (МВИ). Подробно рассматривается специфика применения МВИ для обеспечения процесса управления персоналом государственного органа. Приводятся доказательства того, что МВИ не только является единственной запатентованной методикой экспертизы с использованием полиграфа, но и по степени достоверности полученных результатов существенно превосходит существующие методики США, в частности, метод контрольных вопросов и поисковые методики.

Ключевые слова: полиграф, психофизиологическая экспертиза, метод исследования, метод взаимных исключений, управленческие решения, управление персоналом.

This article carried out scientific testing of the first domestic unique scientific techniques of psycho-physiological examination using polygraph method of mutual exclusions (MME). Detail the specifics of the application of MME to ensure that the process of personnel management of the public authority. We present evidence that the MME not only is the only patented method of examination using polygraph, but the degree of reliability of the obtained results substantially superior to the existing methods of the United States, in particular, the method of control questions and search techniques.

Key words: polygraph, psycho-physiological examination, research method, method of mutual exclusions, management decisions, personnel management.

Исходя из современных тенденций, психофизиологическое исследование с использованием полиграфа активно внедряется в различные сферы нашей жизни, в том числе становится неотъемлемой частью в управлении персоналом.

В различных государственных учреждениях отбор кадрового резерва на выдвижение, проверки управленческих кадров, а также исследования и экспертизы с использованием полиграфа уже давно стали универсальными, на что указывают официальные документы, в том числе:

– Приказ Минюста РФ от 25.05.2011 № 165 «Об организации проведения психофизиологических исследований с применением полиграфа в уголовно-исполнительной системе» [6];

– в Приказе ФСБ РФ от 23.06.2011 № 277 «Об организации производства судебных экспертиз в экспертных подразделениях органов федеральной службы безопасности» [7] (вместе с «Инструкцией по организации производства судебных экспертиз в экспертных подразделениях органов федеральной службы безопасности») (зарегистрировано в Минюсте РФ 06.09.2011 № 21744), в Перечне родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в экспертных подразделениях органов федеральной службы безопасности, указано: «13. Психофизиологическая экспертиза. Типовые задачи, решаемые при производстве психофизиологических экспертиз: диагностика наличия в памяти человека информации о событиях прошлого с использованием полиграфа».

Поскольку, как известно, полиграф лишь фиксирует показатели организма, точность результатов психофизиологического исследования (ПФИ) зависит от метода, который применяет

полиграфолог. В связи с чем среди судебных экспертов-полиграфологов наиболее актуальной проблемой является выбор метода при проведении судебной экспертизы. В методическом арсенале [1, 200–241] эксперта по опросам с использованием полиграфа существуют американские методы контрольных вопросов (Мэрс, Рейда, Бакстера), российский метод взаимных исключений Лосева–Миллера, тесты пика напряжения (поисковые методы известного решения), российский модифицированный тест на знания виновного известного решения Варламова–Николаева.

В Российской Федерации официально зарегистрированы в Федеральной службе по интеллектуальной собственности (Роспатент), прошли научные испытания и стандартизацию всего два метода и средства судебной психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа: «Способ диагностики расстройств сексуальных предпочтений» (патент на изобретение (RU)2406441) (разработчик и правообладатель – ФГБУ «Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского» Минздрава России) и метод взаимных исключений Лосева–Миллера (патент на изобретение (RU)2531645), сертификат соответствия на метод и средство судебной экспертизы №00006 от 26.11.2014 (разработчики и правообладатели – физические лица Лосев А.В. и фон Миллер А.А.). Методика МВИ имеет формулу: О Н1 V1V2 Н2 V1V2 Н3 V1V2 Н4 V1V2.

Как отмечается в учебном пособии «Энциклопедия полиграфа», «тестирование на полиграфе с предъявлением вербальных стимулов, сконструированных по методу и средству судебной экспертизы, методу взаимных исключений, основано на измерении, фиксации, сравнении и анализе психофизиологических реакций обследуемого лица на предъявляемые стимулы, направленные на активацию в сознании испытуемого репрезентаций его опыта участия в исследуемых событиях (идеальных следов в памяти) в связи с рассматриваемыми событиями и фактическими обстоятельствами» [4, 151–153].

Указанный метод использует невербальные и вербальные стимулы, «равные по силе и имеющие взаимоисключающую смысловую нагрузку», то есть вопросы по двух версиям имеют одинаковую силу, но по содержанию взаимоисключают друг друга, говоря математическим языком, имеют разную направленность ($|S1|=|S2|$ и $S1=-S2$). Предъявление указанных вопросов в паре, по своей сути, является единичным экспериментом, цель которого – регистрация двух психофизиологических реакций с их последующей интерпретацией (сравнением между собой).

Математическая модель метода взаимных исключений представлена математической формулой:

$$R = \frac{\sum_{i=1}^n f_i}{n},$$

где n – количество повторений f_i ; $\sum_{i=1}^n f_i$ – сумма всех психофизиологических реакций на предъявляемые стимулы по взаимоисключающим версиям; R – величина преобладаний реакций по одной из взаимоисключающих версий.

При использовании метода взаимных исключений используется универсальный экспериментальный сценарий (на примере исследования по хищению):

1. Предтестовая (а также внутритестовая) беседа, включающая в себя:

1.1. объяснение процедуры психофизиологического тестирования, описание полиграфа и принципа его работы;

1.2. опрос тестируемого лица: рассказ тестируемым произошедшего, изложение им версий о причастности кого-либо, изложение информации о своей причастности/непричастности;

1.3. уточнение психофизиологического состояния тестируемого на предмет противопоказаний к прохождению психофизиологического исследования с использованием полиграфа (ПФИиП): факт приема определенных лекарственных средств, состояние сильной усталости, состояние алкогольного или наркотического опьянения, признаки болезни, способные повлиять на процесс исследования;

1.4. зачитывание вопросов: при зачитывании вопросов теста, составленного по МВИ, вопросы по версии 1 и версии 2 обсуждались и пояснялись до полного понимания тестируемым смысла задаваемых вопросов;

1.5. предложение заполнить заявление о добровольном согласии тестируемого лица на производство в отношении него психофизиологического исследования (при изъятии им добровольного согласия);

1.6. одевание датчиков, краткое описание принципа их работы;

1.7. указания о поведении в момент непосредственного съема полиграмм: не двигаться, смотреть прямо перед собой, не говорить ничего, кроме «да» и «нет», дышать как обычно, внимательно слушать полиграфолога, сосредоточиться на вопросах специалиста;

2. Непосредственное тестирование:

2.1. предъявление (одно предъявление) теста «Фоновые показатели» («тест на имя»): тест составлен по поисковому методу известного решения (схема 01 Н1 Н2 Н3 31 Н4 Н5) следующего примерного содержания (меняется значимый вопрос в зависимости от имени тестируемого лица; меняются имена в зависимости от пола тестируемого лица):

01 Вас зовут Иван?

Н1 Игорь?

Н2 Дмитрий?

Н3 Олег?

31 Евгений?

Н4 Андрей?

Н5 Александр?

2.2. предъявление (4 предъявления) теста МВИ: составлен по схеме 01 Н1 11-21 Н2 12-22 Н3 13-23 Н4 с взаимоисключающим понятием «сговор / сам» следующего содержания:

01 В данном тесте речь пойдет о Вашей возможной причастности к хищению такого-то числа денежных средств из сейфа в кабинете бухгалтерии ООО «Название», расположенного по адресу: «адрес», Вам понятно?

Н1 Вопросы теста Вам понятны?

11 Вы в сговоре с кем-либо хищение денежных средств такого-то числа из сейфа бухгалтерии ООО «Название» совершали?

21 Вы без сговора с кем-либо хищение денежных средств такого-то числа из сейфа бухгалтерии ООО «Название» совершали?

Н2 Вы в здании?

12 Вы вместе с кем-либо в хищении денежных средств такого-то числа из сейфа бухгалтерии ООО «Название» участвовали?

22 Вы один без кого-либо в хищении денежных средств такого-то числа из сейфа бухгалтерии ООО «Название» участвовали?

Н3 Вы в городе?

13 Вы совместно с кем-то наличные такого-то числа из сейфа бухгалтерии ООО «Название» крали?

23 Вы сами без кого-либо наличные такого-то числа из сейфа бухгалтерии ООО «Название» крали?

Н4 Вы меня слышите?

В заключении Решения патентной комиссии о выдаче патента на изобретение «Метод взаимных исключений Лосева–Миллера» [8], а также в Официальном бюллетене Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатент) № 30-2014 от 27.10.2017 «Изобретения. Полезные модели» о методе взаимных исключений сказано: «Определение и анализ психогенеза проводят с использованием полиграфа, а конструирование вопросов двух взаимоисключающих версий, индикацию и обработку данных ПФТ [психофизиологического тестирования] проводят с помощью компьютера с адекватным программным обеспечением. Способ обеспечивает повышение информативности, точности, достоверности, объективности результатов ПФТ по сравнению

с ранее известными тестами до 90–95 %, с исключением искажения и амбивалентности результатов».

Исходя из практики экспертных психофизиологических исследований, одной из проблемных сторон полиграфных тестов является необходимость учитывать индивидуальные психологические различия подэкспертного, а также его актуальное психоэмоциональное состояние, которое, по мнению многих полиграфологов, непосредственно влияет на ход исследования и отражается на результатах экспертизы, поскольку «умственная деятельность человека всегда сопровождается определенным нервно-психическим и эмоциональным напряжением» [1, 53]. Молчанов А.Ю. и Оглоблин С.И. писали, что для психофизиологического исследования квалифицированная диагностика актуального психического состояния тестируемого имеет большое значение для понимания того, находится ли обследуемый в рамках «оптимального психофизиологического коридора», и в зависимости от этого вести предтестовую беседу [5, 185] и дальнейшее обследование. Также в работе полиграфолога важны оба типа тревожности (личностная и ситуативная), поскольку личностная тревожность или высокий уровень ситуативной тревожности личности могут повлиять на результаты полиграфологического исследования и дать искаженные реакции [9, 82]. При этом уже научно доказано, что при использовании метода взаимных исключений высокий и повышенный уровень тревожности не влияет (не искажает) на результаты психофизиологического исследования (экспертизы) с использованием полиграфа (в отличие от результатов тестирования при использовании метода контрольных вопросов, которые более чем на 60 % искажаются в связи с влиянием определенного эмоционального фона тестируемого лица).

При обчете полиграмм возможно использование как вертикального, так и горизонтального метода обчета. Результаты, полученные при использовании теста, составленного по методу взаимных исключений, соответствуют требованиям, предъявляемым к научным исследованиям в рамках судебной экспертизы, в том числе:

- «Эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе, в пределах соответствующей специальности, всесторонне и в полном объеме. Заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных» (ст. 8 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» № 73-ФЗ от 31.05.2001 [10]);

- «Эксперт обязан ... дать обоснованное и объективное заключение по поставленным перед ним вопросам ...» (ч. 1 ст. 85 ГПК РФ [2]);

- «... В заключении эксперта ... должны быть даны обоснованные ответы на поставленные перед экспертом вопросы и сделаны выводы» (ч. 5 ст. 26.4 КоАП РФ [3]).

Использование метода взаимных исключений Лосева–Миллера в опросе с использованием полиграфа при отборе резерва управленческих кадров на выдвижение позволяет повысить эффективность проведения отбора, существенно сократить объем экспериментальных исследований, что дает возможность значительно снизить затраты материальных ресурсов, денежных средств и времени на производство судебной экспертизы, поднять и повысить качественные показатели результатов психофизиологического исследования, что дает возможность уверенно использовать выводы ПФЭиП в работе суда, следствия и дознания.

Таким образом, метод взаимных исключений, несмотря на свою относительную молодость (патент получен в 2014 году), уже зарекомендовал себя как абсолютно точный инструмент при работе с полиграфом, позволяет получать точные научно выверенные и объективные результаты, давать конкретный ответ о причастности либо не причастности тестируемого лица.

Использование метода взаимных исключений Лосева–Миллера:

- исключает влияние высокого и повышенного уровня тревожности на результаты ПФИиП и психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа (ПФЭиП);

- позволяет получать точные и объективные результаты;

- исключает необходимость многократного повторения тестирования с целью получения «читаемых» полиграмм;
- позволяет снизить человекозатраты и, соответственно, финансовые затраты;
- имеет научную основу;
- позволяет применять математический (то есть точный) обсчет при расшифровке полиграмм;
- характеризуется отсутствием влияния личности специалиста на тестируемого;
- решает многолетнюю проблему поиска универсальной контрольной темы;
- характеризуется отсутствием необходимости мотивировать и создавать ложную реальность у тестируемого лица (для мотивации контрольной темы), поскольку оба вопроса в паре являются значимыми и излагают одно и то же событие [4, 183];
- соответствует законодательным требованиям к методам, применяемым в ходе судебной экспертизы.

Следует отметить, что использование экспертом-полиграфологом ненаучных методов в ходе производства судебных психофизиологических экспертиз с использованием полиграфа компрометирует психофизиологическое исследование (судебную психофизиологическую экспертизу) и вызывает недоверие компетентных органов к данной области исследования.

В связи с чем в ходе психофизиологического исследования с использованием полиграфа, в том числе по вопросам, связанным со служебными разбирательствами, может быть рекомендовано использование метода взаимных исключений Лосева–Миллера как исключающего влияние высокого и повышенного уровня тревожности на результаты ПФИиП и ПФЭиП, позволяющего получать точные результаты, исключающего необходимость многократного повторения тестирования с целью получения читаемых полиграмм.

Литература

1. Варламов В.А., Варламов Г.В. Компьютерная детекция лжи. М., 2010.
2. Гражданский процессуальный кодекс РФ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570
3. Кодекс РФ об административных правонарушениях [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661
4. Лосев А.В. [и др.]. Энциклопедия полиграфа: учеб. пособие. М., 2016.
5. Оглоблин С.И., Молчанов А.Ю. Инструментальная «детекция лжи»: академический курс. Ярославль, 2004.
6. Приказ Минюста РФ от 25.05.2011 № 165 «Об организации проведения психофизиологических исследований с применением полиграфа в уголовно-исполнительной системе» (вместе с «Инструкцией об организации проведения психофизиологических исследований с применением полиграфа в уголовно-исполнительной системе») [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115229
7. Приказ ФСБ России от 23.06.2011 № 277 (ред. от 12.05.2015) «Об организации производства судебных экспертиз в экспертных подразделениях органов федеральной службы безопасности» (вместе с «Инструкцией по организации производства судебных экспертиз в экспертных подразделениях органов федеральной службы безопасности») [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_119283
8. Решение патентной комиссии о выдаче патента на изобретение «Метод взаимных исключений Лосева–Миллера» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.freepatent.ru/patents/2531645>
9. Тынышбаева А.А., Жуматова Н.Ж. Исследование проблемы тревожности личности в полиграфологических исследованиях // «Наука и мир». Международный научный журнал. 2015. № 6. Т. 2.
10. Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» №73-ФЗ от 31.05.2001 [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871

Сопротивление персонала инновационным преобразованиям в компании и способы его преодоления

Staff Resistance to Innovative Transformations in the Company and the Ways of its Overcoming

М. ГАЙФУЛЛИНА, Г. НИЗАМОВА

Гайфуллина Марина Михайловна, канд. экон. наук, доцент кафедры «Экономика и управление на предприятии нефтяной и газовой промышленности» Института нефтегазового бизнеса Уфимского государственного нефтяного технического университета (ИНБ УГНТУ). E-mail: marina_makova@list.ru

Низамова Гульнара Закиевна, канд. экон. наук, доцент кафедры «Экономика и управление на предприятии нефтяной и газовой промышленности» ИНБ УГНТУ. E-mail: Gulya182004@list.ru

В статье предложен подход к количественной оценке отношения персонала к инновационным преобразованиям в компании. Предложена методика оценки отношения персонала к инновационным преобразованиям в компании с использованием социологического подхода. Рассмотрены факторы, влияющие на характер отношения персонала компании к инновационным преобразованиям. Предложены способы преодоления сопротивления персонала инновационным преобразованиям в компании.

Ключевые слова: персонал, человеческие ресурсы, инновации, инновационные преобразования, сопротивление, преодоление сопротивления, факторы мотивации.

In the article the approach to the quantitative estimation of the personnel attitude to innovative transformations in the company is offered. A methodology for assessing the attitude of personnel to innovative transformations in a company using a sociological approach is proposed. Factors influencing the nature of the attitude of the company's personnel to innovative transformations are considered. Ways to overcome the resistance of personnel to innovative changes in the company are proposed.

Key words: personnel, human resources, innovations, innovative transformations, resistance, overcoming of resistance, factors of motivation.

Перспективы развития компании в значительной степени определяются таким ключевым фактором экономического роста, как инновации. При этом наибольшее внимание в инновационном развитии компании в настоящее время уделяется именно управлению персоналом, его мотивации, обучению, организационному развитию.

Исследования инновационных процессов на промышленных предприятиях демонстрируют неоднозначное отношение человеческих ресурсов к инновационным преобразованиям. По такому критерию, как отношение к инновациям, персонал можно разделить на три большие группы: персонал, поддерживающий инновационные преобразования; персонал, нейтрально относящийся к инновационным преобразованиям; персонал, оказывающий сопротивление инновационным преобразованиям.

Методика оценки отношения персонала к инновационным преобразованиям в компании. Для эффективного инновационного развития компании необходим инструментарий, применение которого способствовало бы эффективному управлению отношением персонала к инновационным преобразованиям в компании. При этом под сопротивлением персонала инновационным преобразованиям нами понимается негативная реакция со стороны человеческих ресурсов, которая приводит к затруднениям при внедрении инноваций. Формами проявления негативного отношения персонала к инновационным преобразованиям являются жалобы, проволочки, саботаж, падение интенсивности труда и др. Таким образом, перед началом инновационных преобразований в компании должна быть проведена оценка отношения персонала к этим преобразованиям.

Проблемой преодоления сопротивления персонала организационным изменениям занимались такие отечественные и зарубежные ученые, как Ансофф И., Андреева Т., Базаров Т., Бакланова Ю., Барнет У., Борисова Л., Бульба М., Вороновицкий М., Давыдов В., Дорофеева Г.,

Деван М., Джорж Дж., Джоунс Г., Дусавицкий А., Ильиных С., Керол Г., Корнеева Е., Коттер Д., Курбанова А., Лепа Р., Магур М., Мадых А., Найпак Д., Пащенко Д., Пригожин А., Тич Н., Трубочанина В. и многие другие ученые.

Исследовав теоретические основы оценки сопротивления персонала инновационным преобразованиям, можно сделать вывод, что до сих пор не выработана единая концепция методологии оценки степени сопротивления персонала инновационным преобразованиям и разработке механизмов снижения данного сопротивления. Проведенный анализ научных работ показал, что большинство авторов подходит к изучению сопротивления персонала инновационным преобразованиям с точки зрения отдельных узких вопросов: рассматриваются отдельные аспекты инновационного развития компании [14; 15], факторы развития [1; 2; 11] и роль в данном развитии человеческого фактора [4; 6], исследуются риски, связанные с деятельностью персонала и его сопротивлением нововведениям [5; 13; 16], рассматриваются особенности снижения сопротивления персонала при реализации отдельных проектов [3], исследуются проблемы, причины и факторы сопротивления персонала инновациям [8; 10], предлагаются стратегии управления персоналом в зависимости от модели организационных изменений на предприятии [12].

Алгоритм оценки отношения персонала к инновационным преобразованиям в компании

Рассмотрение различных аспектов проблемы сопротивления персонала инновационным преобразованиям в компании позволяет комплексно подойти к данной проблеме. При этом одной из актуальных проблем в настоящее время остается количественная оценка степени возможного сопротивления персонала инновационным преобразованиям в компании, которая бы позволила однозначно определить характер отношения к планируемым преобразованиям и выработать рекомендации. Нами предпринята попытка представить подход, который бы позволил количественно оценить возможное отношение сотрудников компании к инновационным преобразованиям и разработать управленческие решения по снижению сопротивления персонала инновационным преобразованиям. Предлагаемый нами алгоритм количественной оценки возможного отношения сотрудников компании к инновационным преобразованиям представлен на рисунке.

На *первом этапе* формулируется цель оценки отношения персонала к инновационным преобразованиям. Основной целью анализа является определение возможного характера отношения персонала к инновационным преобразованиям в компании, что, в свою очередь, позволяет сформировать стратегию управления персоналом в условиях инновационного развития компании.

На *втором этапе* разрабатывается анкета, которая бы позволила оценить возможное отношение сотрудников к преобразованиям в компании. Возможные вопросы анкеты приведены в таблице 1.

Таблица 1

Вопросы анкеты по оценке возможного отношения сотрудников компании к инновационным преобразованиям

Вопрос	Возможные варианты ответов
1. Позволят ли планируемые инновационные преобразования реализовать Ваш творческий потенциал? Хотите ли Вы этого?	1) да; 2) нет; 3) мне это не важно.
2. Хотите ли Вы ощущать причастность к планируемым инновационным преобразованиям?	1) да; 2) нет; 3) мне это не важно.
3. Понимаете ли Вы целесообразность планируемых инновационных преобразований?	1) да; 2) нет; 3) мне это не важно.
4. Как Вы думаете, улучшат ли планируемые инновационные преобразования Ваше положение в организации? Как Вы думаете, продвинетесь ли Вы по карьерной лестнице после реализации инновационных преобразований?	1) да; 2) нет; 3) мне это не важно.
5. Повысите ли Вы свою активность в работе, если в компании начнут внедряться инновационные преобразования?	1) да; 2) нет; 3) мне это не важно.
6. Уверены ли Вы в своих собственных силах, хватит ли Вам профессиональных знаний и навыков, если в компании начнутся инновационные преобразования?	1) да; 2) нет; 3) мне это не важно.
7. Хватает ли Вам информации по поводу предстоящих инновационных преобразований?	1) да; 2) нет; 3) мне это не важно.
8. Мотивированы ли Вы на инновационные преобразования в компании?	1) да; 2) нет; 3) мне это не важно.
9. Как Вы думаете, согласованы ли действия руководства в планируемых инновационных преобразованиях?	1) да; 2) нет; 3) мне это не важно.
10. Вызывают ли у Вас доверие инициаторы инновационных преобразований?	1) да; 2) нет; 3) мне это не важно.

На *третьем этапе* проводится анкетирование сотрудников по разработанной социологической анкете. Анкетирование сотрудников позволит выявить их возможное отношение к планируемым в компании инновационным преобразованиям. По результатам анкеты проводится оценка возможной степени реакции i -го сотрудника компании на инновационные преобразования.

На *четвертом этапе* осуществляется обработка анкет. Для обработки анкет предлагается использовать балльный метод оценки со шкалой +1, -1, 0. При этом:

- за каждый положительный ответ проставляется один положительный балл ($a_{ij} = \langle +1 \rangle$, где i – порядковый номер опрашиваемого сотрудника, j – порядковый номер вопроса в анкете);
- за каждый отрицательный ответ проставляется один отрицательный балл ($a_{ij} = \langle -1 \rangle$);
- за каждый нейтральный ответ (затрудняюсь ответить): $a_{ij} = \langle 0 \rangle$ [7].

Максимальное количество баллов у сотрудника – 10 ($a_i \max = 10$), что соответствует абсолютной поддержке преобразований, доверию и готовности к внедрению инноваций.

Минимальное количество баллов – -10 баллов ($a_i \min = -10$), что соответствует полному неприятию преобразований.

На *пятом этапе* рассчитывается средняя балльная оценка возможного отношения персонала компании к инновационным преобразованиям.

Средняя балльная оценка отношения персонала компании к инновационным преобразованиям определяется как среднеарифметическая оценок:

$$A = \sum_{i=1}^n a_i,$$

где a_i – балльная оценка ответов i -го сотрудника на реакцию инновационных преобразований; n – количество сотрудников, участвующих в опросе.

На *шестом этапе* определяется возможный характер отношения персонала компании к инновационным преобразованиям. Для этого используем шкалу оценки возможного отношения сотрудников компании к инновационным преобразованиям (табл. 2).

Таблица 2

Шкала оценки возможного характера отношения сотрудников компании к инновационным преобразованиям

Балльная оценка отношения сотрудников компании к инновационным преобразованиям	Характер отношения к инновационным преобразованиям
$6 \leq A \leq 10$	Поддержка инновационных преобразований
$0 \leq A \leq 5$	Нейтральное отношение к инновационным преобразованиям
$-5 \leq A \leq -1$	Скрытое сопротивление инновационным преобразованиям
$-10 \leq A \leq -6$	Значительное сопротивление инновационным преобразованиям

Шкала в интегрированном виде устанавливает соответствие между ответами сотрудников относительно их реакции на инновационные преобразования и балльной оценкой этой реакции.

На *седьмом этапе* по результатам оценки возможного характера отношения сотрудников компании к инновационным преобразованиям разрабатываются управленческие решения.

Факторы, влияющие на характер отношения персонала компании к инновационным преобразованиям. Основными факторами, влияющими на характер отношения персонала к инновационным преобразованиям в компании, являются:

- 1) корпоративная культура компании;
- 2) степень информированности о планируемых инновационных преобразованиях;
- 3) уровень мотивации персонала.

Для оценки наиболее значимых факторов, оказывающих негативное влияние на планируемые инновационные преобразования в компании, в первую очередь анализируются вопросы, на которые было дано наибольшее число отрицательных ответов.

Основными причинами значительного сопротивления персонала инновационным преобразованиям являются:

- страх перед неизвестностью последствий перемен, потерей своего статуса, страх возможной утратой своего статуса, боязнь оказаться лишним в компании;
- низкий уровень корпоративной культуры;
- недостаток информации у сотрудников компании о планируемых или проводимых инновационных преобразованиях;
- недостаточная мотивация участия сотрудников компании в инновационных преобразованиях;
- отсутствие согласованности в действиях руководства;

- использование при реализации инновационных преобразований преимущественно авторитарного стиля руководства;
 - недоверие персонала к инициаторам инновационных преобразований [9].
- Факторы, влияющие на инновационные преобразования, представлены в таблице 3.

Таблица 3

**Факторы, влияющие на характер отношения персонала компании
к инновационным преобразованиям**

Факторы, способствующие поддержке инновационных преобразований	Факторы, вызывающие сопротивление инновационным преобразованиям
<i>1. Личные интересы работников</i>	
Ожидания по результатам преобразований: улучшение материального благосостояния; рост возможностей для самоутверждения; полное использование знаний, умений, навыков и компетенций; расширение прав и сокращение обязанностей; повышение социального статуса; карьерный рост.	Ожидания по результатам преобразований: ухудшение материального благосостояния; снижение возможностей для самоутверждения; полное использование знаний, умений, навыков и компетенций; сокращение прав и расширение обязанностей; ухудшение социального статуса; снижение карьерного статуса.
<i>2. Отношения с другими работниками</i>	
Ожидания по результатам преобразований: улучшение взаимоотношений с коллегами, подчиненными, руководством; улучшение морально-психологического климата в коллективе; улучшение отношений с руководством, снижение конфликтности и соперничества в коллективе; сохранение традиций, ценностей и норм коллектива.	Ожидания по результатам преобразований: ухудшение взаимоотношений с коллегами, подчиненными, руководством; ухудшение морально-психологического климата в коллективе; рост конфликтности и соперничества в коллективе, разрушение традиций, ценностей и норм коллектива.
<i>3. Характер и содержание труда</i>	
Ожидания по результатам преобразований: повышение интереса к работе; снижение напряженности и интенсивности труда; улучшение режима труда; улучшение условий труда.	Ожидания по результатам преобразований: снижение интереса к работе; повышение напряженности и интенсивности труда; ухудшение режима труда; ухудшение условий труда.

Управленческие решения по снижению сопротивления персонала инновационным преобразованиям в компании. По результатам расчетов по предлагаемому подходу могут быть рекомендованы следующие управленческие решения:

- введение дополнительных поддерживающих сил;
- профилактика сопротивления инновационным преобразованиям;
- устранение сдерживающих сил;
- преобразование сдерживающих сил в поддерживающие инновационные преобразования силы.

В случае, если по результатам оценки выявилось значительное сопротивление персонала инновационным преобразованиям (балльная оценка отношения сотрудников компании к инновационным преобразованиям находится в границе $-10 \leq A \leq -6$), общими рекомендациями по управлению значительным сопротивлением инновационных преобразований являются следующие:

- повышение информированности персонала о планируемых инновационных преобразованиях для снижения страха коллектива перед неизвестностью;
- создание системы мотивации сотрудников к дополнительному участию в инновационных преобразованиях компании;
- создание открытой информационной среды путем проведения систематических собраний коллектива, выпуска корпоративной газеты, информационных листков, посвященных инновационным преобразованиям;
- постепенное формирование новой инновационной культуры и идеологии организации.

Таким образом, успех проводимых инновационных преобразований в компании зависит не только от производственных аспектов, но и от факторов, определяющих эмоциональные, мотивационные и поведенческие установки персонала.

Предлагаемый подход к оценке отношения персонала к инновационным преобразованиям в компании позволяет выявлять и определять возможное негативное отношение персонала к инновационным преобразованиям в компании, оценивать силу негативного отношения, что может быть использовано для выработки адекватных характеру сопротивления мер по профилактике и преодолению значительного сопротивления.

Литература

1. Burenina I., Evtushenko E., Kotov D., Battalova A., Gaifullina M., Gamilova D. Integral Assessment of the Development of Russia's Chemical Industry // Journal of Environmental Management and Tourism. 2017. Vol. 8. № 5. P. 1075–1085.
2. Gajfullina M.M., Nizamova G.Z., Musina D.R., Alexandrova O.A. Formation of strategy of effective management of fixed production assets of oil company // Advances in Economics, Business and Management Research. 2017. Vol. 38. P. 185–190.
3. Бакланова Ю.О., Бульба М.В. Планирование проекта по снижению сопротивления персонала при реализации проектного управления инновациями // Современные технологии управления. 2011. № 12. С. 1–11.
4. Гайфуллина М.М. Интегральный подход к оценке кадрового потенциала предприятия // Вестник ВЭГУ. 2015. № 4. С. 22–33.
5. Гайфуллина М.М. Методический подход к оценке кадровых рисков нефтяной компании // Электронный научный журнал «Нефтегазовое дело». 2015. № 5. С. 613–629.
6. Гайфуллина М.М., Ибрагимова Н.В. Управление персоналом и интеллектуальной собственностью в инновационном малом и среднем бизнесе: учеб.-метод. комплекс. Уфа: Изд-во УГНТУ, 2010. 385 с.
7. Гайфуллина М.М., Низамова Г.З. Алгоритм оценки отношения персонала к инновационным преобразованиям в компании // Евразийский юридический журнал. 2017. № 6. С. 281–283.
8. Ильиных С.А., Михайлова Е.В. Инновации в организациях: внедрение и сопротивление // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 86–90.
9. Корнеева Е.Н. Оценка отношения персонала к инновациям как основа выработки мер по управлению изменениями на промышленных предприятиях // Российское предпринимательство. 2008. № 2. С. 15–19.
10. Курбанов А.Х., Крон Л.А. Сопротивление персонала организации внедрению управленческих инноваций: причины, проблемы и пути решения // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. 2013. № 8. С. 22–25.
11. Лейберт Т.Б., Гайфуллина М.М., Халикова Э.А. Уровень и динамика производительности труда в топливно-энергетическом комплексе: анализ с учетом вариативности подходов // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2015. № 2. С. 46–52.
12. Лепа Р.Н., Трубочанин В.В., Холковская О.А. Концепция обеспечения поддержки персоналом внедрения инноваций на предприятии // Вестник Института экономических исследований. 2016. № 3. С. 14–27.
13. Маков В.М. Оценка рисков при найме персонала нефтегазового предприятия // Вестник экономики и менеджмента. 2016. № 4. С. 24–30.
14. Низамова Г.З., Гайнанова И.М. Определяющие факторы эффективности инновационной деятельности организаций // Прорывные экономические реформы в условиях риска и неопределенности: материалы междунар. науч.-практ. конф. Уфа, Аэтерна, 2015. С. 78–81.
15. Низамова Г.З., Мусина Д.Р. Прогнозирование инновационной деятельности нефтегазовых компаний // Интернет-журнал «Науковедение». 2016. № 4. Т. 8. [Электронный ресурс]. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/05EVN416.pdf>.
16. Фролов В.Е., Маков В.М., Земцова В.Д. Экономическая сущность и виды кадровых рисков нефтегазового предприятия // Вестник молодого ученого УГНТУ. 2015. № 2. С. 66–72.

Внедрение эффективного контракта как средство повышения трудового потенциала

Implementation of an Effective Contract as a Means of Increasing Labor Potential

Г. БРИЧКИНА, А. КИЛЬМАМЕТОВА

Бричкина Гульназ Радиковна, магистрант кафедры социологии труда и экономики предпринимательства Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета (ИНЭФБ БашГУ). E-mail: gulnaz_brichkin@rambler.ru

Кильмамбетова Алина Гумеровна, магистрант кафедры социологии труда и экономики предпринимательства ИНЭФБ БашГУ. E-mail: alinka_ma@mail.ru

В статье рассмотрено содержание методов повышения трудового потенциала работников с учетом внедрения системы эффективного контракта. В ходе работы были даны определения терминам «эффективный контракт» и «трудоустройство». В результате анализа были выявлены недостатки существующего процесса стимулирования работников: формальный характер применения введенных критериев и показателей, использование малоэффективных стимулирующих выплат и недостаточная проработка показателей эффективности. В качестве одного из методов повышения трудового потенциала было предложено пересмотреть существующие методы оценки трудовой деятельности и включить в показатели эффективности новые критерии оценки.

Ключевые слова: трудовой потенциал, эффективный контракт, трудовая деятельность, оценка эффективности, критерии эффективности, трудовые ресурсы, оценка трудового потенциала.

The article considers the content of methods for increasing the labor potential of workers, taking into account the introduction of an effective contract system. In the course of the work, the terms «effective contract» and «labor potential» were defined. Based on the results of the analysis, the shortcomings of the existing employee incentive process were identified: the formal nature of the application of the established criteria and indicators, the use of inefficient incentive payments, and insufficient analysis of performance indicators. As one of the methods of increasing the labor potential, it was suggested that the existing methods of assessing work activity be reviewed and that new measures of evaluation.

Key words: labor potential, effective contract, labor activity, efficiency evaluation, efficiency criteria, labor resources, labor potential assessment.

Одной из важнейших экономических задач современной организации является повышение трудового потенциала работников. В качестве наиболее результативного метода стимулирования труда ряд исследователей называют использование системы «эффективного контракта».

Термин «эффективный контракт» был впервые использован В.В. Путиным в статье «Строительство справедливости. Социальная политика для России» [3] и в дальнейшем нашел активное применение в разработке технологии повышения трудового потенциала работников.

В Распоряжении Правительства РФ от 26.11.2012 № 2190-р дано определение эффективного контракта как «трудового договора с работником, в котором конкретизированы его должностные обязанности, условия оплаты труда, показатели и критерии оценки эффективности деятельности для назначения стимулирующих выплат в зависимости от результатов труда и качества оказываемых государственных (муниципальных) услуг, а также меры социальной поддержки» [5].

Введение системы эффективных контрактов позволяет, по мнению ряда исследователей, скорректировать изъяны существующего способа организации оплаты труда, разработанного в течение последних десятилетий [4, 139].

С точки зрения Е.В. Михалкиной и В.А. Алешина [2, 89], внедрение эффективного контракта как одного из институтов управления и регулирования социально-трудовых отношений является закономерным шагом в системе воздействия на процессы предоставления услуг в сфере нематериального производства. Авторы утверждают, что «проблемы обеспечения качества образовательных (медицинских и др.) услуг, развитие кадрового потенциала, совершенствование

процессов найма, оценки результатов труда, уровня удовлетворенности и мотивации работников закономерно ведут к оформлению трудовых отношений с работниками таким образом, чтобы установить зависимость оплаты труда от показателей, критериев и условий осуществления трудового процесса. Кроме того, эффективный контракт позволит сделать социально-трудовые отношения в сфере нематериального производства управляемыми, создать условия для повышения результативности академического труда».

В «Программе поэтапного совершенствования системы оплаты труда» Правительства РФ были отмечены следующие недостатки существующего процесса стимулирования работников:

- критерии и показатели эффективной трудовой деятельности работников бюджетной сферы недостаточно проработаны;
- применение введенных критериев и показателей носит формальный характер;
- используются малоэффективные стимулирующие выплаты при отсутствии четкого определения измеримого критерия.

Для оценки влияния эффективного контракта на трудовые ресурсы сотрудника необходимо дать четкое определение термину «трудовой потенциал».

Так, О.В. Кудрявцева предложила различать четыре основных аспекта термина «трудовой потенциал» [1, 31]:

1) отождествление трудового потенциала с трудовыми ресурсами в качественном и количественном отношении. В рамках данного подхода трудовой потенциал становится ресурсом, которым располагает общество, а численность трудоспособного населения и качественные характеристики определяют его реальное значение;

2) трудовой потенциал как элемент производственных отношений и производительных сил. В данной трактовке появляется возможность различать «трудовой потенциал» на каждом историческом этапе, в значимые показатели данного подхода вошли в том числе занятость, содержание труда, образовательный уровень населения, техническая составляющая труда и др.;

3) трудовой потенциал как совокупность трех составляющих: социальной, психофизиологической и интеллектуальной. Так, например, данный подход предполагает способность работника к самосовершенствованию, умение достигать заданных целей, работоспособность, выносливость, социальную зрелость, уровень самосознания и пр.;

4) трудовой потенциал как возможность выбора рода занятий и раскрытия индивидуальных качеств сотрудника. К данному подходу относится реализация работником внутренних ресурсов в условиях комфортной трудовой среды.

В ходе внедрения эффективного контракта для повышения трудового потенциала сотрудников видится логичным ввести оценку персонала, аттестацию работников, что позволит определить потенциальные направления развития, компетенции и навыки, необходимые для повышения качества трудовой деятельности.

Развивая трудовой потенциал сотрудников при помощи действенных методов стимулирования, основанных на дифференцированном подходе, можно преобразовать существующую систему управления труда работников. Также по результатам анализа трудового потенциала сотрудников видится возможным выявить основные показатели оценки итогов трудовой деятельности, высокий уровень которых позволяет стать основанием для соответствующих стимулирующих надбавок, ориентированных на достижение эффективных индивидуальных и коллективных результатов трудовых процессов.

В современных учреждениях, как правило, используется достаточно упрощенная форма оценки трудового потенциала работников. Так, в работе Е.П. Третьяковой и М.И. Бажановой приводятся несколько основных подходов к оценке трудового потенциала организации, в их числе [6, 77]:

- оценка социально-демографических характеристик персонала (возраст, пол, стаж работы, образование и т.д.);
- оценка совокупного фонда рабочего времени, возможного к отработке;
- стоимостная оценка трудового потенциала для организации с учетом суммы заработной платы персонала, фонда материального поощрения, затрат на обучение, переподготовку и повышение квалификации персонала.

Безусловно, предложенная система оценки трудовой деятельности не может предоставить достоверные показатели состояния трудового потенциала организации. Таким образом,

в соответствии с изложенным видится необходимым пересмотреть существующие критерии оценки с учетом попытки внедрения эффективного контракта. Также важно трансформировать существующие критерии эффективности, принятые большинством бюджетных организаций.

Опыт учреждений, в которых был внедрен эффективный контракт, показал, что для развития трудового потенциала работников необходимо соблюдение следующих правил:

- обязательное фиксирование в трудовом контракте работника всех выполняемых обязанностей с учетом необходимого минимума. Необходимо также определить временной промежуток, при котором будет проводиться оценка качества выполненной работы по фиксированным показателям;

- выстраивание системы эффективного контракта не должно быть основано на системе штрафов. Одним из условий внедрения эффективного контракта является система материального и нематериального поощрения, в связи с чем в качестве показателей эффективности также не должны использоваться субъективные критерии (оценка коллег или клиентов по неизмеряемым признакам);

- материальное стимулирование должно основываться на четко прописанной шкале личных достижений каждого сотрудника. Результаты достижений необходимо фиксировать в равные промежутки времени, оценка достижений должна проходить по индивидуальному методу для каждой группы работников.

В соответствии с вышеизложенным представляется, что развитие трудового потенциала работников должно включать следующие показатели эффективности:

- способность работника к самосовершенствованию. Для оценки показателей данного критерия необходимо разработать шкалу, в которой будут отображены результаты и навыки работника, полученные в определенный период времени. Данный критерий позволит выявить наиболее эффективных сотрудников, способных к дальнейшему росту в трудовой деятельности;

- методы, используемые работником в процессе достижения профессиональных целей, нестандартность мышления, креативность. Оценка данного критерия необходимо проводить в каждом отдельно взятом случае поставленной профессиональной задачи по разработанной балльной системе;

- результативность в достижении профессиональной цели. Данный критерий позволит определить коэффициент трудового участия сотрудника.

Таким образом, внедрение системы эффективного контракта призвано способствовать улучшению системы управления трудовой деятельности бюджетных учреждений. Тем не менее, общепринятая модель эффективного контракта не в состоянии в полной мере увеличить значение такого показателя, как трудовой потенциал. В результате проведенного исследования представляется важным пересмотреть существующие показатели эффективности и оценки трудового потенциала работника.

Литература

1. Кудрявцева О.В. Теоретические подходы к определениям «трудовой потенциал человека», «трудовые ресурсы», «рабочая сила» // Russian Journal of Agricultural and Socio-Economic Sciences. 2012. № 1. С. 31–38.
2. Михалкина Е.В., Алешин В.А. Эффективный контракт как институт социально-трудовых отношений в сфере высшего образования // Terra Economicus. 2013. № 3 (т. 11). С. 89–100.
3. Путин В.В. Строительство справедливости. Социальная политика для России // Путин. Итоги. 13.02.2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.putin-itogi.ru/2012/02/13/statya-v-v-putina-stroitelstvo-spravedlivosti-socialnaya-politika-dlya-rossii/>
4. Петрова Т.М., Сорвачева Ю.А., Гаркавенко Ю.А. Эффективный контракт как средство повышения качества образовательных услуг // Социально-экономические проблемы. 2015. № 1. С. 139–143.
5. Распоряжение Правительства РФ от 26.11.2012 № 2190-р (ред. от 14.09.2015) «Об утверждении Программы поэтапного совершенствования системы оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях на 2012–2018 годы».
6. Третьякова Е.П., Баженова М.И. Современный подход к оценке трудового потенциала организации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2010. № 7. С. 77–82.

Социальное инвестирование – перспективный инструмент развития социализации экономики

Social Investing Is a Promising Tool for the Development of Socialization of the Economy

Г. БИГЛОВА, Р. ХАЙРУТДИНОВ

Биглова Гузель Фатиховна, д-р экон. наук, доцент, заместитель директора по научной работе Института социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (ИСЭИ УФИЦ РАН). E-mail: biglou@list.ru

Хайрутдинов Руслан Асхатович, аспирант ИСЭИ УФИЦ РАН. E-mail: ra281274@mail.ru

В статье рассмотрены тенденции снижения реальной заработной платы и доходов населения, что обуславливает необходимость расширения социальной ответственности предприятий и организаций в современных условиях. Установлено, что социальное инвестирование является одной из перспективных форм реализации политики корпоративной социальной ответственности и развития процессов социализации экономики. Обоснована необходимость стандартизации методики оценки уровня социальных инвестиций в корпоративном секторе.

Ключевые слова: корпоративная социальная ответственность, социальное инвестирование, реальная заработная плата, условия труда, социализация экономики.

The article considers the declining trends in real wages and incomes, necessitating the extension of social responsibility of enterprises and organizations in modern conditions. It is established that social investment is one of the most promising forms of implementing the policy of corporate social responsibility. The necessity of standardizing the methodology for assessing the level of social investment in the corporate sector is proved.

Key words: corporate social responsibility, social investment, real wages, labor conditions, socialization of the economy.

Одним из основополагающих направлений развития современного общества в условиях становления постиндустриального хозяйственного уклада выступает социализация экономических отношений, что предопределяет удовлетворение растущих потребностей населения, создание предпосылок для формирования и эффективной реализации общекультурных и профессиональных компетенций, укрепления здоровья, повышения уровня жилищной обеспеченности и экономической безопасности. Усиление социальной ориентации общества наряду с повышением уровня материального благосостояния граждан предполагает создание среды, обеспечивающей рост уровня общей культуры, изменение состава потребностей, что выступает необходимым условием развития трудового потенциала, инициирования экономических и социальных инноваций, формирования траектории устойчивого социально ориентированного экономического роста. Таким образом, социализация экономических отношений выступает формой проявления процессов гуманизации современного общества, обусловленных достигнутым уровнем развития в рамках определенного технологического уклада и качественно новым составом потребностей индивидов, и одновременно является одной из предпосылок поступательной макроэкономической динамики.

В самом общем виде социализацию экономики можно представить как процесс интеграции частных и общественных начал, в рамках которого в производственной деятельности формируется приоритет развития человека и условий его жизнедеятельности. Она представляет собой важнейший этап развития экономической системы, по мере завершения которого экономика приобретает характеристику высокой социальной ориентированности.

Признание растущей роли процессов социализации экономических отношений в обеспечении поступательного развития общества обуславливает необходимость поиска инструментов их стимулирования, что, в свою очередь, предполагает учет совокупности формирующихся

противоречий. К примеру, социальное развитие в глобальном контексте в национальных экономиках на протяжении последних десятилетий характеризуется выделением в приоритет следующих направлений:

- повышение роли и значимости развития личности, накопления и реализации человеческого капитала;
- повышение уровня образования населения, в том числе за счет повышения уровня развития информационных технологий;
- увеличение продолжительности жизни и качества жизни пожилого населения;
- повышение уровня и качества жизни человека как предпосылок для развития человеческого капитала;
- снижение бедности, смертности, в том числе материнской и младенческой.

При этом особое значение в системе регулирования социальной сферы экономики приобрели вопросы увеличения запаса здоровья у человека, знаний, навыков, способностей, мотиваций, безопасности жизнедеятельности, которые содействуют как росту производительности его труда, принося доход в форме заработной платы, так и росту социально-экономического потенциала страны.

В этой связи системы здравоохранения и образования в контексте социального развития являются приоритетными во многих странах. Однако в моделях их развития источники различны: в одних странах акцент сделан на развитии за счет увеличения частных инвестиций в данных сферах, в других – за счет увеличения государственного финансирования и повышения его эффективности. В последние 10 лет в социально-экономической политике РФ реализуется, по сути, первая модель. Так, снижение объемов финансирования в сфере здравоохранения в 2017 году было запланировано на уровне 18 %. Доля расходов в ВВП в совокупности по обеим сферам составила в 2015 году 6,7 %, на 2016 год – 6,1 %. Данные тенденции сохраняются также на уровне региональных экономик, отражаясь в определенном качестве социальных сфер в муниципальных образованиях. Неудивительно, что в 2016 году Россия в мировом рейтинге по индексу человеческого развития заняла всего лишь 52 место.

Рост доходов населения, не связанный с инфляционным влиянием, традиционно рассматривается как один из наиболее очевидных признаков социализации экономических отношений. Ситуация в этой области в последние 2-3 года также складывалась не совсем благоприятно. Так, «...рост продолжительности рабочей недели привел к падению стоимости труда. Россияне работают все больше, но их доходы не растут: более 50 % сотрудников не получают должных надбавок» [3]. Согласно исследованиям Н. Тихоновой и А. Каравай, причиной переработок является скорее бесправие работников, а не их стремление к дополнительным заработкам. Профсоюзное движение в России не развито, работодатели в целом диктуют свои условия работникам, а за последние годы «норма эксплуатации» выросла [3].

Рассмотрим официальную статистику по показателю начисленной и реальной заработной платы (рис.1).

Как видно из представленных данных, наблюдается рост номинальной начисленной заработной платы, одновременно с чем реальная (в сопоставимых ценах к уровню 2010 года) зарплата почти не растет, а с 2014 года понижается. Такая динамика официальной статистики подтверждает выводы о растущей трудовой нагрузке на занятых и обострении проблемы эксплуатации труда. Этот аспект наиболее важен с точки зрения следующей особенности развития экономики: на этапе восстановительного роста экономики с 2008 по 2015 годы концентрация приоритетов вокруг задачи повышения уровня заработной платы в абсолютном выражении вполне оправдана. Однако на более поздних этапах формирования устойчивого роста экономики необходимо обращать внимание на качество этого роста, обуславливающего потенциал многих других показателей экономического развития [7, 79]. Общая концепция потенциалов развития территориальной экономики, обуславливающих формирование национальной безопасности в современных условиях, представлена на рисунке 2.

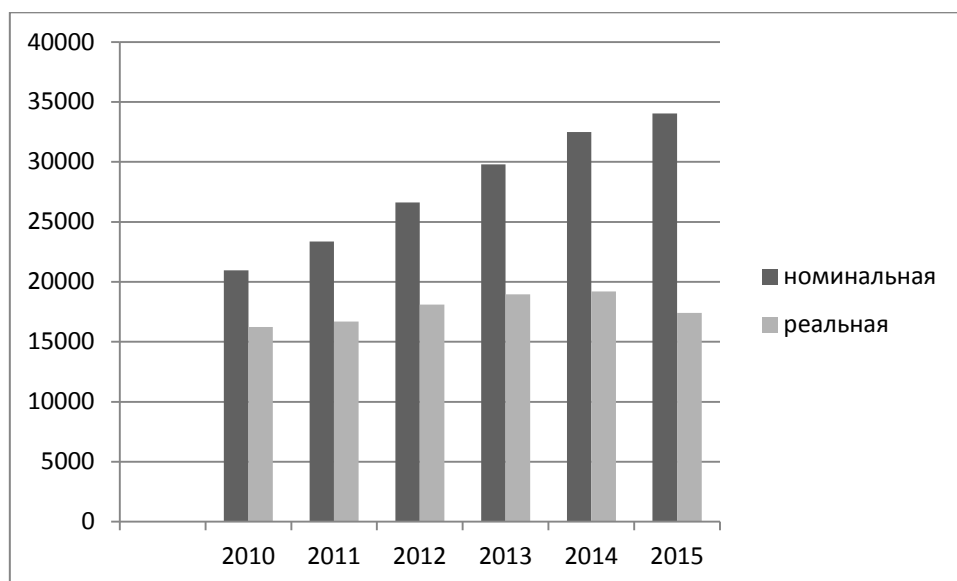

Рис. 1. Динамика номинальной начисленной и реальной заработной платы в России в сопоставимых ценах 2010 года, руб.
Рассчитано авторами на основе [5].

Рис. 2. Выбор ключевых потенциалов ТСЭС с позиции обеспечения национальной безопасности [6, 41]

Подробнее логика взаимосвязи представленных элементов изложена в монографии под редакцией Гайнанова Д.А. «Стратегическое управление потенциалом развития территориальных социально-экономических систем». В контексте нашего исследования наиболее актуальными являются проблемы формирования и реализации таких ключевых потенциалов территориального

развития, как трудовой и инновационный потенциал. Как было указано выше, в условиях снижения реальных доходов населения формирование качественного трудового и инновационного потенциала существенно затруднено. Это выражается как в появлении проблемы сокращения расходов на развитие его человеческого капитала, так и, в широком определении, «маргинализации» широких слоев общества – упрощении потребностей, среди которых в качестве основной выдвигается удовлетворение потребности в питании.

На рисунке 3 представлена динамика заработной платы в Республике Башкортостан. Разрыв между номинальной начисленной и реальной заработной платой существенно ниже, однако структура доходов в сравнении с другими регионами ПФО выглядит менее привлекательно. Так, в 2015 году в Республике Башкортостан наблюдался самый низкий удельный вес оплаты труда, такое положение сохраняется с 2005 года. В 2015 г. доля оплаты труда наемных работников составила 28,5 % в общем объеме денежных доходов, что на 6,8 % ниже, чем в 2005 г.

В то же время в Республике Башкортостан размер социальных выплат составил на 5,2 % больше в 2015 г., чем в 2005 г. Относительно больший удельный вес, чем в Республике Башкортостан, наблюдается в Чувашской Республике, в Кировской, Самарской и Саратовской областях [5].

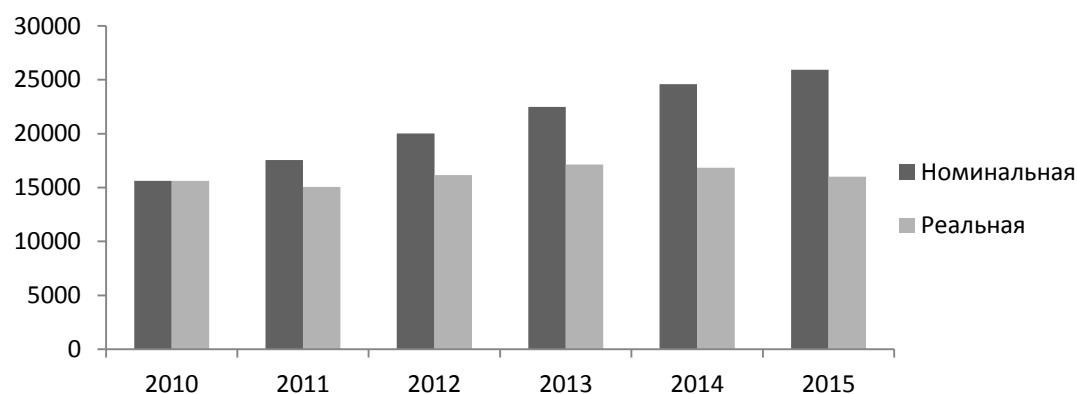

Рис. 3. Динамика номинальной начисленной и реальной заработной платы в Республике Башкортостан в сопоставимых ценах 2010 года, руб.

Рассчитано авторами на основе [5].

В связи с представленными данными очевиден факт недостаточности государственных ресурсов либо имеет место низкая эффективность проводимой политики распределения доходов и заработной платы в экономике. Соответственно, бремя социальных расходов неизбежно ложится на хозяйствующие субъекты, в том числе на корпоративный сектор, посредством реализации различных форм социального инвестирования в нем. Опыт крупнейших в мире корпораций демонстрирует нам их определяющую роль в социальном развитии своих трудовых ресурсов и территории, в конечном итоге. Так, национальная нефтяная компания Саудовской Аравии SaudiAramco, контролирующая 99 % запасов Саудовской Аравии и около четверти мировых разведанных запасов нефти, выполняет важную социальную роль как спонсор технического образования и подготовки кадров [9]. На программы по поиску, обучению и переподготовке кадров компания ежегодно затрачивает около 1 млрд долл., с 1953 г. компанией построено 130 государственных школ, а с 1994 г. Центр подготовки профессиональных кадров компании ежегодно присуждает 4800 грантов саудовским студентам, обучающимся в зарубежных университетах [8, 113].

Практика отечественных компаний, являющихся крупными налогоплательщиками, сосредоточилась в области создания оптимальных условий труда и отдыха, охраны здоровья и поддержки здорового образа жизни, специальных программ по жилищному кредитованию, создание безопасных условий на производстве [4]. Расходы на повышение квалификации, по сути, также являются инвестицией в человека, но компании эти расходы выносят за пределы социальных программ. В сфере малого и среднего бизнеса, в силу незначительной капитализации компаний,

сложнее поддерживать такие социальные пакеты. Однако определенные средства на социальные расходы все же выделяются. Среди направлений инвестиций можно отметить ДМС, оплату проезда до места отдыха либо путевки на отдых (поощрительная мера).

Для более полного понимания социального инвестирования необходимо рассмотреть специфику развития корпоративной социальной ответственности (КСО). В широком смысле корпоративное социальное инвестирование – это предоставление денежных средств и нефинансовых ресурсов компании (материальных, управленческих, технологических, информационных, трудовых и других) для решения социально значимых задач с целью получения определенного социального и экономического эффекта. Узкое понимание этой категории предполагает только финансовую поддержку социальных программ и проектов [2, 32]. В то же время сформировалась еще одна особенность – предприятия в России осуществляют инвестирование лишь на территории непосредственного функционирования.

В наиболее общем виде классификация социальных инвестиций представлена в таблице.

Классификация социальных инвестиций компании [1, 748]

№ п/п	Признак	Виды инвестиций
1	Субъект инвестиций	Корпоративные, частные, фондовые
2	Направление инвестиций	Образование, здравоохранение, безопасные условия труда, добросовестная деловая практика, инвестиции в местное сообщество, экология и др.
3	Условия возникновения инвестиций	Вынужденные, добровольные
4	Предмет инвестиций	Финансовые, экспертные, инвестиции производимого блага, товарные (закупка необходимых товаров на стороне)
5	Периодичность инвестиций	Единоразовые, программные, системные
6	Характер инвестиций	Устойчивый, чистый, зеленый, этический и др.

В контексте повышения эффективности регионального управления подход к социальному инвестированию должен быть актуализирован также на всех уровнях государственного регулирования. Как прозвучало совсем недавно в Посланиях Президента РФ и Главы Республики Башкортостан, роль социальных аспектов в политике значительно возросла, так же, как и возросло внимание к потребностям и нуждам самого человека. Чтобы стимулировать процесс социализации экономики посредством социального инвестирования, необходимо на региональном уровне разработать общие критерии, позволяющие отделять социальные инвестиции от остальных, после чего необходимо осуществить разработку нормативных документов, направленных на стимулирование как внутренних, так и внешних социальных инвестиций крупных региональных компаний или корпораций.

С целью оценки уровня развитости социального инвестирования и влияния его на процесс социализации экономической системы необходимо разработать специальную методику, на основе которой необходимо вести системный мониторинг в регионах РФ. В ходе последующих исследований нами запланирована разработка методики и вариантов расчета индикаторов состояния социального инвестирования в регионах. Внедрение стандартизированной методики в корпоративном секторе позволит каждой компании более четко структурировать свою управленческую деятельность при поиске оптимальных вариантов социального инвестирования, а в макроэкономическом аспекте – приобрести понятный и прозрачный инструмент развития процессов социализации экономики региона.

Литература

1. Агафонова И.С. Социальное инвестирование в компаниях автомобильной промышленности // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1.

2. Иванова Н.В. Социальное инвестирование: обзор зарубежных практик // Гражданское общество в России и за рубежом. 2013. № 3. С. 31–36.
3. Рынок труда: работа против работников [Электронный ресурс]. URL: [http:// www.opengaz.ru/rynok-truda-rabota-protiv-rabotnikov](http://www.opengaz.ru/rynok-truda-rabota-protiv-rabotnikov).
4. Социальные программы и благотворительность [Электронный ресурс]. URL: https://www.rosneft.ru/press/photogallery/Socialnaja_otvetstvennost/Socialnie_programmi_i_blagotvoritelnost/
5. Статистический сборник «Регионы России». 2016.
6. Стратегическое управление потенциалом развития территориальных социально-экономических систем / Под ред. Д.А. Гайнанова. Уфа, 2016.
7. Gainanov D.A., Biglova G.F., Ataeva A.G. Strategic management of key development potential of split-level territorial socio-economic systems // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2017. № 2. P. 77–89.
8. James A. Baker Saudi Aramco: national flagship with global responsibilities // Rice university. 2007. 113 p.
9. SaudiAramco официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.saudiaramco.com/>

Социальная помощь сельским семьям как специфическое направление социальной политики

Social Assistance to Rural Families as a Specific Direction of Social Policy

Р. САЛАХУТДИНОВА

Салахутдинова Рилия Ринатовна, д-р соц. наук, доцент. E-mail: rilia@mail.ru

В статье на основе анализа программных документов, нормативно-правовых актов, материалов социологических исследований формулируются выводы о степени институциональной обеспеченности социальной помощи сельским жителям и целесообразности выделения такого специфического направления социальной политики, как социальная помощь сельским семьям. По результатам предлагаются направления совершенствования нормативной базы; делается вывод о целесообразности кодификации социального законодательства.

Ключевые слова: село, сельская семья, социальная помощь, социальная политика.

In the article on the base of analysis of program documents, regulatory legal acts, and materials of sociological research were formulated conclusions about degree of institutional provision of social assistance to rural residents and appropriateness of singling out such a specific direction of social policy as social assistance to rural families. As a result, directions for improving the regulatory framework are proposed; a conclusion is made about the expediency of codifying social legislation.

Key words: village, rural family, social assistance, social policy.

В современных экономических условиях проблема выработки направлений социальной политики, позволяющих создать основы для снижения социального неравенства и обеспечения социальной справедливости, приобретет особую значимость. Особенно остро этот вопрос стоит применительно к сельской местности. Так, число бедных на селе в расчете на 100 тыс. населения почти на 40 % выше, чем в городе [1, 72]. Села, деревни, хутора, особенно территориально удаленные от городов и районных центров, традиционно являются специфическими объектами управления. Здесь, помимо программ и нормативных правовых актов, которые прямо или косвенно направлены на создание институциональных основ по оказанию социальной помощи, применяются дополнительные акты, направленные на социально-экономическое развитие села.

В настоящей статье мы исходили из того, что особенность оказания социальной помощи в сельской местности заключается в том, что она должна быть направлена не на отдельного

человека, а на семью. Сельская семья и ее проблемы все чаще становятся предметом исследования в рамках социологической науки (Ф.Б. Бурханова, М.Ю. Мореханова, С.А. Решетникова, Г.Ф. Зинатуллина и др.). Вопрос о целесообразности выделения сельской семьи в качестве специфического объекта социальной помощи в рамках социальной политики является дискуссионным. В действующих нормативно-правовых актах, регулирующих социальную защиту, практически не применяются термины «сельский житель» и «сельская семья». Употребляются термины «малоимущий гражданин», «малоимущая семья», «молодая семья», «многодетная семья». Использование в системе оказания социальной помощи в качестве основания для применения только материального критерия, на наш взгляд, недостаточно. Анализ сложившейся в России системы оказания социальной помощи, а также программных документов, определяющих направления государственной семейной политики (Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в РФ на период до 2025 года»), показывает, что в них отсутствует сельское население и сельская семья как целевые группы оказания социальной помощи и направления социальной политики.

Современные исследования подтверждают тот факт, что в сознании сельских жителей укоренилось ощущение несправедливости результатов экономических преобразований. Безвыходная ситуация порождает у сельчан отчуждение, они направляют свои усилия на сохранение и даже усиление роли семейных, родственных и дружеских связей и контактов. Ценность семьи, как и у всех россиян, заняла первое место среди стратегических ценностных ориентаций сельских жителей (95,9 %), опередив такие факторы, как работа (73,6 %) и здоровье (87,6 %). При всей важности трудовой деятельности стабильность обеспечивает не она, а общность близких людей. Вот почему на вопрос «К кому вы обратитесь в трудную минуту?» 90,9 % сельчан выбрали вариант ответа «к семье, родственникам», 54,7 % – «к друзьям», только 5,7 % – «к руководителю своей организации» [4, 30]. Такой уровень отчужденности вызывает серьезные опасения.

Значимой в этой связи является постановка вопроса о выделении в рамках федеральной стратегии (Стратегия устойчивого развития сельских территорий РФ на период до 2030 года (Распоряжение Правительства РФ от 02.02.2015 № 151-р)) и на региональном уровне самостоятельного направления – социальной помощи сельским семьям. Тезис о целесообразности включения в число специфических объектов оказания помощи сельской семье и выделении самостоятельного направления в системе социальной политики может быть обоснован следующими основными аспектами: социально-демографическими (более высокий по сравнению с городом уровень смертности, заболеваемости, самоубийств, младенческой смертности; более низкий уровень продолжительности жизни); экономическими (более низкий, чем в городе, уровень жизни; более высокий уровень риска возникновения бедности; ограниченный спрос на рынке труда); институциональными (отсутствие объектов инфраструктуры непосредственно на территории проживания (школа, учреждения культуры, медицинские учреждения)); социальными (высокий уровень пессимизма; слабая представленность НКО, высокий уровень разобщенности сообщества, низкий адаптивный потенциал значительной доли населения) [3; 4].

Сглаживание социальных противоречий между жителями города и села с использованием таких инструментов, как мобильные торговые точки и точки бытового обслуживания населения, передвижные амбулатории, школьный автобус и другие, не способно системно решить проблемы российского села и его жителей. Понимание того, что для получения услуг по большинству жизненно важных вопросов необходимо обращаться в районный центр или город, на фоне невозможности найти работы с достойным заработком усиливает ощущение безысходности и сознание того, что жизнь в этом селе не имеет смысла. Централизация услуг в крупных районных центрах и городах в совокупности с другими проблемами села приводят к усилению иждивенческих настроений и росту пессимизма.

Для предотвращения негативных процессов и явлений, происходящих в сельской местности в Российской Федерации, была принята Концепция устойчивого развития сельских территорий РФ на период до 2020 г. (Распоряжение Правительства РФ от 30 ноября 2010 № 2136-р). В данном документе заложены методологические начала построения государственной политики

(раздел 3), базирующиеся на рассмотрении «развития сельской местности как единого территориального исторически сложившегося комплекса, выполняющего производственно-экономическую, социально-демографическую, культурную, природоохранную, рекреационную и другие общенациональные функции». Здесь в качестве ключевых принципов закрепляются «обеспечение конституционных прав сельских граждан на труд с достойной оплатой, а также доступность качественного образования, медицинской помощи и других социальных услуг». Однако его реализация не привязана к территории проживания и может быть осуществлена на удаленных территориях – районном центре, городе, регионе (в форме сезонных работ и др.), что является дополнительным риском для сельских семей.

В развитие Концепции устойчивого развития сельских территорий в 2015 году была принята Стратегия устойчивого развития сельских территорий РФ на период до 2030 года (Распоряжение Правительства РФ от 02.02.2015 № 151-р). Основными целями Стратегии выступают: создание благоприятных социально-экономических условий для выполнения сельскими территориями их общенациональных функций и решения задач территориального развития; обеспечение стабилизации численности сельского населения и создание условий для его роста путем снижения смертности, увеличения ожидаемой продолжительности жизни, уменьшения миграционного оттока населения; обеспечение занятости, повышение уровня и качества жизни сельского населения с учетом современных требований и стандартов; повышение эффективности сельского хозяйства и вклада сельских территорий в социально-экономическое развитие страны. Она включает ряд приоритетных направлений развития и индикаторов, по которым определяется ее реализация. Вместе с тем, следует констатировать, что по итогам 2016 года достижение отдельных показателей не обеспечивается. Например, по ожидаемой продолжительности жизни в сельской местности. Кроме того, в Стратегии нет ни слова о сельской семье и ее поддержке, несмотря на тот факт, что в числе задач выделяются обеспечение конституционных прав граждан, проживающих в сельской местности, в том числе обеспечение доступности и качества государственных и муниципальных услуг; создание условий для повышения доступности и качества иных социально значимых услуг, предоставляемых сельским жителям на возмездной основе; использование различных форм государственной поддержки для обеспечения благоприятных условий социально-экономического развития сельских территорий, всестороннего использования существующего экономического и социально-демографического потенциала; создание комплекса условий и предпосылок для улучшения демографической ситуации в сельской местности; создание условий для успешной социализации и самореализации сельской молодежи.

Для исполнения вышеназванных стратегических документов, определяющих государственную политику, направленную на устойчивое развитие села, была разработана федеральная целевая программа «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года» (Постановление Правительства РФ от 15 июля 2013 г. № 598). В этой программе в числе предпосылок для устойчивого развития названы: повышение уровня комфортности условий жизнедеятельности; повышение доступности улучшения жилищных условий для сельского населения; повышение престижности труда в сельской местности и формирование в обществе позитивного отношения к сельскому образу жизни; улучшение демографической ситуации; развитие в сельской местности местного самоуправления и институтов гражданского общества. Вместе с тем, мы видим, что заложенный в концепции принцип «реализации права на труд» не выражается в конкретных направлениях программы и является достаточно размытым. Тогда как определенные в программе целевые индикаторы, например, такой как создание 25,4 тыс. рабочих мест на весь период программы (5 лет), явно не соответствуют количеству сельских поселений (18101 на 1 января 2017 года) [2, 47]; сельских жителей (37,8 млн чел. [1, 79]; численности безработных, проживающих в сельской местности (1438, тыс. чел) [2, 105]; численности безработных граждан, проживающих в сельской местности и зарегистрированных в службе занятости (895 тыс. чел) [2, 106]. Тогда как отдельные закрепленные в программе результаты исполнения (2016 год: план – 2,5 тыс.; факт – 26,2 тыс.) просчитаны некорректно (с превышением более чем в 10 раз). Кроме того, не все обозначенные в Концепции и Стратегии цели направления

взаимоувязаны, что косвенно свидетельствует о наличии проблем государственного управления в указанной сфере, часть из которых может быть связана со спецификой организации статистического и ведомственного учета и проблемами обеспечения межведомственного взаимодействия.

Нормативная правовая база, регламентирующая оказание государственной социальной помощи, помимо нормативных актов, определяющих механизмы развития сельских территорий, включает в себя целый спектр актов и программных документов федерального и регионального уровня. К числу ключевых относятся: Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ (ред. от 01.07.2017) «О государственной социальной помощи»; Федеральный закон от 05.04.2003 № 44-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «О порядке учета доходов и расчета среднедушевого дохода семьи и дохода одиноко проживающего гражданина для признания их малоимущими и оказания им государственной социальной помощи»; Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 296 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Социальная поддержка граждан”».

В ФЗ от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» под государственной социальной помощью понимается предоставление малоимущим семьям, малоимущим одиноко проживающим гражданам, а также иным категориям граждан социальных пособий, социальных доплат к пенсии, субсидий, социальных услуг и жизненно необходимых товаров. Однако в данном законе не содержится исчерпывающего перечня категорий граждан, имеющих право на социальную помощь, что позволяет применять иные законы, направленные на социальную защиту и социальную поддержку населения. Например, Федеральный закон «Об особенностях правового регулирования отношений, связанных с предоставлением мер социальной защиты (поддержки), а также выплат по обязательному социальному страхованию отдельным категориям граждан, проживающих на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя» от 22.12.2014 № 421-ФЗ (последняя редакция), Федеральный закон от 22.08.1995 № 151-ФЗ (ред. от 18.07.2017) «Об аварийно-спасательных службах и статусе спасателей» и др.

Отдельно в ст. 6.1. ФЗ 178 от 17 июля 1999 г. очерчен круг субъектов получателей социальных услуг. Он может быть расширен нормативно-правовыми актами субъектов федерации и включает в себя девять категорий населения, в числе которых названы ветераны, инвалиды, дети-инвалиды. Однако в самих актах, определяющих основания для организации социальной помощи относительно названных категорий, применяется иные термины: «социальная защита» и «социальная поддержка». Например, Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ (ред. от 29.12.2017) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», Федеральный закон от 12.01.1995 № 5-ФЗ (ред. от 30.10.2017) «О ветеранах».

В отдельных законодательных актах оговаривается возможность предоставления соответствующего права на социальную помощь без достаточной организационной проработки механизмов реализации. Например, в ст. 182 Уголовно-исполнительного кодекса РФ от 08.01.1997 № 1 ФЗ закрепляется право освобожденных осужденных на трудовое и бытовое устройство и другие виды социальной помощи. Такое смысловое многообразие, а также многоуровневый характер правового регулирования влияет на эффективность управления системой социальной помощи.

В целях упорядочения сложившейся системы оказания социальной помощи с 1 января 2018 года согласно нормам Федерального закона от 29.12.2015 № 388-ФЗ, Постановления Правительства РФ от 14.02.2017 г. № 181 начинает функционировать единая государственная информационная система социального обеспечения (ЕГИССО), применение которой создаст основы для упорядочения системы отношений по оказанию социальной помощи. Кроме того, способствует упорядочению системы разработанный Министерством труда и социальной защиты населения РФ и применяемый с 02.06.2017 классификатор мер социальной защиты (социальной помощи). В числе рубрикаторов выделяются следующие виды социальной помощи (поддержки): 03.01.00 «Социальная помощь (поддержка) в связи с донорством крови и ее компонентов»; 03.02.00 «Социальная помощь (поддержка) в связи с инвалидностью, наличием социально-значимых, хронических, тяжелых и т.п. заболеваний, поствакцинальных осложнений»; 03.03.00 «Социальная помощь (поддержка) в связи с отсутствием работы (безработицей)»; 03.04.00 «Социальная помощь

(поддержка) в связи с выходом на пенсию»; 03.05.00 «Социальная помощь (поддержка) в связи с заслугами по защите Отечества, безупречной службе, продолжительным добросовестным трудом (ветеранов)»; 03.06.00 «Социальная помощь (поддержка) в связи с воздействием радиации вследствие чернобыльской катастрофы и других техногенных катастроф»; 03.07.00 «Социальная поддержка (помощь) семьи, материнства, отцовства и детства».

Для эффективной реализации классификатора Министерством труда и социальной защиты населения 14.06.2017 приняты Рекомендации по применению классификатора мер социальной защиты (поддержки). В данных Рекомендациях дана попытка конкретизировать ключевые термины. Так, в качестве социальной помощи (поддержки) отмечаются государственная социальная помощь, социальные пособия, субсидии, социальное обслуживание. Вместе с тем, здесь встречается дублирование терминов без соответствующего соотнесения по объему. Так, помимо рассмотрения социальных услуг как разновидности государственной социальной помощи они выделены в самостоятельную группу как совокупность социально-бытовых, социально-медицинских, социально-психологических и др. видов социальных услуг, предоставляемых гражданам. Практика применения классификатора и методических рекомендаций позволит оценить достаточность выделенных кодов и может явиться основой для корректировки нормативно-правового регулирования законодательства о социальной помощи.

Конкретные механизмы, процедурные и иные аспекты их реализации, дополнительные основания для оказания социальной помощи содержатся в нормативных актах, позволяющих реализовывать социальную защиту и поддержку населения в целом или отдельных категорий граждан, в том числе и на региональном уровне. Например, Закон Республики Башкортостан от 4.02.2000 № 50-з (с изм.) «Об адресной социальной помощи в Республике Башкортостан»; Закон Республики Башкортостан от 28.11.2014 № 155-з «О социальном обслуживании граждан в РБ»; Постановление Правительства РБ от 31.12.2014 № 671 (ред. от 29.07.2015) «О государственной программе “Социальная защита населения Республики Башкортостан”» и ряд других нормативных актов.

Многоуровневый характер регулирования системы оказания социальной помощи создает основу для принятия соответствующих норм на муниципальном, локальном уровне, а также в рамках социального партнерства.

Содержательный анализ нормативных актов, определяющих логику оказания социальной помощи, позволил нам сформулировать следующие выводы.

1. На федеральном и региональном уровнях сформирована значительная источниковая база, определяющая механизм оказания социальной помощи. Однако она сложна для реализации в каждом конкретном случае.

2. В нормативных правовых актах различного уровня содержатся различные подходы к пониманию ключевых терминов («социальная помощь», «социальная защита», «социальная поддержка»), особенностей применения, субъектов на которых они распространяются.

3. В рамках реализации социального партнерства в соглашениях различного уровня отмечаются единичные случаи применения термина «социальная помощь». Это характерно и для локального уровня.

4. Современное законодательство, определяющее правовые основания оказания социальной помощи, регулирование семейных отношений, не содержит единообразного подхода к определению термина «семья» и выделению ее разновидностей (в рамках одного или нескольких поколений; с детьми без детей; где присутствуют супруг и супруга или одно из вышеназванных лиц, включая детей).

5. Нормативная правовая база, определяющая организацию социальной помощи и развитие сельских территорий, не содержит единых подходов к толкованию таких терминов, как «село», «сельская семья», «сельские территории».

Проведенный анализ позволил сделать вывод о том, что специфика жизни сельских семей, особенно постоянно проживающих в селах, территориально удаленных от городов и районных центров, требует постановки вопроса о необходимости институционального обеспечения

организации социальной помощи сельских семей в качестве самостоятельного направления социальной политики. Отсутствие комплексности, системности сказывается на организации социальной помощи семьям. Слабая институциональная проработанность организации социальной помощи сельским семьям при наличии значительной по объему нормативно-правовой базы и сложного ведомственного подчинения в рамках оказания социальной помощи сельским семьям может выступать в качестве специфического риска, препятствующего сохранению и развитию сельской семьи. Для эффективной реализации социальной политики требуется разработка и принятие единого кодифицированного акта.

Литература

1. Аганбегян А.Г. Преодоление бедности и сокращение неравенства по доходам и потреблению в России // ЭКО. 2017. № 9. С. 66–84.
2. Россия в цифрах. 2017: крат. стат. сб. / Росстат. М., 2017. 511 с.
3. Российское село в условиях глобальных вызовов: колл. монография под общ. ред. В.И. Старовойтова. Уфа: Изд-во БАГСУ, 2014. 280 с.
4. Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2016. 368 с.

Репродуктивный потенциал России и пути его улучшения

Russia's Reproductive Potential and Ways to Its Improving

**Э. НИЗАМОВА, Ф. МУСИНА,
И. ГАФАРОВ, Р. ДАНИЛОВ**

Низамова Эндже Илюсовна, д-р мед. наук, заведующий кафедрой организации здравоохранения и общественного здоровья Института профессионального образования в сфере здравоохранения и социального развития. E-mail: endzhemed@mail.ru

Мусина Флариса Сабирьяновна, канд. мед. наук, проректор Института профессионального образования в сфере здравоохранения и социального развития. E-mail: flarisamusina@mail.ru

Гафаров Ильфат Радмирович, канд. мед. наук, ректор Института профессионального образования в сфере здравоохранения и социального развития

Данилов Рудольф Абрамович, канд. мед. наук, заведующий кафедрой педиатрии Института профессионального образования в сфере здравоохранения и социального развития

В статье рассматриваются актуальные вопросы демографической ситуации в Российской Федерации и реальные пути ее решения. Авторы подробно описывают качественные и количественные показатели репродуктивного статуса современной молодежи. Выявлены причины формирования сложившейся демографической ситуации в стране, намечены организационные мероприятия по ее улучшению.

Ключевые слова: демографическая ситуация, планирование семьи, репродуктивный потенциал, рождаемость, смертность.

The article deals with topical issues of the demographic situation in the Russian Federation and real ways to solve it. The authors describe in detail the qualitative and quantitative indicators of the reproductive status of modern youth. The reasons for the formation of the current demographic situation in the country are identified organizational arrangements for its improvement are outlined.

Key words: demographic situation, family planning, reproductive potential, fertility, mortality.

За последние 20 лет в нашей стране наблюдается положительная динамика важнейших демографических показателей, которая проявляется в снижении общей, материнской и младенческой смертности, стабилизации и даже увеличении рождаемости.

Реализация Приоритетного национального проекта «Здоровье» в первое десятилетие 21 века, дальнейшие мероприятия модернизации здравоохранения дали возможность достичь положительных сдвигов в демографических показателях. Эта позитивная динамика в стране начала регистрироваться впервые в 2010 г. за многие годы перехода РФ к рыночной экономике. Однако на фоне кажущегося улучшения основных показателей социального благополучия социума мы вынуждены признать и существование ряда проблем, решение которых в настоящее время безотлагательно [4]. Дело в том, что в скором времени в активный репродуктивный возраст вступают юноши и девушки, родившиеся в начале 1990-х годов. Это время, как известно, получило крайне непопулярное название – «время демографического провала», то есть количество будущих потенциальных отцов и матерей в стране будет крайне мало, что моментально отразится и на демографическом статусе. Ситуация обостряется еще и тем, что качество соматического и репродуктивного здоровья подростков, особенно девушек, будущих матерей, приобрело большую социальную значимость в связи с их резким ухудшением в последние годы. Девушки – это именно тот слой населения, который представляет собой ближайший репродуктивный, родительский, интеллектуальный, экономический, социальный, политический и культурный резерв общества [3]. Здоровье будущих мам в настоящее время – единственный резерв для реального улучшения демографической ситуации как в республике, так и в стране в целом.

Сдвиг в демографических показателях РФ за последние десятилетия привел к тому, что наибольшую часть населения страны составляют, к сожалению, лица старше 55–60 лет [2]. На сегодняшний день в РФ проживает всего 12 млн девочек (девушек) в возрасте от 0 до 18 лет, то есть всего 8,4 % населения страны. 15–18 летних девушек, которые по возрасту наиболее близки к фертильному возрасту, всего 3,6 млн человек, что, конечно, невероятно мало [1]. Следует отметить, что и их состояние соматического и репродуктивного здоровья далеко от совершенства. Педиатры и ювенильные гинекологи проявляют беспокойство не зря: у будущих родителей сохраняется тенденция к замедлению темпов физического и умственного развития, нарастание уровня инвалидности с детства, значительного увеличения доли заболеваний с хроническим и рецидивирующим течением, в том числе заболеваний опорно-двигательного аппарата, мочевыделительной, сердечно-сосудистой, пищеварительной систем, метаболического синдрома, других нарушений нутритивного статуса, инфекций, передающихся половым путем, психосоматических расстройств. Эти заболевания и патологические состояния, которые, как правило, вовремя не выявляются и в дальнейшем не корректируются, будут значительным препятствием для реализации самой важной функции женского организма – материнства. По данным НИИ педиатрии РАМН, показатели заболеваемости среди девушек в стране на 10–15 % выше, чем у юношей. Показатели общей заболеваемости детей до 14 лет в РФ за последние десять лет увеличилась на 22 %, подростков от 14 до 17 лет – на 32 % [3]. 80–85 % девушек страдают экстрагенитальными заболеваниями, существенно ограничивающими вынашивание беременности [2]. Частота гинекологической патологии в популяции подростков, выявленной на профилактических осмотрах, за последние 5 лет увеличилась с 8 % с 2005 г. до 15 % в 2010 г. [4].

Огромный поток негативной информации, обрушившийся на подростков средствами массовой информации, через Интернет и другие информационные источники привел к легализации сексуальных отношений, свободному сексу, росту добрых связей, нежелательной беременности среди несовершеннолетних. По данным социологических исследований, проведенных ведущими валеологами РФ в 2008 г., 6 % девушек уже в возрасте 15 лет имели внебрачные половые отношения; к 17 годам – уже 49 %; к 18 годам – 81 % [5]. На сегодняшний день ежегодно в стране около 1500 детей рождаются у 15-летних мам, 9 тысяч – у 16-летних, 30 тысяч – у 17-летних. В то же время материнская смертность среди подростков в 5–8 раз выше, чем среди женщин фертильного возраста. А внебрачная рождаемость в группе лиц женского пола от 15 до 18 лет составляет 69 %, среди них доля отказавшихся от воспитания своих детей достигает 64 % (!) [4].

Особую тревогу вызывает тот факт, что на первый план при определении состояния репродуктивного здоровья девушек в РФ стала выходить заболеваемость, в значительной мере обусловленная социальными и поведенческими факторами. Комплексный медико-психолого-педагогический

мониторинг, проведенный в ряде регионов РФ, выявил, что в подавляющем большинстве у подростков имеет место ослабление жизненных установок на создание семьи и деторождение, отсутствие целомудренности, абсолютная неосведомленность об основах анатомии и физиологии репродуктивной системы, азах контрацепции и безопасного секса. Результатом вышеизложенных фактов является безответственное отношение девушек к своему здоровью, высокий уровень гинекологической заболеваемости, заболеваний, передающимся половым путем. На фоне уменьшения заболеваемостью сифилисом и гонореей растет абсолютное количество случаев заболевания подростков инфекциями, передающимися половым путем, связанных, с одной стороны, с улучшением диагностических мероприятий в здравоохранении, с другой – их ранним половым дебютом. Молодежь в возрасте от 15 до 24 лет в наибольшей мере подвержена этим опасным заболеваниям. По данным Министерства здравоохранения Российской Федерации, в стране зарегистрировано свыше 52 тысяч детей до 17 лет, страдающих заболеваниями, передающимися половым путем (для сравнения в США ежегодно регистрируется 529 тысяч случаев этих болезней у подростков). Мы считаем, что реальная статистика существенно расходится с приведенными данными, учитывая несовершенство учета соответствующих лиц в Российской Федерации [2]. Поэтому не только социальные, но и низкие репродуктивные возможности юношей и девушек обуславливают негативные демографические сдвиги в нашей стране.

Поэтому охрана репродуктивного здоровья будущих матерей и отцов должна в настоящее время стать преамбулой национальной стратегии государственной политики России как основа обеспечения ее национальной безопасности. Не вызывает сомнения, что коренное изменение ситуации возможно достичь только путем совершенствования системы оказания образовательной, валеологической и лечебно-профилактической помощи детям и подросткам. Органам управления здравоохранения необходимо безотлагательно повернуться лицом к проблеме охраны здоровья будущих родителей. В первую очередь необходимо обеспечить непрерывное валеологическое воспитание детей и подростков начиная с начальной школы, их адекватного психолого-педагогического и медико-социального сопровождения. Назрела острая необходимость обеспечения комфортного консультирования девочек-подростков и девушек у детских гинекологов, чтобы они могли безбоязненно и регулярно обследоваться и своевременно лечиться. Назрела острая необходимость уделять должное внимание детям, воспитываемым в неблагополучных, неполных семьях, сиротам, а также лицам с девиантным поведением. Проведенные недавно исследования Российской Академии планирования семьи показали, что в последнее время существенно участились случаи возникновения нежелательной беременности у подростков из полных семей со средним достатком и обеспеченного статуса. Эти факты свидетельствуют о том, что не всегда высокий уровень дохода семьи положительно влияет на душевное состояние подростков, то есть в этих семьях нередко отсутствуют взаимопонимание и доверие между родителями и детьми. Поэтому обучать нужно не только подростков, но и их родителей, повышать их информированность о мерах сохранения репродуктивного здоровья их детей, о необходимости планирования семьи.

Анализ важнейших демографических показателей, проведенных в Российской Федерации за последние 10–15 лет, свидетельствуют о высокой доле мужского бесплодия, достигающего в ряде регионов страны до 40–45 % [4].

В то же время, делая большой крен в сторону сохранения репродуктивного здоровья будущих матерей, органы здравоохранения пока еще уделяют явно недостаточное внимание формированию здоровья и качества жизни будущих отцов. В стране имеет место дефицит детских урологов, не во всех регионах обеспечена доступность андрологического консультирования будущих отцов. В образовательной и социальной сфере отсутствуют идеологические направления формирования здоровья будущих пап и сохранения их репродуктивного потенциала [5].

Состояние репродуктивного здоровья настоящих и будущих поколений требует безотлагательного финансирования государственных программ по улучшению здоровья молодежи. Сохранение репродуктивного потенциала нации – это не только усилия специалистов службы планирования семьи, женских консультаций, гинекологических и акушерских стационаров, детских поликлиник, а сложная междисциплинарная проблема, охватывающая поддержку правительства,

других учреждений здравоохранения, средств массовой информации и правоохранительных органов с обязательным социально-психологическим консалтингом воспитанников детских дошкольных и школьных образовательных учреждений, студентов высших учебных и средних специальных учреждений.

Литература

1. Антонова Н.Л. Демография. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2014. 156 с.
2. Вишневский А.Г. Время демографических перемен: избранные статьи. М.: Издательство Высшей школы экономики, 2015. 520 с.
3. Волков А.Г. Избранные демографические труды. М.: Издательство Высшей школы экономики. 2015. 568 с.
4. Лисицин Ю.П. Общественное здоровье и здравоохранение. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2012. 507 с.
5. Руководство по контрацепции (под ред. Прилепской В.Н.). М., 2013. 379 с.

Профессиональный союз как институт молодежного сегмента рынка труда

Professional Union as the Institute of the Youth Segment of the Labor Market

Н. ВИШНЕВСКАЯ, К. АПОКИНА

Вишневская Нина Геннадьевна, канд. экон. наук, доцент кафедры общей экономической теории Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета (ИНЭФБ БашГУ). E-mail: vng36@yandex.ru

Апокина Кристина Валерьевна, канд. соц. наук, доцент кафедры общей экономической теории ИНЭФБ БашГУ. E-mail: k.apokina@bk.ru

Данная статья посвящена вопросу определения роли профессиональных союзов в регулировании молодежного сегмента рынка труда. Профессиональный союз рассматривается как институт рынка труда, способствующий занятости молодежи, вовлечению молодежи в трудовую деятельность и защищающий их трудовые права.

Ключевые слова: профессиональный союз, рынок труда, молодежный сегмент, институт, молодежная политика.

This article is devoted to the definition of the role of trade unions in the regulation of the youth segment of the labor market. A trade union is seen as an institution of the labor market, promoting youth employment, youth involvement in employment and protecting their employment rights.

Key words: trade union, labor market, segment mode, institution, youth policy.

Большую роль в формировании и развитии трудовых ресурсов играют институты рынка труда. К институтам рынка труда относят органы службы занятости населения, частные кадровые агентства, профессиональные союзы, законодательство в сфере труда, традиции и обычаи и пр. [2, 4].

Институты рынка труда призваны способствовать нормализации функционирования и взаимодействия сегментов рыночной системы хозяйства, основанных на государственной и негосударственной собственности, осуществлять организацию и регулирование отношений посредничества между субъектами рынка труда, изучать и анализировать динамику конъюнктуры спроса на труд и предложения рабочей силы [7, 41].

Некоторые авторы под институтами рынка труда понимают, во-первых, «правила игры», закреплённые в законах, нормативных актах, принципах, социальных нормах, во-вторых, совокупность правовых, экономических, социальных, идеологических отношений, которые складываются между собственниками рабочей силы и работодателями по поводу условий найма, использования и обмена рабочей силы, и, в-третьих, механизмы, регулирующие функционирование рынка труда и его развитие [11, 83].

Е.К. Самраилова к институтам рынка труда относит минимальную заработную плату, пособия по безработице, законодательство в сфере защиты занятости, налоги на заработную плату, объединения работодателей и профсоюзов, систему коллективных договоров и процедуры переговоров между социальными партнерами [8, 32].

В составе институтов рынка труда различают формальные и неформальные институты, воздействующие на функционирование и развитие его элементов. Формальные институты являются обязательными для осуществления основными факторами и формируют институциональную структуру регулирования как рынка труда в целом, так и его молодежного сегмента [12, 92].

Профсоюзы относятся к формальным институтам рынка труда.

Они относятся к группе, определяемой как институт социального партнерства, представленный общественными структурами, в которые входят представители работодателей, наемных работников и государства [7, 42].

Е.А. Колесник относит профессиональные союзы к негосударственным институтам рынка труда [5, 192].

Одним из направлений деятельности профессиональных союзов является молодежная политика, которая включает и проведение различных мероприятий по содействию занятости молодежи [9]. В силу своих качественных характеристик молодежь находится в дискриминационном положении на рынке труда и оказывается преимущественно либо в группе неполно и частично занятых, либо в группе безработных. Поэтому профессиональный союз как институт рынка труда приобретает важное значение в регулировании молодежного сегмента рынка труда.

Важную роль в решении проблем молодежи играют федеральная, региональная, отраслевая и территориальная трехсторонняя комиссии, которые регулярно рассматривают широкий круг вопросов регулирования социально-трудовой сферы молодежи. Сложилась определенная система реализации молодежной политики и в отраслевых профсоюзах [8, 36].

Жанабеков К.К., изучая опыт Республики Казахстан, отмечает, что особую роль в решении молодежных проблем играют коллективные договоры в организациях различной формы собственности, которые являются самой значимой формой регулирования социально-трудовых отношений между работниками и работодателями [3, 76].

В 2003 году в Республике Башкортостан была принята Концепция молодежной политики Федерации профсоюзов Республики Башкортостан.

Проблема занятости молодежи обозначена там как особенно острая, ведущая в результате к росту опасных социальных пороков среди молодежи: преступности, наркомании, проституции, а также падению престижа честного производительного труда [6].

Важная роль в решении проблем молодежной политики, в том числе занятости, отводится отраслевым профсоюзам республики.

Так, в первичных профсоюзных организациях отраслей автомобильного транспорта и дорожного хозяйства Республики Башкортостан созданы и действуют молодежные комиссии. Во всех коллективных договорах предприятий имеются разделы, посвященные реализации молодежной политики и устанавливающие дополнительные гарантии молодым работникам. При проведении проверок соблюдения трудового законодательства на предприятиях отраслей авто-, электро-транспорта и дорожного хозяйства республики уделяется внимание соблюдению социально-трудовых прав и гарантий молодых работников.

Более 50 % организаций химической отрасли республики в коллективных договорах имеют раздел «Социальная защита молодежи», предусматривающий поддержку молодых в вопросах учебы, воспитания детей, поддержку при создании семьи, при рождении ребенка и т.д. Между

Союзом химиков Республики Башкортостан и Республиканской организацией Башкортостана Росхимпрофсоюза заключено отраслевое тарифное соглашение, которое содержит раздел «Работа с молодежью». В данном разделе закреплены основные моменты, касающиеся морального и материального поощрения молодых работников, совмещающих эффективную производственную и общественную работу, выделения долгосрочных кредитов и ссуд на приобретение или строительство жилья, квотирования рабочих мест для выпускников школ и профильных учебных заведений, доплат к стипендиям работников, обучающихся в вузах, техникумах и профтехучилищах, направленных на учебу организациями и др.

В лесной отрасли сформировалась система подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров. Обучение осуществляется за счет средств предприятия, при условии заключения с работником договора с предприятием с обязательством отработки на нем не менее трех лет после окончания учебы или возврата суммы. Молодым сотрудникам предоставляются льготы при повышении квалификации и получении профессионального образования. По представлению молодежной комиссии первичной профсоюзной организации оплачивается обучение молодых работников, успешно обучающихся в вузах на заочном, вечернем отделениях.

Интересен опыт работы с молодежью, реализуемый Республиканской организацией Нефтегазстройпрофсоюза России и профсоюзом работников ОАО «Газпром газораспределение Уфа». В целях объединения молодых рабочих, специалистов и руководителей, защиты социально-экономических интересов и трудовых прав молодежи, а также создания условий для самореализации молодых работников ОАО «Газпром газораспределение Уфа» с 2011 года в каждом филиале предприятия работает Молодежный Совет.

В ОАО «Газпром газораспределение Уфа» ежегодно проходят практику студенты высших учебных и средних профессиональных заведений. По результатам прохождения практики многие студенты зачисляются в штат организации. Приоритетными задачами ОАО «Газпром газораспределение Уфа» являются адаптация, социализация и закрепление молодых сотрудников на предприятии. Разработано положение о наставничестве, но сегодня оно используется только для опытных работников – наставников (ежегодно утверждаются списки наставников, в которых за мастером закрепляются молодые специалисты, по завершении обучения молодые специалисты сдают экзамен в Учебно-экспертном центре).

В 97,8 % учреждений сферы образования и науки заключены коллективные договоры. В некоторых учреждениях устанавливаются надбавки к заработной плате до 30 %, выделяется материальная помощь молодым специалистам на хозяйственное обзаведение, предоставляется автотранспорт для хозяйственных нужд на льготных условиях и т.д. Несколько лет в республике реализовывалась программа «Педагогические кадры Республики Башкортостан», которая предусматривала ряд мер по поддержке молодых работников. В частности, выделение единовременного пособия молодым специалистам, приступившим к работе впервые [10].

В целях повышения престижа педагогического труда, расширения форм и методов педагогического сотрудничества, стимулирования творческой деятельности молодых педагогов и студентов учреждены стипендии Башкирской республиканской организации Профсоюза работников народного образования и науки Российской Федерации: «Лучшему председателю территориального клуба молодых педагогов» и студентам высших и средних профессиональных учебных заведений педагогического профиля.

Республиканским комитетом профессионального союза авиационной промышленности ежегодно проводится конкурс профессионального мастерства по рабочим профессиям: фрезеровщик, токарь, слесарь. Участниками конкурса выступают молодые люди до 35 лет. Таким образом, осуществляется привлечение внимания к рабочим профессиям в молодежной среде, идет работа над повышением мотивации профсоюзного членства, под эгидой которого проводятся подобные мероприятия.

Несмотря на активную работу отраслевых профессиональных союзов республики в сфере молодежной политики и обеспечения занятости, возможности профессиональных союзов как институтов на рынке труда реализованы не в полной мере. Необходимо расширять перечень

возможных направлений содействия занятости молодежи, вовлечения молодых людей в трудовую деятельность.

Полезен в данном случае опыт коллег из Казахстана, которые считают, что важно активнее использовать возможности трехсторонних переговоров, добиваться расширения гарантий и прав молодежи, обязательно включать раздел «Работа с молодежью» в соглашения и коллективные договоры, уделяя особое внимание созданию новых высокотехнологичных рабочих мест, в том числе и для молодежи, организации студенческих практик; обеспечению занятости, профессионального обучения, развитию творческого роста, разработке карьерных планов молодежи (внедрять категории специалистов, как в государственной службе), учету интересов молодых работников; соблюдению гарантий и льгот молодежи, совмещающей работу с обучением; вовлечению молодежи в профсоюзы, формированию из ее числа профсоюзного актива и резерва кадров; решению жилищных проблем молодых семей, проведению конкурсов профессионального мастерства, организации молодежного досуга [3, 77].

Таким образом, проводя активную, грамотную, целенаправленную политику в содействии занятости молодежи, защите ее трудовых прав, пропаганде и агитации легальной трудовой деятельности профессиональные союзы могут усилить свою роль на молодежном рынке труда в качестве эффективного института рынка труда.

Литература

1. Вишневская Н.Г. Молодежный сегмент рынка труда: определение и классификация // Финансовый бизнес. 2015. № 2. С. 39–42.
2. Вишневская Н.Г., Апокина К.В. Роль профессиональных союзов в развитии трудовых ресурсов региона // Евразийский юридический журнал. 2016. № 10. С. 312–314.
3. Жанабеков К.К. Молодежь на рынке труда и профсоюзы // Труд и социальные отношения. 2012. № 6. С. 70–77.
4. Игнатова Т.В., Змияк С.С. Служба занятости как институт-регулятор рынка труда // Вестник НГУЭУ. 2015. № 1. С. 162–177.
5. Колесник Е.А. К вопросу о роли современных институтов в формировании молодежного сегмента рынка труда // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2015. Т. 1. № 4. С. 190–199.
6. Концепция молодежной политики Федерации профсоюзов Республики Башкортостан утверждена на V Пленуме Совета Федерации профсоюзов РБ 10 апреля 2003 г.
7. Маслова И. Институты российского рынка труда в механизме регулирования процессов занятости // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2013. № 5. С. 39–66.
8. Самраилова Е.К. Современное состояние деятельности профсоюзов на рынке труда и проблемы молодежи // Труд и социальные отношения. 2010. № 9. С. 32–38.
9. Стратегия развития молодежной политики ФНПР [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fprb.ru/youth-policy/politics-profs-rb/>
10. Федерация профсоюзов Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fprb.ru/>
11. Хлебникова Н.В. Индикаторы эффективности работы институтов рынка труда // European Social Science Journal. 2015. № 4. С. 83–89.
12. Цёхла С.Ю., Полищук Е.А., Подсмажная И.Н. Структура формальных институтов регулирования рынка труда молодежи Республики Крым // Теория и практика общественного развития. 2017. № 1. С. 92–95.

О конституционном праве граждан на свободу передвижения, выбора места пребывания и жительства

On the Constitutional Right of Citizens to Freedom of Movement, Choice of Place of Stay and Residence

А. КУРМАНОВ

Курманов Альберт Сафатович, д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного права, процесса и криминалистики Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республике Башкортостан. E-mail: kurmanov-albert@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению исторических предпосылок возникновения и реализации на территории Республики Башкортостан права на свободу передвижения, выбора места пребывания и жительства, а также права на дополнительные льготы, которые могут быть предусмотрены при условии постоянного проживания лица на ее территории.

Ключевые слова: права и свободы человека и гражданина, Конституция Республики Башкортостан, свобода передвижения.

The article is devoted to the historical background of the emergence and implementation on the territory of the Republic of Bashkortostan the right to freedom of movement, choice of place of residence and the right to additional benefits that may be provided under the condition of permanent residence of the person on its territory.

Key words: rights and freedoms of man and citizen, Constitution of the Republic of Bashkortostan, freedom of movement.

Свобода передвижения, выбора места пребывания и жительства в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права является неотъемлемым правом каждого человека. Данный подход претерпел серьезную историческую эволюцию и окончательно сформировался в общемировом сознании к середине XX века. С этого периода он стал повсеместно закрепляться в международных и внутригосударственных нормативных правовых актах большинства стран мира.

В частности, ст. 12 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года гарантирует каждому, кто законно находится на территории какого-либо государства, право на свободное передвижение и свободу выбора места жительства. При этом каждый человек имеет право покидать любую страну, включая свою собственную. Никто не может быть произвольно лишен права на въезд законом в случае необходимости для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения или прав и свобод других лиц.

Вместе с тем, важно подчеркнуть, что в истории нашего государства данный принцип имел серьезные ограничения как в дореволюционный период, когда вплоть до середины XIX века действовало крепостное право, так и во времена СССР, где десятилетиями существовали запреты для определенных категорий граждан (например, по социальному, профессиональному, национальному и другим признакам) и миллионы людей не могли самовольно покидать место жительства. Кроме того, в СССР существовал жесткий административный режим прописки, который закреплял граждан за строго определенным местом жительства. При этом гражданина могли лишить прописки в принудительном порядке, например, осужденного к лишению свободы, фактически лишив его права проживания в определенном жилом помещении (см., напр., Постановление Совмина СССР от 28.08.1974 № 677 «Об утверждении Положения о паспортной системе в СССР») [6].

В подтверждение сказанного можно отметить, что свобода передвижения, выбора места проживания и жительства не была закреплена в Конституциях РСФСР 1937 года и 1978 года. И только в 1992 году с началом нового этапа демократизации российского общества в ст. 42 Конституции РСФСР был отражен данный принцип, в соответствии с которым каждый человек получил законодательно закрепленное право на свободу передвижения, выбор места пребывания

и жительства в пределах Российской Федерации. По понятным причинам Конституции БАССР 1925 года, 1937 года и 1978 года также не содержали вышеуказанного права, поскольку они в основном ориентировались на права и свободы, закрепленные в Конституциях РСФСР.

В первоначальной редакции Конституции Республики Башкортостан в ст. 32 данные правомочия предоставлялись гражданам Республики Башкортостан, которые имели право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства в пределах Республики Башкортостан, а также право свободно выезжать за пределы республики и беспрепятственно возвращаться обратно. При этом ст. 24 Конституции Республики Башкортостан уравнивала иные категории граждан и лиц без гражданства в правах с гражданами Республики Башкортостан, кроме случаев, прямо указанных в законодательстве.

В действующем виде данная норма окончательно сформировалась в Конституции Республики Башкортостан только в 2014 году в результате проводимой системной конституционно-правовой реформы, путем внесения в нее неоднократных изменений и дополнений.

Сказанное позволяет сделать научно обоснованный вывод о том, что принятие Конституции Российской Федерации ознаменовало собой новую историческую веху, когда права и свободы человека и гражданина были признаны высшей ценностью, а их провозглашение и обеспечение стало непосредственной обязанностью государства. Вполне закономерно, что данное право стало основополагающим среди прочих личных прав и свобод, гарантированных Конституцией Российской Федерации. Так, ч. 1 ст. 27 Конституции Российской Федерации гласит: «Каждый, кто законно находится на территории Российской Федерации, имеет право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства».

Вместе с тем, несмотря на прямое действие положений Конституции Российской Федерации, на всей территории страны на региональном уровне довольно часто встречались законодательные ограничения данного права. Например, Закон города Москвы от 14.09.1994 «О сборе на компенсацию затрат городского бюджета по развитию инфраструктуры города и обеспечению социально-бытовыми условиями граждан, прибывающих в г. Москву на жительство» устанавливал обязанность для граждан Российской Федерации, прибывающих на жительство в город Москву на жилую площадь, принадлежащую им на праве собственности, уплачивать сбор в 5000-кратном размере минимальной месячной оплаты труда [3]. Подобные примеры имели место и в других субъектах Российской Федерации.

Вполне закономерно, что вышеназванные и другие нормативные правовые акты, ограничивающие конституционное право на свободу передвижения, выбор места жительства и проживания, стали предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации. В связи с чем Конституционный Суд Российской Федерации в своих постановлениях прямо указал на подобное противоречие региональных нормативных правовых актов, в части самостоятельного введения сборов, компенсаций и иных ограничений за проживание на своих территориях Основному закону страны (см., напр., Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 04.04.1996 № 9-П и др.) [4].

На основании вышеизложенного можно обоснованно утверждать, что положения ст. 28 (в первоначальной редакции ст. 32) Конституции Республики Башкортостан, гарантирующие каждому, кто законно находится на территории Республики Башкортостан, право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства, являлись социально обусловленными и заслуживающими их заимствования в конституции и уставы других субъектов Российской Федерации.

Представляется, что анализировать положения ст. 28 Конституции Республики Башкортостан необходимо во взаимосвязи с нормами Закона Российской Федерации от 25.06.1993 № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» [1], который детально регламентирует рассматриваемое право. Анализ указанных нормативных правовых актов позволяет сделать следующие выводы.

Право на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в соответствии с Конституцией Российской Федерации, Конституцией Республики Башкортостан, международными

актами о правах человека, федеральным и региональным законодательством принадлежит каждому гражданину, законно находящемуся на территории Республики Башкортостан. Важно отметить, что действующая редакция ст. 28 Конституции Республики Башкортостан обладателей данного права не делит по признаку принадлежности к гражданству Российской Федерации или Республики Башкортостан. Из сказанного можно сделать вывод, что оно в равной мере распространяется как на граждан Российской Федерации, так и на граждан иностранных государств и лиц без гражданства. О чем свидетельствуют фраза, закрепленная в ч. 1 ст. 28 Конституции Республики Башкортостан: «Каждому, кто законно находится на территории Республики Башкортостан...». И, как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 04.04.1996 № 9-П, данное право принадлежит каждому гражданину от рождения и является неотчуждаемым.

В то же время следует отметить, что положения ст. 28 Конституции Республики Башкортостан не дублируют в буквальном смысле положения ст. 27 Конституции Российской Федерации по признаку территориальной принадлежности, а выступают дополнительно правовой гарантией его реализации. Так, если Основной закон страны предоставляет данное право («Каждый ... имеет право...»), то есть дает абстрактную возможность для человека воспользоваться данным правом, то Конституция Республики Башкортостан («Каждому...обеспечивается право...») берет обязательство и гарантирует беспрепятственную реализацию данного права за каждым человеком на территории Республики Башкортостан.

Реализация конституционного права свободного передвижения предполагает возможность беспрепятственно перемещаться в пределах границ Республики Башкортостан, выезжать за ее пределы и въезжать обратно на ее территорию, независимо от наличия или отсутствия у гражданина жилого помещения для постоянного или временного проживания и каких-либо иных дискриминирующих обстоятельств.

В целях обеспечения необходимых условий для реализации гражданином его прав и свобод, а также исполнения им обязанностей перед другими гражданами, государством и обществом в Республике Башкортостан, как и на всей территории Российской Федерации, введен регистрационный учет граждан по месту пребывания и (или) по месту жительства, который регламентируется Законом Российской Федерации от 25.06.1993 № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации».

Регистрационный учет граждан, в отличие от ранее действовавшего института прописки, носит уведомительный характер и отражает факты прибытия гражданина в место пребывания или место жительства, его нахождения в указанном месте и последующего убытия.

Порядок регистрации и снятия граждан с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства утверждаются Правительством Российской Федерации. При этом, как отметил Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 02.02.1998 № 4-П [5], для регистрации лицу достаточно предоставить документ, удостоверяющий личность, и документ, являющийся основанием для вселения гражданина в жилое помещение (напр., ордер, договор, заявление лица, предоставившего гражданину жилое помещение, и т.д.). В этом случае у органов государственного учета возникает не право, а обязанность зарегистрировать гражданина в жилом помещении.

В то же время в соответствии со ст. 3 Закона Российской Федерации от 25.06.1993 № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» регистрация граждан по месту своего пребывания и жительства является не только правом, но и обязанностью последних. За нарушение порядка регистрации по месту пребывания или жительства в ст. 19.15.2 КоАП РФ для граждан установлена административная ответственность.

В соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Следовательно, можно сделать вывод,

что анализируемое право также не является абсолютным. Например, ст. 8 Закона Российской Федерации от 25.06.1993 № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» закрепляет, что анализируемое право граждан может быть ограничено: в пограничной зоне, в закрытых военных городках, в зонах экологического бедствия и др.

Подобные ограничения допускаются только на основании федерального закона. Следовательно, подзаконные нормативные акты и законы Республики Башкортостан не могут вводить каких-либо самостоятельных ограничений данного права. Однако подзаконные нормативные акты и нормативные правовые акты Республики Башкортостан могут устанавливать порядок реализации данных ограничений. Так, в соответствии с Положением «О выдаче разрешения на въезд граждан в закрытое административно-территориальное образование город Межгорье Республики Башкортостан для постоянного проживания и временного пребывания», утвержденным постановлением Администрации ЗАТО Межгорье Республики Башкортостан от 16.02.2017 № 186, для постоянного проживания на территории ЗАТО Межгорье Республики Башкортостан разрешается въезд лицам, заключившим трудовой договор на неопределенный срок с администрацией объекта или организациями – юридическими лицами, расположенными на территории ЗАТО Межгорье Республики Башкортостан и рядом других.

Аналогичным образом, данное право может быть ограничено в отношении лиц, осужденных к лишению свободы, ограничению свободы и другим видам уголовного наказания.

Однако в случае нарушения анализируемого права без законных на то оснований для виновных лиц предусмотрена уголовная ответственность по ст. 126 УК РФ («Похищение человека»), ст. 127 УК РФ («Незаконное лишение свободы»), ст. 301 УК РФ («Незаконные задержание, заключение под стражу или содержание под стражей») и ряду других специальных норм уголовного закона.

В соответствии со ст. 3 Закона Российской Федерации от 25.06.1993 № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» и позицией Конституционного Суда Российской Федерации отсутствие регистрации не может служить основанием ограничения или условием реализации прав и свобод граждан, предусмотренных Конституцией Российской Федерации, федеральными законами и законодательными актами субъектов РФ. Например, отсутствие регистрации не может служить основанием лишения права на жилище, равно как и временное пребывание за пределами места жительства не влечет за собой снятие с регистрационного учета и т.д.

В то же время ч. 2 ст. 28 Конституции Республики Башкортостан допускает, что законы Республики Башкортостан в качестве условия использования гражданами дополнительных льгот, обеспечиваемых за счет собственных материальных, финансовых и иных средств Республики Башкортостан, могут предусматривать критерий постоянного проживания лица на ее территории. Подобный подход вполне обоснованно применяется во многих субъектах Российской Федерации, когда адресная помощь оказывается гражданам, проживающим на их территориях. Например, Законом Республики Башкортостан от 05.11.1993 № ВС-21/19 «Об охране семьи, материнства, отцовства и детства в Республике Башкортостан» [2] предусмотрена дополнительная государственная поддержка многодетным, неполным, молодым, студенческим семьям, а также семьям, взявшим на воспитание детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (приемным семьям, опекунам (попечителям), патронатным воспитателям и т.д.

Литература

1. Закон РФ от 25.06.1993 № 5242-1 (ред. от 03.04.2017) «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» // Российская газета. 1993. 10 августа.

2. Закон Республики Башкортостан от 05.11.1993 № ВС-21/19 «Об охране семьи, материнства, отцовства и детства в Республике Башкортостан» // Ведомости Верховного Совета и Правительства Республики Башкортостан. 1994. № 2 (20). ст. 75.

3. Закон г. Москвы от 14.09.1994 № 15-67 (с изм. от 04.04.1996) «О сборе на компенсацию затрат городского бюджета по развитию инфраструктуры города и обеспечению социально-бытовыми условиями граждан, прибывающих в г. Москву на жительство» // Ведомости Московской Думы. 1994. № 6.

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 04.04.1996 № 9-П «По делу о проверке конституционности ряда нормативных актов города Москвы и Московской области, Ставропольского края, Воронежской области и города Воронежа, регламентирующих порядок регистрации граждан, прибывающих на постоянное жительство в названные регионы» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1996. № 2.

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.02.1998 № 4-П «По делу о проверке конституционности пунктов 10, 12 и 21 Правил регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 17 июля 1995 г. № 713» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1998. № 3.

6. Постановление Совмина СССР от 28.08.1974 № 677 «Об утверждении Положения о паспортной системе в СССР» // Свод законов СССР. 1990. Т. 10.

Трансформация российского политического процесса: структура социокультурного базиса

Transformation of the Russian Political Process: Structure of Socio-Cultural Basis

А. МАРКОВ

Марков Андрей Рудольфович, аспирант кафедры политологии, социологии и философии Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан. E-mail: boisterous@mail.ru

Статья посвящена анализу основных социокультурных оснований трансформации российского политического процесса, они приводятся в соответствие с теми или иными периодами развития отечественной государственности, уточняются их взаимосвязи в рамках иерархической структуры социокультурного базиса политического процесса России. Опираясь на проделанный анализ, автор подводит к выводу о несоответствии бытующего в сегодняшней РФ социального запроса на «единую государственную идеологию» интересам нашего общего выживания.

Ключевые слова: социальный миф, общественный идеал, религиозная доктрина, общественный договор, национальная идея, идеология, Русская Мечта, тотальная политика, социокультурные основания, политический процесс.

This article deals with the analysis of the primary sociocultural foundations of the transformation of Russia's political process, both bringing them in line with certain periods of the Russian statehood and clarifying their interrelations within the hierarchical structure of the sociocultural basis of the political process in Russia. Having analyzed these, the author concludes: up-to-date Russia's social demand for a «unifying state ideology» contradicts the interests of our common survival.

Key words: social myth, social ideal, religious doctrine, social contract, national idea, ideology, Great New Russian Dream, total politics, sociocultural bases, political process.

В связи с ужесточившейся (на фоне 100-летия Великой октябрьской социалистической революции) в отечественной политической публицистике полемикой касательно идеологий и тому подобных типов социокультурных оснований политического процесса, равно как в связи с их низким качеством, считаем своим долгом осуществить экспликацию основных понятий.

Мы предлагаем ввести в научный оборот понятие «тотальная политика» [8], развивающее традиции политического макиавеллизма, Realpolitik, политического реализма (прагматизма). А для понимания дальнейшего хода мысли в рамках настоящей статьи условимся, что традиция политического реализма (с ее внеидеологичностью) вкупе с предложенной нами новацией (тотальная политика) является в свою очередь своеобразным основанием для тех социокультурных оснований трансформации политического процесса, о которых пойдет речь ниже. То есть в отсутствие реалистического восприятия политического процесса (преимущественно через призму кадровых процессов) исследование политических институтов лишается всякого смысла.

Таким образом, предмет статьи – социокультурные основания трансформации политического процесса на протяжении всей истории российской государственности. Цель – классифицировать эти основания как в хронологическом разрезе, так и в плане их взаимоотношений и соподчинения в настоящем. Наша задача в данном контексте – рассмотреть систему социокультурных оснований политического процесса через призму таких понятий, как «социальный миф», «общественный идеал», «религиозная доктрина», «общественный договор», «национальная идея», «идеология» и «Русская Мечта».

1. Социокультурный базис трансформации политического процесса на Западе.

С наступлением эпохи модерна возникает и теория общественного договора (ОД) (социального контракта): ее сущность – добровольный отказ людей от части своих естественных прав в пользу института государства с целью более эффективной реализации собственных интересов. Причем общественный договор (негласный) всегда впоследствии оформляется юридически – обычно в виде Конституции (хотя от Конституции весьма далек). А если эту двуединую конструкцию дополнить понятийной триадой «общественный идеал – национальная идея – идеология», получим должным образом детализированную иерархию в рамках социокультурно-правового базиса политического процесса, присущего большинству так называемых национальных государств модерна (соответственно, за исключением России, чья специфика развития исключает понятия «национальная идея» и «общественный договор», в то время как ее «идеология», вызревшая в совокупности условий совершенно иных, в конечном счете стала чем-то совершенно самобытным, некой новой ипостасью имперского политического сознания).

Обратимся к опыту США: их общественным идеалом еще с пуританских времен является «свобода», их национальной идеей – так называемая американская исключительность, их общественный договор звучит как «я плачу налоги взамен неприкосновенности моей частной жизни». Эти три кита в основании всей конструкции, как видим, затрагивают разные аспекты социально-политического взаимодействия, но собою представляют построения буквально одного порядка и на более простые разложимы вряд ли.

Следующим уровнем социокультурного базиса политического процесса США является идеология либерализма, ведь идеологию невозможно сформулировать в 2-3 тезисах подобно идеалу, идее, договору. И лишь господствующая в обществе идеология способна быть оформленной в свою очередь правящим классом в Конституцию. Так, идеология прямо или косвенно является своеобразной «прокладкой» между основным законом и пресловутой понятийной триадой в странах, воспринявших республиканство западного типа, а к их числу относится и РФ.

Основатели теории ОД – Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо – видели в оной каждый свои нюансы, делая, соответственно, различные умозаключения и, как следствие, довольно разноплановые выводы [7]. Но все их штудии при беспристрастном рассмотрении лишь высвечивают проблему концептуальной ущербности западного мировоззрения, ставшей следствием той социокультурной мутации, каковую со времен античности собою неизменно представляет выведение индивидом себя за условные скобки Мира (Космоса, Природы и Общины) – посредством «автономии личности», «прав» и «свобод». В отличие от западного, русский путь естественней, сложнее, разнообразней, исторически длиннее, полноценней. Просто два последних тысячелетия *не были нашим временем*, так скажем, в силу неудовлетворительного импортозамещения правящих элит. Тем не меньше, наши предки объективно справились с задачей подготовки того «золотого века»

России, чье наступление в 2060-х гг. еще в начале прошлого столетия предсказал [6] отечественный исследователь В. Мошков. Также он запомнился довольно продуктивной гипотезой, гласившей, что сословия нередко расположены на разных фазах исторического цикла: чем выше то или иное сословие, тем раньше поджидает его подъем или упадок. Так, в российском обществе начала XX века правящим меньшинством Мошков видел интеллигенцию, а управляемым большинством – крестьянство, причем длительность цикла составляет 115 лет. Прибавив их к 1907–1910 гг., получаем, собственно, ту новую когорту путинских элит, которые идут на смену потомственным *горожанам* (дословно «буржуа»). А вот в XX веке, невзирая на риторику, присущую «Красному проекту», правящим сословием по факту выступила именно буржуазия. Если оной признавать сословие городской интеллигенции, очень многое начинает сходиться.

2. Социокультурный базис трансформации политического процесса в России.

По какой же, собственно, причине – в контексте теории ОД – мы осмелились утверждать, что русские в отличие от Запада кейс отдельный? Судите сами: разве правомерно говорить о том, что русские в естественном своем состоянии оперировали понятиями частной собственности, свободы, личных интересов, войны всех против всех [7]? Константин Борисов пишет: «За короткий летний период надо успеть и жильем себя обеспечить, и будущие поля от леса освободить. Можно такую работу выполнить в одиночку? Нет, только всем миром. Можно такую работу НЕ выполнить? Можно. Один раз. Хочешь выжить – умей работать в коллективе, умей работать от зари до зари, используя каждый теплый и светлый день. И в таком вот режиме наши предки жили больше тысячи лет» [1].

Либеральное происхождение теории ОД на первый взгляд довольно слабо сочетается с левацким спросом на «идеологию» в сегодняшней России. Хотя все становится на места, если вспомнить об объединяющей либерализм и марксизм «просвещенческой» генеалогии, в любом из вариантов антагонистичной по отношению к исконной русской ментальности. Что сегодняшние русские способны противопоставить ситуативному союзу либералов и марксистов? Собственные естественные представления о природе взаимодействия в социуме, возникшие за тысячу лет до теории ОД. Цитируем К. Борисова: «Крестьяне жили, стремясь к реализации главного: “Земля – Божья!” и “Земля – Царева!” Как иначе, если земля – это Мать с большой буквы? Она не может принадлежать отдельным людям: уж если она – Мать, то и отец мог быть только один – тот самый царь-батюшка. Необходимо особо подчеркнуть, что этот архетип Земли-Матери – много старше христианства, и никуда он из нашего сознания не делся» [2].

То есть опять же в отличие от коллективного Запада социокультурный «дом» русских имеет свой архетипический, едва ли не области мифического фундамент: Мать – Земля, Отец – любой по-настоящему верховный правитель.

Далее – гипотетически. Будь русские частью Запада, имей Россия схожую динамику и содержание процессов, как бы выглядела вышеупомянутая понятийная триада первого уровня социокультурного базиса российского политического процесса? Разумеется, к России применимо лишь понятие общественного идеала – это *мир* как община, как все сущее, как отсутствие войн. Аналогом же «национальной идеи», подлинной Русской Народной Идеей всегда являлось *выживание* социальной общности. А субститут общественного договора – *послушание*. Не как лишь соблюдение субординации, но как трансцендентальное преодоление себя и как смирение своей гордыни, как способность к подвигу и даже мученичеству «за други своя». Не даром однокоренными выступают слова *послушание* и *послушничество*.

Что касается второго уровня, единственный пример существования в условиях России идеологии в ее строгом смысле – ставшей в нашем случае прологом к пяти (!) за 100 лет конституциям – мимолетный в масштабах тысячелетней истории российской государственности период Советской власти, своей кратковременностью лишь подчеркнувший собственную незначительность для русского имперского проекта. В 2015 году нами сформулирована авторская концепция исторической периодизации различных типов социокультурных оснований российского политического процесса:

1) совпадающие «социальный миф» для Руси дохристианской и «общественный идеал» для Новгородско-Киевской Руси;

2) «религиозные доктрины» для Руси Московской (принцип «единства неслиянного, но неразъединенного» Сергия Радонежского [5], теория «Москва – третий Рим» монаха Филофея и церковная реформа патриарха Никона);

3) заведомо обреченные на провал (ввиду незнания России и русских импортируемыми элитами) попытки сформулировать «национальную идею» для Руси императорской, причем внимания в данном случае заслуживает единственно теория официальной народности графа Уварова;

4) «идеология» СССР;

5) «Большая Русская Мечта» для Новой Российской Империи (концепция Мечты-3000 за нашим авторством) [9].

Условно: если Человеку Традиции коррелируют такие социокультурные основания политического процесса, как мифология и монотеистические религии, а Человеку Модерна (фундаментом последнего была наука) – идеологии времен классической и неклассической научных парадигм, то Человек Постмодерна (и науки постнеклассической) в своем мировоззрении деградирует от квазиидеологии [потребления] к новой мифологии [потребления], в рамках которой те же С. Джобс и И. Маск – некто вроде божеств древнеегипетского пантеона. Именно подобная архаизация мышления в целом и политических рефлексов условного плебса в частности составляют либеральную уловку якобы принципиального отказа от идеологий [8].

3. Выводы.

Достраивая капитальное сооружение социокультурного базиса российского политического процесса, отметим: если бы в России вновь была возможна некая идеология в строго научном смысле этого слова, определить ее было бы несложно: этатизм русского имперства. Последний вбирает в себя все, что выше перечислено. От древних архетипов до новейших идей.

Но что об этатизме думают в интеллектуальном мейнстриме России два его крыла, как западники, так и «левые патриоты»? К примеру, в либерально-либертарианской среде считается: общественный договор есть нечто добровольное, в то время как законы государства добровольности не терпят, государство – это мафия. О том же в контексте марксизма говорит философ Славой Жижек, опираясь на «Государство и революция» В.И. Ленина: поскольку «государство – инструмент притеснения, не надо и пытаться улучшить его аппарат, охрану правопорядка, выборы... все это становится неуместным» [4, 52–53]. Вновь мы наблюдаем эту глубочайшую враждебность институту русской государственности, единственного для нашего народа гаранта выживания. Да, гаранта далеко не идеального – но однозначно единственного...

Литература

1. Борисов К. Русская цивилизация. Часть 1. Родина // ЗАРЯ: латвийская информслужба. 2015. Вып. ред. В. Руднев [Электронный ресурс]. URL: <http://zarya.lv/2015/11/russkaya-civilizaciya-chast-1-rodina>
2. Борисов К. Русская цивилизация. Часть 2. Крестьянство // ЗАРЯ: латвийская информслужба. 2015. Вып. ред. В. Руднев. [Электронный ресурс]. URL: <http://zarya.lv/2015/12/russkaya-civilizaciya-chast-2-krestyanstvo>
3. Борисов К. Русская цивилизация. Часть 3. Революция // ЗАРЯ: латвийская информслужба. 2015. Вып. ред. В. Руднев [Электронный ресурс]. URL: <http://zarya.lv/2016/01/russkaya-civilizaciya-chast-3-revoluciya-konstantin-borisov>
4. Жижек С. 13 опытов о Ленине. М.: Ad Marginem, 2003.
5. Марков А.Р. От идеологии – к Мечте-3000: анализ социокультурных оснований российского политического процесса // Актуальные проблемы современных общественных наук. Социальный вектор развития государственного управления и экономики: материалы VI Всеросс. науч.-практ. конф. молодых ученых. Уфа: БАГСУ, 2016.

6. Мошков В.А. Новая теория происхождения человека и его вырождения, составленная по данным зоологии, геологии, археологии, антропологии, этнографии, истории и статистики. Варшава, 1907 (Т. 1), 1910 (Т. 2).

7. Общественный договор [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Общественный договор](https://ru.wikipedia.org/wiki/Общественный_договор)

8. Love-Markov (Марков А.Р.). Владимир Путин и #ТотальнаяПолитика: феномен политического лидерства в XXI в. // Информационный центр AfterShock. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://aftershock.news/?q=node/556950>

9. Love-Markov (Марков А.Р.). Чей ты отпрыск или с кем ты спишь? О «справедливости» в Новой Империи // Информационный центр AfterShock. 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://aftershock.news/?q=node/570154>

Деловая репутация работника государственного аппарата: анализ правовой институционализации

Business Reputation of an Employee of the Government: the Analysis of the Legal Institutionalization

З. МИНГАЗОВА, А. ВАЛИЕВА

Мингазова Зульфия Раисовна, канд. полит. наук, доцент кафедры экономики и менеджмента Башкирского государственного аграрного университета (БГАУ). E-mail: zr1986@yandex.ru

Валиева Альбина Рифовна, канд. полит. наук, доцент кафедры экономики и менеджмента БГАУ. E-mail: valieva.ar@rambler.ru

В статье проводится анализ нормативного закрепления феномена деловой репутации работников государственного аппарата. Автор приходит к выводу, что законодатель все больше внимания уделяет деловой репутации должностных лиц как фактору развития института госаппарата, однако данная система страдает противоречивостью и имеет существенные пробелы.

Ключевые слова: деловая репутация, правовая институционализация, работник государственного аппарата.

The article carries out the analysis of the legal institutionalization of a phenomenon of business reputation of employees of government. The author comes to a conclusion that the legislator pays more and more attention to business reputation of officials as to a factor of the development of the institute of a state machinery, however this system suffers from the discrepancy and essential gaps.

Key words: business reputation, legal institutionalization, employee of government.

Повышение эффективности деятельности государственных органов и их должностных лиц, а следовательно, и всего государственного аппарата, было и остается приоритетной задачей проводимых в нашем государстве административных реформ. На наш взгляд, актуальной задачей развития государственного аппарата как института политической власти является эволюция правовой институционализации деловой репутации его работников. В данной работе мы проанализируем правовую институционализацию деловой репутации наиболее многочисленной и имеющей важнейшее значение в исполнении политических и других решений государства группы управленцев – государственных гражданских служащих.

Понятие «деловая репутация работника государственного аппарата» в системе нормативно-правовых документов проходит в настоящее время постепенное формирование и эволюцию.

Наиболее значимым законодательным актом в существующей системе источников правового регулирования понятия деловой репутации работника госаппарата является Конституция РФ. В соответствии с ней субъект управления обязан соблюдать правовые нормы, закрепленные в ней

и в других законах; каждый имеет право на защиту своей чести и доброго имени и т.п. Специальное общее правило о защите чести, достоинства и деловой репутации закреплено в Гражданском кодексе РФ. Так, в ст. 152 части 1 ГК РФ отмечено, что «гражданин имеет право через суд требовать опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений в том случае, если распространившее такие сведения лицо не докажет, что они соответствуют действительности» [1].

Далее в приведенной системе следует федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации», из анализа которого следует вывод о наличии различных подходов к определению элементов деловой репутации государственных гражданских служащих. Так, ст. 12 данного закона выдвигает к претенденту в качестве квалификационных требований стаж гражданской службы или работы по специальности, направлению подготовки, уровень профессионального образования, знания и навыки, необходимые для исполнения должностных обязанностей. Среди этих квалификационных требований общеобязательным по всей стране является тот или иной уровень профобразования [9].

К ведению субъектов РФ закон относит установление требований к стажу соответствующей службы или работы, направлению подготовки (федеральная государственная гражданская служба – исключение, показатели для нее устанавливаются Президентом РФ). Кроме этого, рассматриваемый нормативный акт прописывает, что профессиональные знания и навыки каждый государственный орган устанавливает самостоятельно. Исходя из проведенного анализа можно сделать вывод, что уже в самой правовой сути федерального закона заложены региональные и отраслевые особенности требований к деловой репутации госслужащих. Следовательно, необходимо провести сравнительный анализ сформированных в различных региональных законах и отраслевых нормативных материалах квалификационных требований к государственным гражданским служащим. Так, в законе Республики Башкортостан о государственной гражданской службе в зависимости от группы должностей устанавливается следующий стаж службы или стаж работы по специальности, направлению подготовки: высшая группа должностей – стаж службы не менее 6 лет или соответствующий стаж работы не менее 7 лет; главная группа должностей – стаж службы не менее 4 лет или стаж работы по специальности, направлению подготовки не менее 5 лет; ведущая группа должностей – стаж службы не менее 2 лет или стаж профильной работы не менее 4 лет. Требования по стажу не предъявляются к старшей и младшей группам должностей. Также в данном нормативном акте установлено, что для занятия отдельных должностей гражданской службы необходимо знать башкирский язык как второй государственный язык нашей республики [3]. Анализ аналогичного закона Республики Татарстан выявил следующие отличия. Во-первых, требования к стажу ранжированы и по группам, и по категориям должностей. Например, для замещения должностей категории «руководители» или «помощники (советники)» высшей группы необходимо иметь стаж службы на должностях главной или ведущей группы не менее 3 лет либо стаж профильной работы не менее 7 лет. По другим категориям и группам предъявляемые требования к стажу в сравнении с законодательством Республики Башкортостан также разнятся. Интересен и тот факт, что в законе Республики Татарстан прописана возможность замещения отдельных должностей без учета квалификационных требований к стажу государственной службы или работы при наличии у кандидата ученой степени, соответствующей направлению деятельности [4]. Закон Краснодарского края о гражданской службе с этой точки зрения также представляет интерес для рассмотрения. Так, требования к стажу гражданской службы или опыту работы также ранжированы по группам и по срокам перекликаются с рассмотренным выше законом Республики Башкортостан. Однако закон Краснодарского края представляет привилегии выпускникам очной формы обучения, не предъявляя к ним требования по стажу гражданской службы или стажу соответствующей работы в следующих случаях:

1) заключения между выпускником и государственным органом края договора на обучение за счет средств краевого бюджета и при поступлении на гражданскую службу в срок, установленный договором на обучение;

2) заключения договора выпускником и одним из государственных органов края о прохождении практики в течение всего периода обучения;

3) осуществления выпускником полномочий депутата законодательного органа края [2].

Таким образом, в регионах России элементы деловой репутации работников государственного аппарата получили неравномерное нормативное закрепление. Это проявляется не только в градации предъявляемых требований к стажу службы или профильной работы, но и предоставлением определенных привилегий отдельным категориям граждан при поступлении на государственную гражданскую службу в зависимости от их общекультурных, деловых и личностных качеств.

Следует отметить, что в последние год–два в федеральный закон о государственной гражданской службе были внесены поправки, которые, на наш взгляд, призваны существенно повысить уровень деловой репутации работников госаппарата, а значит, и эффективность самого государственного аппарата в целом. Например, в ограничения, связанные с гражданской службой, была внесена (а затем дополнена) поправка о невозможности в течение 10 лет поступления на службу при признании кандидата на должность не прошедшим военную службу по призыву, без законных на то оснований. Подтверждая наши доводы, необходимо привести доводы Конституционного Суда РФ, в постановлении которого подчеркивается, что «отношение гражданина к обязанности пройти военную службу характеризует его как способную или, напротив, неспособную к ответственному осуществлению публичной деятельности личность и поэтому может рассматриваться как особое репутационное требование, предъявляемое к лицам, которые претендуют на занятие должности госслужащего» [5].

Следующее ограничение было введено в рассматриваемый федеральный закон относительно недавно – в середине 2016 г. Оно закрепило обязанность претендентов на должность госслужбы и самих государственных гражданских служащих сообщать представителю нанимателя сведения о своих зарегистрированных в Интернете аккаунтах. Специалисты и руководство страны не раз отмечали, что должность чиновника – это особая ответственность, связанная с рядом правовых и этических обязательств и ограничений. Данное нововведение должно минимизировать коррупционные риски и обеспечить соблюдение государственными служащими правил профессиональной этики, что является неотъемлемой частью их деловой репутации.

Правовые акты руководства страны также затрагивают проблему деловой репутации работников госаппарата. К подобным необходимо отнести указы Президента РФ о квалификационных требованиях к стажу службы или профильной работы для должностей федеральной государственной гражданской службы, об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ. Так, в первом нормативном акте для лиц, имеющих дипломы специалиста или магистра с отличием, в течение трех лет со дня окончания вуза устанавливаются более «мягкие» квалификационные требования к стажу службы или стажу профильной работы для замещения должностей главной группы [8]. Подобное преимущество дает возможность молодому специалисту всего с одним годом работы по специальности, направлению подготовки занять должность вплоть до начальника отдела министерства или федерального агентства (службы). Это даст выпускнику с «красным дипломом» фору перед однокурсниками без диплома с отличием. А значит, у обучающихся будет дополнительная мотивация еще со студенческих лет задумываться о развитии своей деловой репутации как будущего работника государственного аппарата.

Во втором указе Президента РФ в перечне утвержденных показателей для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ можно выделить такой критерий, как «оценка населением эффективности деятельности органов государственной власти Российской Федерации» (будет действовать с 1 августа 2018 г.), который способен помочь выявить уровень деловой репутации должностных лиц данных органов власти.

Свое закрепление деловая репутация работника госаппарата получила и в Типовом кодексе этики и служебного поведения государственных служащих РФ и муниципальных служащих. В соответствии с ним госслужащий должен избегать конфликтных ситуаций, способных нанести

ущерб его репутации или авторитету государственного органа. Кроме того, в кодексе закреплено, что государственный служащий, занимающий руководящую должность, должен быть образцом профессионализма и безупречной репутации для своих подчиненных [6].

На основе данного федерального типового документа разрабатываются и принимаются их аналоги на уровне регионов, в которых также присутствуют положения, аналогичным образом касающиеся деловой репутации должностных лиц. Интересно отметить, что в содержании федерального и некоторых региональных кодексов этики имеются определенные различия в интерпретации значения деловой репутации госслужащих. Например, в Типовом кодексе определяется, что госслужащий не имеет права принимать какие-либо подарки и денежное вознаграждение, а в соответствующем кодексе Республики Башкортостан (п. 2.9) определяется, что согласно действующему Гражданскому кодексу РФ государственный служащий вправе принимать подарки, стоимость которых не превышает трех тысяч рублей [7]. На основе федерального типового и региональных кодексов разрабатываются ведомственные правила этики и служебного поведения.

Таким образом, к настоящему моменту в России уже сформировалась определенная, хотя и очень небольшая, нормативно-правовая база, регулирующая отношения в системе деловой репутации работников госаппарата. Эта база состоит из всего комплекса законодательных и нормативных актов страны и ее регионов, затрагивающих в той или иной степени различные аспекты профессиональной деятельности управленческого персонала. Анализ данной системы показывает, что законодатель все больше внимания уделяет деловой репутации должностных лиц как фактору развития института госаппарата. Однако существующие нормативно-правовые акты не имеют единой базы и основы, в связи с чем данная система страдает противоречивостью и существенными пробелами.

Литература

1. Гражданский кодекс РФ от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ. Ч. 1. // СПС «Консультант Плюс».
2. Закон Краснодарского края «О государственной гражданской службе Краснодарского края» от 31.05.2005 г. № 870-КЗ // СПС «Консультант Плюс».
3. Закон Республики Башкортостан «О государственной гражданской службе Республики Башкортостан» от 18.07.2005 г. № 206-з // СПС «Консультант Плюс».
4. Закон Республики Татарстан «О государственной гражданской службе Республики Татарстан» от 16.01.2003 г. № 3-ЗРТ // СПС «Консультант Плюс».
5. Постановление Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности п. 1 ст. 3 Федерального закона “О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части реализации мер по повышению престижа и привлекательности военной службы по призыву” в связи с запросом Парламента Чеченской Республики» от 30 октября 2014 г. № 26-П // СПС «Консультант Плюс».
6. Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих РФ и муниципальных служащих (одобрен решением президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г. (протокол № 21)) // СПС «Консультант Плюс».
7. Указ Президента РБ «О Кодексе этики и служебного поведения государственных гражданских служащих Республики Башкортостан» от 8 августа 2011 г. № УП-428 // СПС «Консультант Плюс».
8. Указ Президента РФ «О квалификационных требованиях к стажу государственной гражданской службы или стажу работы по специальности, направлению подготовки, который необходим для замещения должностей федеральной государственной гражданской службы» от 16 января 2017 г. № 16 // СПС «Консультант Плюс».
9. Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».

Система обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь: институционально-правовой аспект

System of Ensuring National Security of Republic of Belarus: Institutional and Legal Aspect

А. ОСИПОВ

Осипов Александр Владимирович, магистр управления, аспирант Академии управления при Президенте Республики Беларусь. E-mail: 7744222@tut.by

В статье представлен авторский взгляд на институционально-правовую систему обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь. На основе представленного исследования теоретического и практического понимания системы политических институтов Республики Беларусь автор выделяет государственные и гражданские субъекты, что позволяет более точно описать сам механизм обеспечения национальной безопасности государства.

Ключевые слова: национальная безопасность, система политических институтов, субъекты системы обеспечения национальной безопасности.

The author's view of the institutional and legal system of ensuring national security of Republic of Belarus is presented in article. On the basis of the presented research of theoretical and practical understanding of system of political institutes of Republic of Belarus, the author allocates the state and civil subjects that allows to describe more precisely the mechanism of ensuring national security of the state.

Key words: national security, system of political institutes, subjects of system of ensuring national security.

Проблема изучения обеспечения национальной безопасности в силу своей неоднозначности и динамичности определяет наличие множества нерешенных вопросов. Сложность их разрешения наблюдается даже в эмпирических исследованиях ученых, обладающих научным потенциалом методологии и теории. В связи с изменением политического курса, может быть полностью трансформирована вся система национальной безопасности. В этой связи чем легче она адаптируется к новым условиям и структурам, тем эффективнее осуществляется защита. В прошлом трансформационные процессы на постсоветском пространстве привели к ослаблению взаимосвязей и взаимозависимости ряда государств, что определило необходимость формирования новых требований к системе национальной безопасности, в то время как усиление интеграционных процессов в Западной Европе, наоборот, способствовало формированию «общего пространства безопасности». Эти процессы определили развитие теоретических и методологических исследований в области национальной безопасности в контексте различных наук: философии, социологии, политологии и юриспруденции.

Безопасность – это сложное многоплановое общественное явление, которое является базовым компонентом политической стратегии любого государства. Оно попадает в предметное поле исследования различных научных дисциплин, и не только общественных (в случае, когда речь идет об экологической, ядерной, кибербезопасности и других видах безопасности). В этой связи, понимая специфику теоретического осмысления национальной безопасности как общественного явления, следует отметить, что на современном этапе требуется систематизация и раскрытие уже разработанных теорий для полноты и адекватного отражения сути проблемы.

При этом многочисленная группа ученых рассматривала национальную безопасность в институционально-правовом аспекте, то есть анализировалась сфера формирования и развития взаимоотношений субъектов системы национальной безопасности, где государство выступало в роли основного регулятора. К данному направлению следует относить работы В.И. Булавина, М.Ф. Гацко, В.Л. Манилова, В.В. Момонова, Н.Н. Рыбалкина, В.А. Рукинова и других. Такие исследования основываются на философско-правовых началах государственного управления.

В.И. Булавин в своей диссертации исследует механизм обеспечения национальной безопасности, факторы и условия, его определяющие. При этом национальную безопасность ученый представляет себе как взаимосвязь и взаимодействие ее различных видов, объединенных в единую структуру [1, 7]. Такая точка зрения оправдана, поскольку на современном этапе система национальной безопасности разделена на несколько областей. По современной классификации ООН, обеспечение прав человека в любой стране должно осуществляться в следующих областях:

- экономическая безопасность;
- продовольственная безопасность;
- безопасность для здоровья; экологическая безопасность;
- личная безопасность;
- общественная безопасность; политическая безопасность [8].

Подобные или преобразованные классификации встречаются в работах А.А. Куковского, В.В. Пузикова, А.В. Шериса и других.

Ученый-философ М.Ф. Гацко в своей книге указывает на безопасность как социальное явление [2, 4]. При этом автор включал три элемента в систему национальной безопасности: безопасность личности, безопасность общества, безопасность государства, а в качестве ключевых направлений развития видел динамику национальных интересов и стратегические ориентиры Российской Федерации [2, 7–9].

Особый взгляд на возникновение и природу безопасности, в том числе представление социально-философской концепции обеспечения безопасности в условиях глобального противоборства, представлен в докторской работе Н.Н. Рыбалкина. Ученый справедливо указывает на естественноисторический характер социального развития и природу социальной трансформации общества, которая требует защиты. Феномен безопасности, по его представлению, существует как форма субъектного определения. Эволюцию системы обеспечения безопасности автор объясняет уже существующими или специально организованными вызовами [10, 387].

Политолог В.А. Рукинов проводил политологический анализ концептуального инструментария изучения социально-политических факторов генезиса безопасности и политической безопасности личности, общества и государства. Он определял социальную природу безопасности и политической безопасности как «особенную совокупность связей и отношений, предполагающую взаимодействие между индивидами, охватывающее совокупность материальных и духовных условий жизни, исключающих или минимизирующих вредоносные факторы» [9, 8].

В.Л. Манилов рассматривал всю систему национальной безопасности в комплексе субъектов, объектов и форм, в том числе анализировал угрозы и факторы, создающие опасность. Данный труд можно справедливо отнести к нескольким направлениям исследований, но с учетом совокупности представленных авторских выводов в ней раскрыт скорее институциональный аспект проблемы [5].

В.В. Момонов в своей работе отмечал конституционные основы обеспечения национальной безопасности, определяя тем самым верховенство закона в данной области. Анализируя деятельность органов государственной власти и местного самоуправления по обеспечению национальной безопасности, исследователь на опыте России аргументирует разработку новых направлений защиты национальной безопасности во внутренней политике [6, 11].

Философские взгляды на обеспечение безопасности государства основываются на объяснении исторического факта необходимости устранения всех опасностей и угроз развития в первую очередь личности и общества, а затем уже государства как целостной социальной системы. В работах этих ученых сформулированы и обоснованы общие положения, разъясняющие роль и природу возникновения национальной безопасности, выделяются категории внешних и внутренних

угроз, делается вывод о малоэффективности и неконструктивности работы государственных регулирующих и исполнительных органов в данной области.

Обострение общемировой политической ситуации актуализирует проблематику исследования институциональной системы обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь. Политические институты как ключевой элемент этой системы являются важнейшим ее регулятором, устанавливающим нормы общественного поведения, обеспечивающим последовательность действий в достижении национальных целей государственной деятельности. Проведение институционального анализа позволяет установить характерные особенности механизма обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь и выявить его слабые стороны. Таким образом, важно исследовать основу функционирования системы политических институтов в сфере обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь, оценка эффективности которой будет способствовать разработке мероприятий по ее повышению.

Государство выступает в роли основного субъекта управления национальной безопасностью, соответственно система политических институтов, регулирующих данную сферу, формируется по действующей модели государственного регулирования. В основу изучения механизма обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь, согласно действующим правовым документам, положены национальные интересы, которые определяют цели, задачи, принципы и инструменты функционирования системы политических институтов, выполняющих координирующие и контрольные функции. В этой связи генезис политических действий, направленных на обеспечение национальной безопасности Республики Беларусь, обусловлен изменением национальных интересов государства. Это изменение определяет необходимость трансформации соответствующих полномочий политических институтов, обеспечивающих национальную безопасность страны.

Под структурой системы политических институтов, обеспечивающих национальную безопасность Республики Беларусь, следует понимать совокупность регулирующих субъектов (государственных органов, общественных организаций, должностных лиц и отдельных граждан), деятельность которых направлена на обеспечение защиты национальных интересов и регламентирована нормами действующего законодательства.

Обеспечение национальной безопасности в институциональном понимании предполагает систематизированную работу всех субъектов государственного управления, деятельность которых характеризуется высокой степенью формализации и структурирования явлений и процессов, их теоретическое прогнозирование, экспертное моделирование, а также общее правовое регулирование.

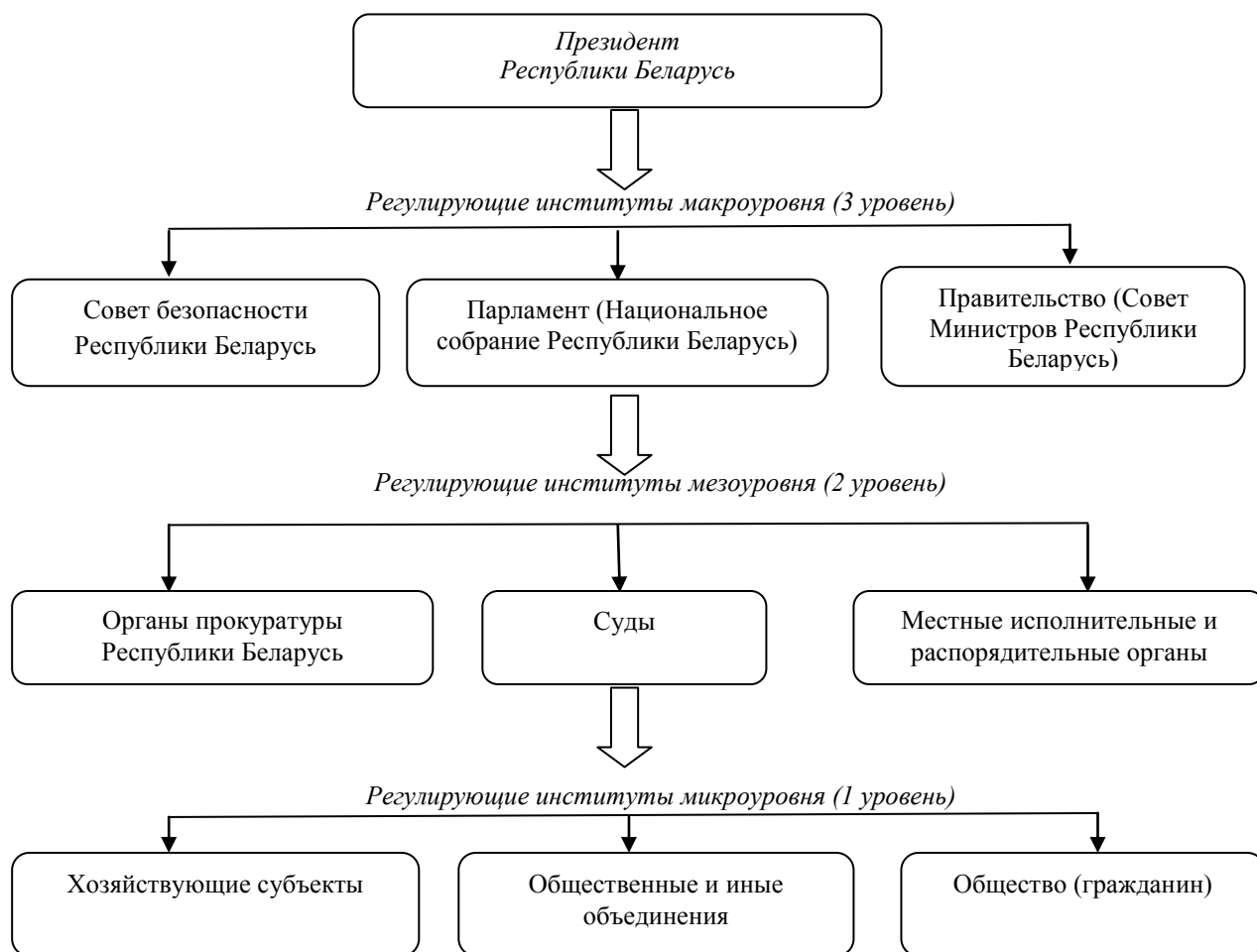
В работах белорусских ученых, как правило, исследуются отдельные институты обеспечения национальной безопасности и их функции. Так, А.В. Григорьев, исследуя функции органов внутренних дел Республики Беларусь, указывал, что их систему законодатель рассматривает через две составляющие функции: организационную и функциональную [3, 41]. Данное утверждение справедливо можно отнести к особенностям строения всей политико-институциональной системы обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь.

Организационно-институциональная система политических институтов в сфере обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь представлена в виде внутренних структурных единиц, которые, с одной стороны, имеют самостоятельный предмет правового регулирования, а с другой – объединены общими целью, задачами, функциями, методами и стратегией регулятивного воздействия законодателя на общественные отношения (см. рис.).

Президент Республики Беларусь в своей деятельности руководствуется Конституцией и Законом Республики Беларусь «О Президенте Республики Беларусь» [7].

Функциональными обязанностями Президента Республики Беларусь в сфере обеспечения национальной безопасности выступают следующие:

- принимать меры по охране суверенитета Республики Беларусь, ее национальной безопасности и территориальной целостности;
- обеспечивать политическую и экономическую стабильность;
- гарантировать реализацию основных направлений внутренней и внешней политики страны.

Организационно-институциональная система политических институтов, функционирующих в сфере обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь (2017 г.)

Выбор вышеописанной структуры системы политических институтов, обеспечивающих национальную безопасность Республики Беларусь, можно объяснить следующими факторами.

Во-первых, каждый из описанных политических институтов выполняет функцию поддержки действующего политического строя и формирует основы государственности Беларуси.

Во-вторых, предложенная структура учитывает многоаспектность территориального и административно-функционального регулирования общественных отношений, обосновывает влияние всех сфер жизнедеятельности общества, бизнеса и государства на обеспечение национальной безопасности страны.

В-третьих, жесткая регламентация полномочий позволяет устранить множество пробелов в законодательстве, связанных с дублированием функций ряда политических институтов.

Исходя из этих взглядов, для четкого определения теоретического и практического понимания системы политических институтов в обеспечении национальной безопасности Республики Беларусь предлагается разграничивать государственные и гражданские субъекты. Первые устанавливают организационный механизм обеспечения национальной безопасности, регулируют его процесс; вторые выступают в качестве формы проявления, инструмента реализации разработанных стратегий и мер. Независимо от разграничения все субъекты (государственные и гражданские) относятся к системе обеспечения безопасности и наделены определенными правами, обязанностями и ответственностью.

Литература

1. Булавин В.И. Национальная безопасность современной России: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999. 146 с.
2. Гацко М.Ф. Основы национальной безопасности: учеб. пособие. Ногинск, 2014. 130 с.
3. Григорьев А.В. Современная система и функции органов внутренних дел Республики Беларусь // Вестник Пермского университета. 2013. № 2. С. 40–55.
4. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь: утв. Указом Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г. № 575 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2017.
5. Манилов В.Л. Теория и практика организации системы обеспечения национальной безопасности России: дис. ... д-ра полит. наук. М., 1995. 366 с.
6. Мамонов В.В. Конституционные основы национальной безопасности Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2004. 50 с.
7. О Президенте Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь от 21 февраля 1995 г. № 3602-XII (в ред. от 6 октября 2006 г. № 166-3) // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2017.
8. Отчет по человеческому развитию. ООН. Нью-Йорк, Оксфорд, 1994. С. 24.
9. Рукинов В.А. Социализация безопасности и политической безопасности в современной России: дис. д-ра полит. наук. СПб., 2010. 322 с.
10. Рыбалкин Н.Н. Природа безопасности: дис. ... д-ра филос. наук. М., 2003. 407 с.

Учредители:

Башкирская академия государственной службы и управления при Главе
Республики Башкортостан, Башкирский государственный университет,
Уфимский государственный нефтяной технический университет

Адрес редакции:

450057, г. Уфа, ул. Цюрупы, 6, 1-й подъезд, к. 402
Тел. (347) 273-87-32
E-mail: ekonuprav@ufanet.ru
<http://bagsurb.ru/about/journal/>

Подписано в печать 12.02.2018. Усл. печ. л. 15,4.
Формат 60х84/8. Тираж 500 экз. Заказ № 41.

Отпечатано в РИЦ УГНТУ

450062, г. Уфа, ул. Космонавтов 1. Тел. (347) 243-19-73
E-mail: polegaln@mail.ru